АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. Г. ЦЕЙТЛИН

Творчество РЫЛЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Г. ЦЕЙТЛИН * ТВОРЧЕСТВО РЫЛЕЕВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Г. ЦЕЙТЛИН

ТВОРЧЕСТВО РЫЛЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. Л. СТЕПАНОВ

«Литературная пропаганда шла очень деятельно; душою ее был знаменитый Рылеев; он и его друзья придали ей энергию и увлекательность, которой она никогда не имела ни раньше, ни позже. То были не только слова, но и действия».

(А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России)

ВВЕДЕНИЕ

Кондратий Федорович Рылеев был виднейшим деятелем Северного тайного общества и вместе с тем самым замечательным из поэтов, выдвинутых политическими организациями декабристов [1].

Классики марксизма-ленинизма всегда высоко ценили деятельность декабристов. В. И. Ленин начинал с декабрьского восстания 1825 г. периодизацию русского революционного движения [2]. Он указывал, что «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [3]. Характеризуя первый период освободительного движения в России, Ленин говорил, что его самыми выдающимися деятелями являлись декабристы и Герцен, что именно «декабристы разбудили Герцена», которого восстание на Сенатской площади и на юге страны «разбудило» и «очистило» [4].

Говоря о революционности декабристов, В. И. Ленин всегда определял ее как революционность «лучших людей из дворян». Он подчеркивал разницу «между дворянской революционностью декабристов,—разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев,— и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века...» [5]. Указывая на классовую ограниченность революционности декабристов, В. И. Ленин, однако, не считал декабристов реформистами или либералами. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин исчерпывающе четко охарактеризовал декабристов: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие

в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало» [6].

Характеристику дворянской революционности мы находим в статье В. И. Ленина «Роль сословий и классов в освободительном движении»: «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ» [7].

Декабристы, стремившиеся разрушить феодально-крепостнический строй, были дворянскими революционерами, боявшимися самостоятельного движения масс и стремившимися действовать во имя интересов народа, но без его непосредственного участия. Эта боязнь подлинно народной революции обусловила поражение декабристов 14 декабря 1825 г. Однако при всей социальной ограниченности мировоззрения, стратегии и тактики декабристы были передовыми для своего времени людьми, сыгравшими огромную роль в истории русского освободительного движения. В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [8].

Как явствует из этой характеристики дворянской революционности, Ленин подчеркивал значение «отпора», который декабристы оказали палачам «нашей прекрасной родины». Декабристы поставлены здесь вслед за Радищевым, их прямым предшественником и идейным вдохновителем.

На революционное значение восстания декабристов указывал и И. В. Сталин. В беседе с Эмилем Людвигом он следующим образом ответил на замечание немецкого писателя, что «Романовы продержались 300 лет» на русском престоле: «Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Степана Разина, восстание Емельяна Пугачёва, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале 1917 года, Октябрьская революция» [9]. В газете «Кавказский рабочий листок», издававшейся в Тифлисе под руководством И. В. Сталина, в передовой статье номера от

14 декабря 1905 г. говорилось о «воспрянувшей от сна России», которая, «охваченная революционным пожаром, мобилизует свои силы для последней и решительной схватки с грозными твердынями самодержавия и тем самым исполняет завет героев 14 декабря 1825 года» [10].

Кондратий Федорович Рылеев находился в первом ряду тех, кто готовил переворот, он был виднейшим организатором восстания 1825 г. Творчество Рылеева было безраздельно подчинено требованиям революционной борьбы декабристских организаций. Поэтическое наследие Рылеева представляет собою самый замечательный образец революционной агитации и пропаганды, какой когда-либо создавался в тайных политических обществах.

Декабристы устами Александра Бестужева называли Рылеева «душой» Северного тайного общества и «главной пружиной» восстания 14 декабря. На эту же точку зрения стал и Верховный уголовный суд, который не отделил Рылеева-поэта от Рылеева-революционера. Роспись Верховного уголовного суда вменяла в вину подпоручику Рылееву подготовку цареубийства и «истребление императорской фамилии», приготовление «главных средств к мятежу» и возбуждение к участию в нем «нижних чинов» русской гвардии. Вместе с тем Верховный суд обвинял Рылеева и в том, что он «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи» [11]. И в самом деле: поэтическое слово Рылеева верно служило его политическому делу.

Научное изучение литературного наследия Рылеева было начато Н. П. Огаревым, в предисловии к «Думам» Рылеева (изд. Искандера, Лондон, 1860) признавшим этот цикл произведений историческим памятником, которому «не должно исчезнуть», памятником «геройского времени русской жизни». Огарев подчеркнул громадную роль, которую сыграла в развитии Рылеева Отечественная война. «С 1812 года по 1825-й Россия сознала себя огромной силой в мире человеческом, и вместе с тем, внутри себя, пришла к чувству гражданской свободы». Рылеев был для Огарева представителем «юных русских сил», требовавших для себя простора. «Вырывая из забвения» литературное наследие декабристов, Огарев писал: «Рылеев был поэтом общественной жизни своего времени. Хотя он и сказал о себе: „Я не поэт, а гражданин“,—но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию» [12].

Огарев всемерно популяризировал наследие одного из своих исторических предшественников, того, кто был ему «первым светом», отцом, родным ему по духу (см. его стихотворение «Памяти Рылеева»).

Как резко уклонилось буржуазное литературоведение от трактовки творчества Рылеева в этой статье Н. П. Огарева! Историки литературы конца XIX и начала XX в. сделали все от них зависящее для того, чтобы извратить героический облик поэта-революционера. Начало такому извращению положил Д. Кропотов, который в своих воспоминаниях о Рылееве изображал его вполне благонамеренным в политическом отношении человеком, «запутавшимся» благодаря стечению «неблагоприятных обстоятельств» [13]. Огарев сурово отозвался об этих «клеветах», распространенных «каким-то штукарем» в «катковско-леонтьевском» «Русском вестнике» [14]; однако эта клевета распространилась далее. А. Н. Сиротинин, напечатавший в «Русском архиве» за 1890 г. (кн. 6-я) биографический очерк о Рылееве, доказывал в нем, что Рылеев был вовлечен в тайное общество исключительно в силу вредных влияний, чуждых якобы верноподданническому духу русского народа. Старательно приглушая прогрессивное содержание творчества Рылеева и, в частности, в высшей степени пренебрежительно оценивая его агитационно-сатирические песни, А. Н. Сиротинин в то же время восхищался «раскаянием» Рылеева после ареста и его стихотворениями 1826 г., якобы до конца проникнутыми духом религиозного отречения от «земной суеты».

Вслед за этой работой о Рылееве в 1908 г. появилась выдержанная в умеренно-либеральном духе книга Н. А. Котляревского, который также принижал (хотя и более осторожно, чем А. Н. Сиротинин) значение революционной деятельности декабристов. По его утверждениям, 14 декабря 1825 г. если и «должно войти в общую историю революционного движения в России, то только как самостоятельный, в себе замкнутый эпизод, не имевший аналогий в прошлом и связанный с последующим ростом революционных идей лишь слабой общей связью».

Буржуазному либералу Котляревскому декабризм представлялся всего лишь «вспышкой», движением, не вооруженным никаким практическим опытом и никак не связанным с русской действительностью. По утверждению Котляревского, декабристы «учились не у жизни, а у Плутарха».

Рассматривая декабризм всего лишь как «трагедию мечты», Котляревский, естественно, должен был принизить и Рылеева, у которого он усмотрел больше темперамента, «чем политического глубокомыслия». Исследователь наделял «природную организацию» Рылеева пассивной созерцательностью, «тихой

работой мысли» и т. д. Книгу Котляревского характеризует отрыв Рылеева от деятельности тайных обществ: сатиры «К временщику», «На смерть К. П. Чернова» и другие произведения русского поэта рассматривались Котляревским вне связи с политическим движением 20-х годов.

Придирчиво критикуя Рылеева как поэта, Котляревский отказывал его произведениям в художественных достоинствах: «...везде и всегда в этих стихах чувствовался недостаток поэзии, и ни одно из стихотворений не может быть названо художественно законченным или совершенным». Вопреки многочисленным свидетельствам современников, Котляревский утверждал, что поэзия Рылеева не оказала воздействия на читателей: «Число этих гражданских лирических стихотворений... очень ограничено, и из них своевременно в печать попало лишь самое ничтожное количество. Вот почему говорить о влиянии этой лирики на умы современников в широком смысле этого слова едва ли возможно» [15].

Как характерно это суждение для буржуазного либерала, не представлявшего себе никакой печати, кроме «легальной», и в каком непримиримом противоречии находились его утверждения с исторической правдой того времени, когда революционное слово звучало помимо печати, расходясь по России в тысячах рукописных списков! Припомним полные иронии слова Пушкина в его «Послании цензору»:

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.

Впрочем, нельзя винить Н. Котляревского в намеренном извращении тенденций рылеевского творчества. Именно такова была вся методология буржуазных историков литературы. Виднейший их представитель А. Н. Пыпин трактовал вооруженное восстание 1825 г. как следствие «политической экзальтации» и легкомысленного увлечения западной «либеральной модой». Он решительно отрицал наличие в русском обществе 1820-х годов каких бы то ни было «элементов революционного свойства»[16]. На эту концепцию буржуазного либерала и опирался в своей книге Котляревский.

Приведенные нами суждения показывают, какую кучу лжи и всяческих кривотолков пришлось убрать с своей дороги последующим исследователям рылеевского творчества.

В 1912 г. молодой киевский ученый В. И. Маслов выпустил в свет фундаментальное исследование «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Опираясь на впервые обследованные им материалы литературного архива поэта-декабриста, В. И. Мас-

лов написал о деятельности Рылеева содержательную книгу. Творческое развитие поэта было здесь впервые поставлено в связь с эволюцией русской литературы 1810—1820-х годов. Особенно много В. И. Маслов сделал для установления литературных источников творчества Рылеева. Однако и В. И. Маслов не сумел с необходимой отчетливостью охарактеризовать политическую сущность литературной деятельности Рылеева. Он не сумел показать, как от юношеских стилизаций в манере Батюшкова Рылеев обратился к сатире на Аракчеева, не сумел понять, что́ так неотвратимо толкало Рылеева на путь политической агитации и пропаганды. Точно так же изолированно от жизни исследовались Масловым и позднейшие произведения Рылеева — «Думы», «Войнаровский» и др. Подобно Котляревскому, В. И. Маслов не понял громадного значения агитационно-сатирических песен Рылеева.

И после того как книга Маслова была им же дополнена, все еще оставались не решенными такие важнейшие проблемы, как связь Рылеева с идеями Союза Благоденствия, как отражение в его поэзии политических задач Северного тайного общества. Обо всем этом Маслов просто ничего не говорил, обходя самые существенные вопросы идейного развития поэта-декабриста. Собрав большой и ценный материал для изучения жизни и деятельности Рылеева, В. И. Маслов не смог создать его научной биографии.

Не только изучение творчества Рылеева, но и публикация его произведений до Октября 1917 г. являлись делом чрезвычайно затруднительным. В предисловии к лондонскому изданию «Дум» (1860) Н. П. Огарев писал: «Из „Наливайки" сохранились только два-три отрывка. Неужели ни у кого нет остального?»[17]. Рукописи Рылеева хранились в ту пору в частных собраниях — Булгарина, Ивановского и др., и какая бы то ни было публикация их в России до начала 70-х годов вообще была невозможна. Знакомство дореволюционных читателей с произведениями Рылеева, Кюхельбекера и Бестужева было в высшей степени неполным. Дооктябрьские собрания сочинений Рылеева (Ефремова—1872 и 1874 гг., Мазаева—1893 г. и др.) изобиловали бесчисленным множеством варварских купюр и искажений. Те и другие производились не только предельно реакционной цензурой царской России, но и умеренно-либеральными издателями декабристской литературы, не останавливавшимися перед изъятием опасных в цензурном отношении строф и даже произведений.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала предпосылки для научного издания и исследования декабристской литературы. Только в советское время вышли в свет два полных собрания произведений Рылеева: его стихотворения из-

даны были в серии «Библиотека поэта», его сочинения (с включением прозы и писем) — в издании «Academia». Оба эти издания вышли одновременно в 1934 г.; в них было впервые собрано и научно прокомментировано все, что к тому времени было известно из творческого наследия поэта-декабриста.

Осуществление издания сочинений К. Ф. Рылеева, естественно, способствовало изучению его творчества. Особенно много сделали в этом направлении Ю. Г. Оксман и Н. И. Мордовченко; над изучением поэзии Рылеева работали В. А. Гофман, К. В. Пигарев, В. Г. Базанов, а также автор данной монографии.

В изучении жизни и деятельности поэта-декабриста советскими литературоведами был допущен ряд важных методологических ошибок. Нашлись исследователи, которые объявляли, что политическая тема является у Рылеева всего лишь необходимым «трамплином» для утверждения новых приемов художественной выразительности. Этот подход проявился в работе о Рылееве В. А. Гофмана [18]; однако с наибольшей отчетливостью он выразился в писаниях о Рылееве литературоведов формалистского лагеря. Изучая творчество Рылеева «имманентно», вне обусловившей его русской действительности, эти исследователи нередко оперировали порочным методом А. Н. Веселовского. Рылеев объявлялся ими покорным учеником и продолжателем Тибулла и Парни, позднее Немцевича и Байрона. Это «доказывалось» путем схематических «параллелей», столь характерных для школы Веселовского и, естественно, приводивших к отрыву поэзии Рылеева от взрастившей ее русской жизни.

Связь поэтического творчества Рылеева с русской действительностью очевидна. Как и все декабристы, он знал о нищенском положении русского крестьянства, являлся свидетелем деспотизма русского самодержавия. В его поэзии отразились и неизбывное горе крепостного крестьянства (например, песня «Ах, тошно мне и в родной стороне»), и тяжесть солдатчины, и горячее стремление передовой общественности к борьбе за освобождение русского народа. Путь Рылеева от дворянского просветительства к дворянской революционности объединяет его со многими участниками декабристского движения. Идеальный и дидактический образ «просвещенного государя», творящего «добро», созданный Рылеевым в одах и ранних «думах», сближает его с просветителями XVIII в.; признание необходимости революции роднит его с Радищевым. Какой бы мотив или образ рылеевской поэзии мы ни взяли, каждый из них крепкими нитями связан с жизнью России, с историей населяющих ее народов. Образы Вадима Новгородского и Марфы Посадницы создавались Рылеевым в процессе изучения летописей и

исторических сочинений. В образах поэмы «Наливайко» ярко проявился интерес Рылеева к героическому прошлому Украины, к устному поэтическому творчеству ее свободолюбивого народа. Рылееву никогда не было свойственно стремление изолироваться от жизни. В классицистической форме ранних од, в романтической форме своих поэм Рылеев повествовал о той же русской жизни, картина которой уже вполне реалистично раскрылась в его агитационно-сатирических песнях 1823—1825 гг.

Наряду с формалистски-космополитическими тенденциями, в изучении творчества Рылеева существовали тенденции вульгарно-социологического порядка. Революционное движение декабристов вульгарные социологи всех толков объявляли движением «обуржуазившегося» или «капитализировавшегося» дворянства, защищавшего якобы только корыстные дворянские интересы. Этот подход всего отчетливее выразился в писаниях М. Н. Покровского и образовавшейся вокруг него «школы». Покровский, великодушно признававший Рылеева «крупнейшим революционным литератором», в то же время называл его «никуда не годным революционным вождем», как будто Рылеев не был главным организатором первого в истории России революционного восстания против самодержавия. Но и признание Рылеева «крупнейшим революционным литератором» имело у Покровского номинальное значение, поскольку он постоянно игнорировал актуальное звучание декабристской поэзии. Цитируя, например, слова Наливайко «Погибну я за край родной, Я это чувствую, я знаю...», Покровский интерпретировал их, как проповедь Рылеевым национализма. Он намеренно выключил из поля своего зрения второй, потаенный и замаскированный смысл «Наливайко». Изображая борьбу Наливайко против польской шляхты, Рылеев явно имел в виду современную ему борьбу декабристов против русского самодержавия. Третируя декабристов-северян как «соглашателей», Покровский тем самым чернил и Рылеева-поэта.

Трактовка декабристского движения М. Н. Покровским долгое время определяла подход некоторых советских литературоведов к Рылееву. Автор настоящей монографии считает долгом признать, что глубоко порочная концепция Покровского отразилась в его работе 1934 г. «Творчество К. Ф. Рылеева», опубликованной в качестве вступительной статьи к полному собранию сочинений Рылеева, вышедшему в издательстве «Academia». И сейчас еще существует воззрение на Рылеева, как на одинокого «мечтателя», беспочвенного романтика, сердце которого якобы оказывалось не в ладу с его умом, а революционность якобы «выкипала» по мере приближения событий 14 декабря. Этот взгляд на Рылеева, представленный в исто-

рической литературе книгой А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 г.» (Л., 1925), отразился, к сожалению, и в некоторых литературоведческих работах, например в книге К. В. Пигарева «Жизнь Рылеева» (М., 1947).

Успехи, которых советское литературоведение добилось в области изучения творчества К. Ф. Рылеева, закономерно связаны с достижениями советских историков. Их успехи в изучении декабристской литературы стали особенно значительными в послевоенные годы, когда вышел ряд работ о декабристском движении: см. статью С. Волка «Исторические взгляды декабристов» («Вопросы истории», 1950, № 12), К. Аксенова «Северное общество декабристов» (Л., 1951) и особенно вышедшую двумя изданиями монографию М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» (М., 1946 и 1949), а также работу того же автора «Восстание 14 декабря 1825 г.» (М., 1950), представляющую собою часть ее монографии по истории декабристского движения. В эти же годы были выпущены в свет антологии сочинений декабристов: в «Библиотеке поэта» (Большая серия) появилась «Поэзия декабристов» под ред. Б. С. Мейлаха (Л., 1950); вслед за ней вышла составленная В. Н. Орловым антология «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика» (Л., 1951).

Развернутым фронтом велось в эти годы изучение литературной деятельности декабристов. Оно коснулось декабристской журналистики и критики, обстоятельно изученной Н. Л. Степановым — см., например, его статьи в «Очерках по истории русской журналистики и критики» (т. I, Л., 1950). Специальная монография В. Г. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности» (Петрозаводск, 1949) посвящена деятельности этого важнейшего литературного объединения декабристов.

Можно без преувеличения сказать, что именно в эту пору по-настоящему начало издаваться и изучаться литературное наследие Ф. Н. Глинки и В. Ф. Раевского: см. «Ф. Н. Глинка. Избранное», с большим послесловием В. Г. Базанова (Петрозаводск, 1949), публикацию материалов литературного архива В. Ф. Раевского П. С. Бейсовым («Пушкинский сборник», Ульяновск, 1949), книгу В. Г. Базанова «Владимир Федосеевич Раевский» (Л., 1949) и др. По-новому изучалось и творчество А. Бестужева-Марлинского: см. о нем в книге В. Г. Базанова «Очерки декабристской литературы» (Л., 1953).

Во всех новейших работах советских литературоведов о декабристах неизменно подчеркивается их борьба с самодержавно-крепостническим строем, суровая критика писателями-декабристами реакционных теорий Шишкова и консервативных сторон деятельности карамзинистов. Советские литературоведы все

более глубоко характеризуют творческий метод декабристов — их революционный романтизм.

В исследовании жизни и деятельности Рылеева советским ученым удалось в конце концов преодолеть формализм, компаративизм, вульгарную социологию и порочную методологию школы Покровского. В результате объединенных усилий советские исследователи сумели раскрыть национальную самобытность поэзии Рылеева, охарактеризовать ее идейно-художественные тенденции.

Наши успехи в этой области теснейшим образом связаны с работой советских историков. Чем внимательнее изучается история Северного тайного общества, тем ярче вырисовывается исключительная активность К. Ф. Рылеева в этой политической организации (см., например, книгу К. Аксенова «Северное общество декабристов», Л., 1951, убедительно показавшую исключительную роль в нем Рылеева). Решительно разрывая с традиционными представлениями о Рылееве как покорном ученике Никиты Муравьева, а затем Пестеля, советская история и литературоведение изучают Рылеева как одного из самых выдающихся руководителей декабристского движения в русской политической жизни и в литературе.

Рылеев не был «беспочвенным». Его политическая и литературная деятельность была вызвана глубокими потребностями русской жизни. Правда, Рылеев, как и другие декабристы, верил в возможность победить самодержавно-крепостнический режим без участия в борьбе русского крепостного крестьянства; как и другие декабристы, он опасался народной инициативы. Отсюда возникла ставка декабристов на героев, ведущих за собою народ и добывающих ему свободу своим самоотверженным подвигом. Но при всем этом Рылеев не уходил от русской действительности, а энергично боролся за ее изменение. Романтика «Дум» и поэмы «Наливайко», оды «На смерть Байрона» и элегии «Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан...» заключала в себе революционное решение самых острых и злободневных проблем современной Рылееву русской жизни.

Враг пассивной мечтательности и мистической «туманности», Рылеев стремился воспитать молодое поколение в духе оптимизма и общественной активности. «К несчастию влияние это (речь шла о Жуковском.— *А. Ц.*) было слишком пагубно: мистицизм... мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали» [19]. В этом суждении Рылеева ярко раскрылось своеобразие его романтизма.

К литературной деятельности Рылеева нельзя подходить с теми критериями и мерками, какие были бы уместны в изу-

чении творчества большинства поэтов пушкинской поры. Вяземскому, Давыдову, Дельвигу, Баратынскому свойственно было необычайно раннее и быстрое созревание. Эти поэты рано вышли на арену литературной жизни. Не таким был Рылеев, который до 25-летнего возраста не создал ничего сколько-нибудь значительного. По юношеским опытам Рылеева никак еще нельзя угадать того бурного роста, который начнется у поэта в 20-е годы, уже не прекращаясь до самого восстания.

Только осенью 1820 г. у Рылеева определилась ведущая, магистральная тема его творчества; однако он продолжал искать все новых и новых форм выражения этой темы. Рылеев был неустанно развивавшимся поэтом, творческую самостоятельность которого оценил Пушкин. В январском письме 1824 г к А. А. Бестужеву он говорил о том, что «Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всех его *Дум*, слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет». В черновике того же письма сказано было еще решительнее: «Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всего, что он написал...». В марте 1825 г. Пушкин вновь писал А. А. Бестужеву: «Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его Думах я сказал вслух и ясно; о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чорт его знал. Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!» [20].

С наибольшей выразительностью это указание на творческий рост Рылеева было выражено Пушкиным в письме к брату в феврале 1825 г.: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если *Палей* пойдет как начал, Рылеев будет министром» [21].

Все это было сказано о поэте, который печатался всего лишь четыре с половиной года! И пушкинская похвала была Рылеевым заслужена: путь его от сатиры на Аракчеева к поэме о Палее ознаменован был непрерывным и стремительным движением вперед. Сам Рылеев в марте 1825 г. писал Булгарину: «Я хочу прочной славы, не даром, но за дело» [22]. Он неустанно трудился для этой «славы», верно служа интересам русской литературы.

Творчество Рылеева отличалось разнообразием литературных жанров. В начале 20-х годов он написал несколько прозаических произведений нравоописательного характера. Он дважды пробовал свои силы в драматургии (набросок трагедии

о Мазепе, около 1822 г. и о Богдане Хмельницком, 1825)[23]. Рылеев был видным лирическим поэтом своего времени и не менее видным эпическим поэтом: сатира, гражданская элегия, национально-историческая баллада и поэма были обязаны многим его творческому труду. На последнем этапе своей литературной деятельности Рылеев обратился к критике (статья «Несколько слов о поэзии», 1825). И, наконец, он был редактором-издателем виднейшего русского альманаха его времени — «Полярная звезда».

По своей политической целеустремленности Рылеев был едва ли не самым выдающимся поэтом пушкинской поры. Подобно лермонтовскому Мцыри, он

знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Рылеев родился в 1795 г., через шесть лет после того, как в истории Европы началась новая большая эпоха. Это была, по характеристике В. И. Ленина, «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»[24]. Передовые люди России 1810—1820-х годов (к ним в первую очередь принадлежали декабристы) боролись против самодержавно-крепостнического строя. Значение Рылеева-поэта заключалось прежде всего в том, что он сумел с исключительной силой выразить идею борьбы против «самовластия» феодально-крепостнической монархии. Защита передовой личности, а вместе с нею и нации, угнетенной «тиранами», занимала центральное место в литературной деятельности Рылеева. Как писал Н. Бестужев, «единственная мысль» Рылеева, «постоянная его идея была пробудить в душах своих соотечественников чувствования любви к отечеству, зажечь желание свободы»[25]. Неуклонное стремление Рылеева к раскрытию этой идеи и придавало бурный характер его творческому развитию.

Отнюдь не первым ввел Рылеев эти мотивы в русскую поэзию. Как и Пушкин, он восславил свободу «вслед Радищеву», автору «Путешествия из Петербурга в Москву» и тираноборческой оды «Вольность». Связь Рылеева с Радищевым старательно замалчивалась буржуазным литературоведением; однако она была глубокой и органической. Следуя за Радищевым и опираясь на его литературное наследство, писатели-декабристы стремились превратить поэзию в оружие освободительной борьбы, сделать ее средством пропаганды передовых идей своего времени. Рылеев выступал как прямой последователь Радищева, как его ученик и продолжатель его дела.

Автор сатиры «К временщику» сильно уступал Радищеву в революционной непримиримости; однако ему в отличие от Радищева выпало на долю счастье участвовать в революционном движении. Рылеев не только руководил этим движением, но и подготовлял его своим поэтическим творчеством. Поэтическая деятельность Рылеева целиком пришлась на пятилетие между осенью 1820 г. и зимою 1825 г. Творческий рост Рылеева находился в органической связи с поднимающейся волной декабристской революционности. В пределах этого краткого, но чрезвычайно насыщенного событиями периода и происходило творческое развитие Рылеева, которого с полным правом можно назвать певцом «героического периода» декабристского движения.

Это были годы сильных перемен в жизни России и Западной Европы. В России резко усилились антикрепостнические волнения крестьян, солдат и вольнопоселенцев, создавался ряд тайных революционных организаций. 1820—1825-е годы были ознаменованы революционными переворотами в Испании и Северной Италии, «брожением умов» в Германии, борьбой греков против турецкого владычества и вместе с тем кровавым наступлением международной реакции, подавлявшей национально-освободительное движение. Передовая русская общественность готовила революционный переворот, попытка которого состоялась в декабре 1825 г.

У Рылеева были предшественники среди литераторов-декабристов. К их числу принадлежал и член Союза Спасения П. А. Катенин и член Союза Благоденствия Ф. Н. Глинка. Оба они сыграли определенную роль в становлении литературы декабристов. Однако деятельность их как писателей прекратилась к тому моменту, когда Союз Благоденствия закончил свое существование. «В этот ответственный момент, когда в декабристском движении наступил временный перерыв, в литературе появился Рылеев, и именно он, тогда еще не декабрист, не член тайного общества, возглавил дальнейшее развитие декабристской поэзии. Рылеев создал новую поэзию, отвечающую поступательному движению декабризма. В „думах“, в поэмах, в преддекабрьской лирике он разрешил те проблемы, которые не смогли разрешить его предшественники, он создал поэзию огромного агитационного напряжения...» [26].

Необыкновенная быстрота развития Рылеева как поэта объяснялась именно тем, что он был верным и неутомимым пропагандистом декабристских идей в русской литературе. Никто из поэтов 20-х годов не мог сравниться с ним в умении подчинить все свои искания этой основной цели — подгото-

вить русскую общественность к грядущей схватке с самодержавием, воспитать ее в ненависти к «тирании».

Рылеев более чем кто-либо из декабристских поэтов формировал политическое сознание прогрессивно и революционно настроенных читателей XIX в. Чтение «Дум» Рылеева в предгрозовой обстановке 1825 г. приводило этих читателей к мысли «покончить с этим правительством». Припомним, с какой глубокой любовью отзывался о литературной деятельности Рылеева прямой продолжатель дела декабристов Герцен. Рылеева он причислял к группе «самых любимых литераторов» 20-х годов [27], называл его «человеком самым замечательным из петербуржцев» (т. е. из участников Северного тайного общества декабристов). Глубоко чтя поэта, представлявшего самый «восторженный, юношеский, поэтический элемент» русской революции [28], Герцен на склоне лет дал такую характеристику Рылеева, как писателя: «*Поэт-гражданин*, он был тем и другим в каждой своей поэме, в каждой строфе, в каждом стихе. Все проникнуто чувством самопожертвования, безграничной любви и пламенной ненависти» [29].

Герцен познакомился с поэзией Рылеева еще в отроческие годы — учитель русской словесности носил к нему «мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов», которые ученик «переписывал тайком» [30]. Герцен с Огаревым не были в этом отношении исключением: в начале 20-х годов «революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Не было ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей сумке, ни одного поповского сына, который не снял бы с них дюжину копий... целое поколение пережило влияние горячей юношеской пропаганды» [31].

Воспитательное воздействие Рылеева вышло далеко за пределы 1820-х и даже 1830-х годов: благородное влияние его поэзии ощутили на себе и разночинцы, группировавшиеся в революционном обществе Петрашевского, и крестьянские демократы 60-х годов, и революционные народники, и первые русские марксисты.

Написанная мною монография посвящена в основном не жизни К. Ф. Рылеева, а его литературной деятельности. Правда, я не мог отказаться от некоторых биографических экскурсов там, где речь шла об условиях, в которых созревало дарование поэта. Литература о Рылееве так невелика, что со стороны исследователя было бы неоправданным педантизмом обойти из-за ограничения тематических рамок своей работы не привлекавшийся ранее материал. Но он зани-

мает в работе второстепенное место: книга посвящена Рылееву-поэту.

В советском литературоведении до сих пор еще нет монографической работы, посвященной творческому пути Рылеева. Я стремился возможно более тесно связать поэтическое развитие Рылеева с его политической деятельностью, понять эту поэзию как художественно-образное выражение идей декабризма.

В творчестве Рылеева с наибольшей полнотой отразились внутренние противоречия декабристского движения. С одной стороны, стремительная энергия дворянских *революционеров*, шедших к восстанию против самодержавия и крепостнического строя; с другой — классовая и историческая ограниченность *дворянского* революционера, опиравшегося только на сравнительно узкий круг «лучших людей» из среды господствующего класса. Эти противоречия отразились на всем поэтическом творчестве Рылеева, которое тем не менее прошло большой и плодотворный путь развития. Не скрывая того, что свидетельствовало об ограниченности поэзии Рылеева, я стремился особенно подчеркнуть ее исторически-прогрессивные стороны и, в частности, республиканско-демократическое содержание его лучших произведений. В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин напоминал «о давно забытых республиканских идеях декабристов» [32]. В поэзии декабристов они всего полнее отразились именно в творчестве Рылеева.

Монография основывается не только на уже известных фактах литературной деятельности Рылеева, но и на ряде документов, которые лишь в самое последнее время были обнаружены в архивах и еще не были объектом научного анализа. К таким документам в первую очередь относятся: пролог исторической трагедии о Богдане Хмельницком, первая редакция предисловия к «Думам», черновые автографы нескольких «дум», отрывки из поэм «Войнаровский» и «Наливайко», а также ряд небольших произведений Рылеева. Фонд писем Рылеева обогатился письмами к отцу, П. А. Вяземскому, Н. А. Маркевичу. Я располагал также некоторыми материалами, принадлежавшими перу друзей и знакомых Рылеева: письмами к нему товарищей по конно-артиллерийской роте, в которой он служил в юности, а также письмом П. Михайловского, которое помогает выяснить вопрос о так называемой «госпоже К.», оказавшейся впоследствии шпионкой правительства. В работе использованы также недавно опубликованные воспоминания о Рылееве его острогожского сослуживца А. И. Косовского.

Настоящая монография также опирается на следственные дела декабристов, по преимуществу членов Северного общества. В этих делах имеются документы следствия над Рылеевым — его показания, ответы на поставленные ему «вопросные пункты» и проч. В некоторых из этих следственных дел содержится материал для характеристики Рылеева как поэта. Таково, например, ценнейшее свидетельство В. И. Штейнгеля о прологе к трагедии «Богдан Хмельницкий», который он слышал в чтении Рылеева в октябре 1825 г.

Перечисленные выше материалы лишь недавно были опубликованы в 59-м томе «Литературного наследства», посвященном творчеству Рылеева и Кюхельбекера. Они проведены здесь в более или менее пространных выдержках *.

Использованный в работе рукописный, мемуарный, эпистолярный, следственный и цензурный материал хранится в следующих архивах: в Центральном государственном историческом архиве в Москве и его филиале в Ленинграде, Центральном государственном историческом архиве древних актов, Центральном государственном литературном архиве, Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве и его филиале в Ленинграде, рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР, Архиве Академии наук СССР в Ленинграде.

Я приношу глубокую благодарность всем, кто принимал участие в обсуждении этой работы и помогал мне своими советами и критическими замечаниями.

---

* Исключение составляет лишь пролог к трагедии о Хмельницком, который цитируется здесь более подробно, чем в «Литературном наследстве».

Глава первая

ЮНОСТЬ. ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ

I

Кондратий Федорович Рылеев родился 18 (29) сентября 1795 г. в небольшом именье своей матери, с. Батове Софийского уезда Петербургской губернии. «Месторасположение там чудесное... Тихая речка вьется между крутыми лесистыми берегами, инде расширяется плесом, инде подмывает скалы, с которых сбегают звонкие ручьи. Тишь и дичь кругом» [1]. Так описывал Батово побывавший там в 1824 г. друг Рылеева А. А. Бестужев-Марлинский.

Отец будущего декабриста, Федор Андреевич Рылеев, происходил из старинного дворянского рода, который к началу XIX в. уже сделался захудалым. Большинство Рылеевых принадлежало к служилому дворянству; таким был и Ф. А. Рылеев. Дослужившись в армии до чина подполковника, полученного им в 1790 г., он вскоре вышел в отставку.

Отец Рылеева был суров и в высшей степени расчетлив, мать — добра и мягкосердечна. Обстановка, в которой прошли первые детские годы К. Ф. Рылеева, не была благоприятной. Ф. А. Рылеев сурово обращался с женой, подчас подвергая ее истязаниям. У Рылеевых родилось несколько детей, но, за исключением сына Кондратия, все они умирали в младенчестве. Материальный достаток семьи Рылеевых был очень скромным. В Батове по ревизской сказке 1826 г. значилось 42 души «настоящих крестьян», раньше их было и того меньше [2]. Стесненное материальное положение заставило Ф. А. Рылеева поступить на частную службу в качестве управляющего киевским имением князей Голицыных.

Таким образом, будущий декабрист принадлежал к наименее обеспеченному слою мелкопоместных дворян. У Рылеева

не было и не могло быть надежд на богатое наследство; ему предстояло собственным трудом пробивать себе дорогу в жизни.

Детские годы Рылеева были лишены радостных впечатлений. Мальчик боялся сурового и резкого в обращении отца и был привязан к матери, бессильной, однако, оградить сына от жестоких истязаний. На шестом году жизни Рылеев был отправлен в Петербург, в Первый кадетский корпус. Ребенок был еще так мал, что не мог попасть даже в «малолетнее» отделение кадетов: его пришлось зачислить «волонтером». В кадетском корпусе Рылеев провел тринадцать с лишком лет, с января 1801 по февраль 1814 г. Это было большое военно-учебное заведение, в котором обучалось не менее тысячи воспитанников. Пребывание Рылеева в корпусе и в малой степени не походило на жизнь Пушкина и его товарищей, которые «безмятежно возрастали» в Царскосельском лицее. Директор Первого кадетского корпуса, известный немецкий поэт Фридрих Максимилиан Клингер, был убежденным сторонником прусской муштры. Он был угрюм в обращении, скуп на слова и главным средством воспитания кадетов считал розгу.

Впрочем, кроме жестокого Клингера, в корпусе служили и простые, душевные люди, которым удалось создать обстановку, довольно благоприятную для кадетов. «Деятельность ума и тела, умеренность и простота в пище, единодушие в товариществе — вот главные рычаги на подъем и перенесение житейских тяжестей,— к этому всему с детства приучаются офицеры из кадет»,— так охарактеризовал корпусные порядки декабрист А. Е. Розен, вступивший в корпус через год после выпуска Рылеева в армию. В начале 1800-х годов условия эти были не худшими. Розен вспоминал «с искреннейшей признательностью» инспектора классов М. С. Перского, учителя фортификации и артиллерии А. Х. Шмита, преподавателя русской словесности и истории М. И. Талызина и других корпусных педагогов [3]. У всех них несколько ранее А. Е. Розена учился и Рылеев.

В течение всего времени пребывания в корпусе Рылеев поддерживал письменную связь с родителями, во время же каникул он регулярно приезжал в Батово. Ф. А. Рылеев был суров с сыном, неизменно отказывал ему в деньгах, для чего бы они ни требовались — уплатить ли кадету, помогавшему мальчику в усвоении геометрии, или для обмундирования, необходимого при выпуске, или, наконец, для покупки книг. «Надеюсь,— писал Рылеев отцу в одном из позднейших писем,— что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные мне деньги к маю месяцу». Но

«виновник бытия» с присылкой денег отнюдь не торопился. В ответе на третье письмо сына Ф. А. Рылеев давал ему самую суровую отповедь. «Ах, любезный сын, сколь утешительно читать от сердца написанное, буде то сердце во всей наготе неповинности откровенно и просто изливается... Сколь же, напротив того, человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце, и обнаруживает при том, что оно наполнено чужими умозаключениями, натянутыми и несвязными выражениями, и что всего гнуснее, то для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами... Надобны ли они ему действительно, или можно и без них обойтиться?.. И ежели я твой родитель, то должен ты из сыновнего уважения, вступая в новое для тебя поприще, не размышляя ни о чем другом, прежде всего броситься в отцовские объятия и верить благонадежно тому, что он с лучшею противу всякого другого благодетеля твоего горячностью приимет, обымет и благословит по возможности» [4].

Судя по этому полному фарисейского лицемерия и неприкрытой скаредности письму, сын так и не дождался от родителя необходимых ему денег. Мать его была мягче и добрее, но, как мы уже сказали, материальный достаток семьи был ограниченным, и помочь сыну многим она не могла.

Нам известны некоторые из товарищей Рылеева по корпусу: Бурков, репетировавший его по геометрии, Боярский, Фролов, фигурировавшие в юношеском стихотворении «Путешествие на Парнас». Некоторые из товарищей Рылеева впоследствии сделались членами тайных обществ. А. Е. Розен показывал: «Я был воспитан с Рылеевым, потому и остался с ним знакомым».

Вместе с Рылеевым в Первом кадетском корпусе учился и А. М. Булатов. В его показаниях следственной комиссии мы находим сведения о его друге. Булатов прибыл в Петербург за три месяца до восстания, 11 сентября 1825 г. «В одно время быв в театре, встретил я приятеля детских лет, Рылеева, с которым воспитывался вместе в Первом кадетском корпусе. Свидание после четырнадцати лет было очень приятное. Говоря обо многом, по окончании театра, как водится между старыми знакомыми, просили навестить друг друга...» [5].

Рылееву было десять лет, когда началась война с Наполеоном, а двенадцати лет он узнал о тильзитском свидании двух императоров. В русском обществе бурно росли патриотические настроения. В театре тех лет шумным успехом пользовались трагедии В. А. Озерова, особенно патриотический «Димитрий Донской», в поэзии — произведения В. А. Жуков-

ского и К. Н. Батюшкова. Жизнь в кадетском корпусе не была замкнутой: кадеты знали о том, что происходит в столице и за ее пределами, они ходили по городу, бывали в театрах Петербурга. Можно с полным основанием предполагать, что любознательный и экспансивный Рылеев вместе со своими сверстниками полон был в те годы патриотического воодушевления. Летом 1812 г. началась Отечественная война; семнадцатилетний кадет к этому времени сделался убежденным патриотом.

Рылеев, по его собственному признанию, был «великий охотник до книг». У нас нет возможности с точностью установить круг чтения молодого кадета. Надо думать, что он являлся поклонником той предромантической литературы, которая пользовалась большой популярностью у русских читателей 1810-х годов. 7 декабря 1812 г. Рылеев писал отцу: «Так, любезный родитель, я знаю свет только по одним *книгам,* и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии; но сердце показывает эту же самую бедность *в златых цепях вольности и дружбы,* и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащею на мягких пуховиках, в неге и удовольствии».

Излагая в этих традиционных формулах конфликт ума и сердца, юный Рылеев как будто бы отдавал предпочтение последнему: «Посмотри, там бездны изрыты на каждом шагу твоем, берегись низринуться в них... Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничествующее, учит меня противному: „Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков“». В этих словах звучало подлинное волнение, они воплощали в себе идеал юного Рылеева, его страстную и пламенную мечту о героическом поприще в жизни. Проблема отношения между рассудком и сердцем волновала Рылеева, неизменно боровшегося с мертвящим влиянием эгоистического расчета и отстаивавшего «высокие» движения человеческой души [6].

Строки рылеевского письма к отцу писались уже в ту пору, когда Россия была охвачена пламенем войны с Наполеоном. Общеизвестно, какую роль сыграл 1812-й год в подъеме национального самосознания русского народа. А. Бестужев писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех

сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России»[7]: «...12-й год, — писал Белинский, — потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы...»[8]. В числе этих людей, «пробужденных» великим национальным движением, был и Рылеев.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Эти пушкинские стихи могли бы повторить вслед за поэтом и кадеты Первого корпуса. Декабрист М. И. Пущин впоследствии свидетельствовал: «Поступление мое в корпус в марте месяце, во время самых горячих приготовлений к встрече неприятеля, приближавшегося к нашим границам, поставило меня тотчас посреди общего увлечения кадет, просившихся на защиту родины. Тогда же был сделан выпуск еще не совсем подготовленных кадет, между которыми был и Рылеев. Помню его восторженное прощание с кадетами в ротах: он становился на ставец, чтобы всех видеть и всем себя показать, произносил восторженные речи, возбуждавшие еще больше наше воинственное настроение»[9].

М. И. Пущин не вполне точен в своей датировке: в действительности Рылеев был выпущен из корпуса только в начале 1814 г. Эта ошибка памяти вполне понятна, поскольку в 1812 г. кадеты выпускались в армию трижды, ввиду сильной убыли в ней офицеров, а выпуск Рылеева ожидался им с месяца на месяц. Но в основном М. И. Пущин не ошибался: молодой кадет был действительно патриотически настроен, изъявлял готовность всеми силами защищать отечество, потерпевшее «от врага вселенной».

До 1813 г. Рылеевым была написана только шутливая «ирои-комическая» поэма «Кулакиада», повествовавшая о приключениях эконома корпуса Боброва, потрясенного внезапной кончиной старшего повара Кулакова. Первая песнь «Кулакиады» пародировала традиционные зачины героических поэм, в изобилии писавшихся в те годы эпигонами классицизма:

Шуми, греми, незвучна лира
Еще неопытна певца,
Да возглашу в пределах мира
Кончину пирогов творца...[10]

В том же году Рылеев обратился к патриотической лирике. В оде «Любовь к отчизне» [11], написанной в связи со смертью главнокомандующего русской армией М. И. Голенищева-Кутузова (1813), молодой поэт создал подлинный апофеоз «святой к отечеству любви». Это благороднейшее чувство присуще различным народам, «цивилизованным» и «первобытным»:

Нет, нет, везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар.
Ее хотя не понимает,
Но равно чувствует дикарь —
Необразованный индеец,
Как и ученый европеец.
Всегда и всюду ей был храм:
И в отдаленнейшие веки —
От чиста сердца человеки
Несли ей жертву, — как богам.

В оде «Любовь к отчизне» Рылеев впервые применил тот прием «исторического обозрения», который стал характерным для его позднейших произведений (од «Видение», «Гражданское мужество», «На смерть Байрона» и др.). Как и многие другие люди его поколения, молодой поэт прославлял сынов Эллады и Рима, пылавших любовью к своей родине. Вместе с тем Рылеев не довольствовался хвалою «древним»: он был полон твердой уверенности в том, что русский народ еще более богат патриотами:

Но римских, греческих героев,
В любви к отечеству прямой,
Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнею порой.
Владимир, Минин и Пожарской,
Великий Петр и Задунайской
И нынешних герои лет,
Великие умом, делами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

В отличие от Жуковского, автора «Певца во стане русских воинов», Рылеев не перечислял всех «нынешних героев» — Багратиона, Платова, Ермолова и других русских генералов, проявивших патриотическую доблесть в Отечественной войне 1812 г. Отдав дань восхищения Суворову, который «чистою любовью К своей отчизне век пылал И, жертвуя именьем,

кровью», поражал ее многочисленных врагов,— молодой поэт переходил к Кутузову:

Средь бурь всегда стоит горой,
Ничем, ничем не разразимой,
Покойною и горделивой.

Рылеев чтил в Кутузове спасителя отчизны, «рушителя злодейских замыслов» Наполеона, верного гражданина России.

Эта рылеевская ода страдала схематичностью композиции, трафаретностью характеристик, архаичностью языка:

Гордынею вновь полн, решился
Галл росса покорить себе —
Но вдруг Кутузов появился
И галлов замысел — не бе!

При всех этих недостатках ода «Любовь к отчизне» представляет собою раннее введение ко всему позднейшему творчеству Рылеева. Она содержит апофеоз героя, беззаветно служившего своей отчизне, отдавшего ей силы и жизнь. Этот мотив впоследствии ляжет в основу зрелого творчества поэта-декабриста. Правда, идеал гражданина с годами наполнится у Рылеева новым, гораздо более глубоким содержанием, но в основе своей он не изменится.

«Любовь к отчизне» и другие произведения молодого поэта сохранились в памяти его товарищей по корпусу. Один из них сделал приписку к его оде «На гибель врагов» и к «Победной песне героям»:

Тебе достойным быть сей песни, о Рылеев,
Ты будешь тот герой — карай только злодеев.

Близкие к оде «Любовь к отчизне» мотивы мы находим и в «Победной песне героям». Прозаический отрывок этот написан в том же 1813 г., вскоре после бегства разбитых наполеоновских полчищ «в земли отечественные». И здесь, как и в «Любви к отчизне», юный Рылеев призывал «тени Владимира, Святослава, Пожарского» «дивиться славе нашей», а современников — всегда помнить «о доблестях предков своих», героев древней Руси, защитников ее чести и свободы.

От этих ранних произведений Рылеева идет прямая дорога к его «Думам».

II

10 февраля 1814 г. Рылеев был произведен в прапорщики 1-й конной роты первой резервной артиллерийской бригады и

выпущен в действующую армию. Проявить воинскую доблесть ему пришлось уже за пределами родины. Рылеев прошел в составе русских войск через Германию, Швейцарию и Францию. Как явствует из формулярного списка, сохранившегося в его следственном деле[12], прапорщик артиллерии Рылеев 3 декабря 1814 г. вернулся со своей частью «в российские пределы», но уже 12 апреля 1815 г. она двинулась против Наполеона, бежавшего с острова Эльба и вновь воцарившегося во Франции. 4 декабря 1815 г. Рылеев окончательно возвратился на родину, проведя около полутора лет за ее рубежами.

Во время пребывания в кадетском корпусе Рылеев не был свободен от восхищения «кротким, любезным, чадолюбивым» Александром I. В эту пору он еще мало походил на своих сверстников В. Ф. Раевского и Г. С. Батенькова. Тотчас после окончания Отечественной войны Раевский и Батеньков выполнили свое намерение, сделавшись членами тайной политической организации. Политическая сознательность Рылеева в 1812—1813 гг. не была еще высокой, однако она быстро усиливалась. Вступив в марте 1814 г. в действующую против Наполеона армию, Рылеев непосредственно соприкоснулся с героическим русским народом.

Освободительная борьба, которую вела русская армия, должна была, конечно, сильно повлиять на политическое самосознание молодого офицера. Рылеев шел по Германии, Швейцарии, Франции в составе русских войск, освобождавших эти страны от наполеоновского ига.

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Эти замечательные строки стихотворения «Была пора: наш праздник молодой...», написанного Пушкиным уже после того, как богатая событиями «пора» сделалась достоянием истории, ярко характеризуют время, в которое формировалось мировоззрение передовых людей. Величайшие события волновали их воображение.

Именно так переживал эти события и молодой русский офицер. «Помнишь ли, — писал Рылеев из Парижа своему, по всей вероятности, воображаемому приятелю, — как мы читали

исторические описания славных деяний Рима и древней Греции! Это басни! — восклицал ты часто. Сообрази теперешние случаи с тогдашними, и ты увидишь, что происшествия наших времен более достойны удивления, более невероятны, нежели все до оных в мире случившиеся, — и ежели мы не верим чрезвычайным событиям лет протекших, то не знаю, как поверят потомки наши происшествиям, которые происходили при глазах наших. И как поверить, что... в продолжение не более как десяти лет возрождалось и упадало до десяти государств, восстановлялось и низвергалось несколько монархов — и все по прихотям одного человека! Как, наконец, поверить, что сей самый человек, неоднократно повелевавший Судьбе, сам подпал под острие косы сей владычицы Мира!..» [13].

Нет слов, Рылеев в этом письме писал о событиях своего времени далеко не с той глубиной, какую мы находим в замечательном стихотворении Пушкина. Но он выражал примерно то же ощущение «невероятности происшествий». Его, как и Пушкина, волновала эпоха революционных гроз, пора, когда целые народы делались «игралищем таинственной игры».

Пребывание в столице Франции, только что освобожденной от деспотизма Наполеона, не прошло бесследно для молодого и любознательного офицера. Он много читал в эти годы и — что еще важнее — общался со свободолюбивым народом, осуществившим революцию 1789—1794 гг. Рылеев, вероятно, не раз встречался с представителями этого героического поколения.

Было бы ошибкой отрицать влияние на будущих декабристов тех передовых идей, с которыми они впервые столкнулись именно в период заграничных походов русской армии. Эти впечатления были тем более сильны, что они воспринимались передовой русской молодежью, полной патриотического подъема. Великие события Отечественной войны оставили в сознании М. А. Фонвизина глубокие впечатления. Героизм русского народа, проявившийся во время войны, усилил в Фонвизине стремление к созданию «конституционных учреждений» на его родине, «так глубоко униженной самовластьем»[14]. Пример Фонвизина в данном случае вполне типичен. Как указывал В. И. Ленин, дворянские офицеры «были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн»[15]. Процесс подобного «заражения» коснулся, повидимому, и Рылеева, который показывал на следствии: «Свободномыслием... заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оное постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие, и, наконец, со

дня вступления моего в члены общества, в продолжение трех лет почти каждодневные беседы с людьми одинакого образа мыслей и продолжение чтения упомянутых авторов довершили преступный образ мыслей моих»[16].

Рылеев не указал здесь самого главного фактора, способствовавшего росту его вольнолюбия, а именно русской действительности. Заграничные впечатления и наблюдения, сами по себе немаловажные, еще не могли привести Рылеева к революционной программе. Подлинно декабристское «свободномыслие» сформировалось в нем много позже, в годы пребывания в Острогожске и затем в Петербурге, под определяющим воздействием русской действительности. Однако пребывание в Париже не прошло бесследно для развития молодого русского офицера.

Наиболее яркое впечатление Рылеева от заграницы отразилось в его «Письмах из Парижа», датированных сентябрем 1815 г. Нам неизвестно, сколько времени провел он в столице Франции, во всяком случае оно было непродолжительно. Эти письма содержат живые зарисовки парижских улиц, ресторанов, увеселений. Буржуазный Париж не привлек к себе симпатий Рылеева: он неприязненно отнесся к «сей шумной столице забав и веселостей», к «сему обиталищу разврата и пороков». Рылеева привлек к себе не Париж «сладострастия и неисчерпаемых наслаждений», а угнетенный, но свободолюбивый французский народ. В письме, датированном 19 сентября 1815 г., Рылеев повествовал о пруссаках, которые «надменностию и жестокостию своею скоро выведут из терпения народ, в сердцах которого еще с прежнею горячностию кипит любовь к независимости и к славе». Он рассказал о нарастающем протесте парижан, о французском офицере, который противопоставил низости пруссаков благородное поведение русских войск. Рылеев говорил своему собеседнику: «„Полно, полно, прошу вас; мы не виноваты; — мы, русские — друзья ваши". Я был совершенно растроган; он хотел говорить, но слова замирали от сердечной боли, слезы блистали на глазах его. Я посмотрел на патриота — и увидел воина лет тридцати, украшенного легионом чести и орденом св. Людовика и... на деревяшке! Я поцеловался с ним. Сей сцене были свидетелями многие французы. Чувства их были одинаковы. Они громко проклинали пруссаков. Я спешил удалиться» [17].

Автор «Писем из Парижа» с негодованием говорил о завоевателях, надругавшихся «над священным сокровищем» побежденного народа — его национальной честью. Это негодование породило глубокое сочувствие Рылеева народам, угнетенным деспотизмом.

III

Возвратясь в конце 1815 г. в Россию, Рылеев в следующем году поселился близ уездного города Воронежской губернии Острогожска. Если судить по письмам к матери за 1817 г., все в жизни Рылеева обстояло превосходно. Он находился в офицерском обществе, которое характеризовал как образец «истинного благородства, дружеского согласия и бескорыстной друг к другу любви». Время Рылеев проводил «весьма приятно», в «приятельских беседах» на лоне живописной природы: «...под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном береге растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем, — и, наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения» [18].

С первого взгляда эта идиллия кажется правдоподобной: так увлечен ею сам Рылеев и так он очарован этими «приятельскими беседами», «восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата», добрыми, гостеприимными и любезными помещиками, живущими в той местности, и т. д. Однако в действительности все обстояло совсем иначе.

Начнем с того, что молодой офицер уже в течение ряда лет испытывал тяготы материальных лишений. После смерти в 1814 г. Ф. А. Рылеева княгиня В. В. Голицына сделала на него «начет» в 80 000 рублей и на эту сумму предъявила претензию к его наследникам. В результате иска Голицыной на недвижимое имущество был наложен правительственный секвестр. Имущество, оставленное Ф. А. Рылеевым, не могло покрыть и части долга Голицыной. К. Ф. Рылеев не раз обращался к ней с просьбой прекратить это дело, а после смерти Голицыной просил о том же ее сыновей, но безрезультатно. Извещая 6 марта 1815 г. мать о намерении написать Голицыной, Рылеев в то же время понимал, что «это будет... лишнее». С возмущением он восклицал: «О вельможи! О богачи! Неужели сердца ваши нечеловеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего!» [19].

Рылеев вынужден был просить мать о помощи: предстоял царский смотр войскам и в связи с ним нужна была новая экипировка, осуществить которую собственными средствами у скромного артиллерийского прапорщика не было никакой возможности. «Любезнейшая матушка, я уже писал к вам, что я имею крайнюю надобность в деньгах — и действительно, я так обносился, что даже стыдно. Белье скоро совсем нельзя будет носить, а в платье не знаю, как и поправиться, потому что нет денег и сверх того еще, как я еще из Мценска писал

к вам, должен товарищам... Сделайте милость, пришлите мне хотя 500 руб.»[20]. «Тебе, мой друг, известно, — отвечала на это Н. М. Рылеева, — деревня не так велика, ревизских душ 42, а работников 17, то сам посуди, сколько они могут поработать: земля у нас не такая, как там, где ты теперь; долгу на мне много, деревня в закладе...».

1816—1818 гг. — пора резких изменений в русской армии. Она героически отстояла родную землю от опаснейшего врага, однако плоды победы были вырваны у русского народа самодержавно-крепостническим режимом. «В 1812 году нужны были неимоверные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества. Война кончена благополучно, монарх, украшенный славою, возвратился, Европа склонила перед ним колена, но народ, давший возможность к славе, получил ли какую льготу?»[21]. Задавший этот вопрос декабрист Каховский отвечал на него отрицательно. С победой над Наполеоном русское самодержавие обеспечило себе господство в Европе; но торжество его было непрочным. Русского царя и поддерживавшее его крепостническое дворянство пугало возросшее национальное самосознание русского народа. Правительство Александра I с тревогой взирало на рост в России и стихийного крестьянского, и организованного освободительного движения. Боясь, как бы эти две силы в соединении друг с другом не уничтожили самодержавно-крепостнический строй, царь примерно с 1816 г. стал на путь открытой политической р акции.

Армия, которая спасла свою родину от смертельного врага и вслед за этим освободила порабощенную Наполеоном Европу, испытывала все возрастающие притеснения. Начиная с 1816 г., Аракчеев и его креатуры вводят в армии сугубо реакционный «порядок». С исключительной настойчивостью истребляют они в русских войсках «вольный дух», насаждая солдафонство и шагистику. Тип благонамеренного офицера, не нюхавшего пороха на полях сражений, но нахватавшего «тьму отличий» на маневрах и в экзерсисхаузах, будет вскоре увековечен Грибоедовым в образе полковника Скалозуба.

Именно в эти годы из армии уходят наиболее передовые офицеры, несогласные с политикой аракчеевской муштры. Вот, что писал В. Ф. Раевский: «Армия вместо обещанных наград и льгот подчинилась неслыханному угнетению. Военные поселения, начальники забивали солдат палками, боевых офицеров вытесняли из службы; усиленное взыскание недоимок, строгость цензуры, новые наборы рекрут приводили к глухому ропоту». Сам Раевский не мог подчиниться этим порядкам, о которых он писал в «Записках»: «Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду... Требова-

лось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку» [22]. Это произошло 30 января 1817 г.

Почти через два года после Раевского в отставку вышел и Рылеев, переживший тот же процесс сильнейшего разочарования в военной службе. Он начал эту службу в начале 1814 г. Прошло четыре с половиной года. Сколько стран посетил Рылеев за это время, скольких событий был он свидетелем и участником! Но в его жизни произошли явные ухудшения. «Для нынешней службы, — писал Рылеев матери 7 апреля 1818 г.,— нужны подлецы, а я к счастию не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю» [23]. В этих полных сарказма словах содержалась беспощадная оценка аракчеевского режима в русской армии. Рылееву не трудно было назвать имена этих «подлецов»: к их числу принадлежали находившиеся в Острогожске командир лейб-эскадрона драгунского полка Макаров, зверски истязавший солдат, офицер Потемкин, засекавший их до смерти, и др.

Сослуживец Рылеева по конно-артиллерийской роте А. И. Косовский, впоследствии дослужившийся до чина генерал-лейтенанта, написал о нем в конце 40-х годов довольно пространные воспоминания. Они далеко не свободны от преувеличений, а иногда и прямых искажений истины, но вместе с этим в воспоминаниях Косовского есть и верные свидетельства.

Косовский прежде всего указал на то, что Рылееву чужды были какие бы то ни было помыслы о военной карьере. Рылеев «не полюбил службы, даже возненавидел ее, и только по необходимости подчинялся иногда своему начальству. ...Часто издевался над нами, зачем служим с таким усердием, называя это унизительным для человека, понимающего самого себя... говорил — вы представляете из себя кукол, что доказывают все фрунты, в особенности пеший фрунт; он много раз осыпал нас едкими эпиграммами и не хотел слушать дельных возражений со стороны всех товарищей его» [24]. Косовский указал далее на рост оппозиционных настроений Рылеева. Не сочувствовавший последним, Косовский иронизировал: «...этот новый гений озабочен чем-то необыкновенным, по тогдашнему мнению нашему казалось более смешным, а потому часто приходилось заводить спор и слышать уклончивые суждения Рылеева, из которых ничего дельного мы не понимали и снова советовали бросить несбыточные предположения его, но он твердо стоял в своих убеждениях и не думал измениться».

Косовский утверждал, что офицеры-сослуживцы не понимали и не любили Рылеева. Однако это было верно лишь в отношении консервативно настроенных офицеров (и в частности самого Косовского), постоянно насмехавшихся над

гражданскими помыслами будущего декабриста. Характерен рассказ о последнем свидании Рылеева с сослуживцами перед его отъездом из Острогожска. Рылеев говорил им о том, что «спустя лет пять все изменится к лучшему» и что он сам никогда не сойдет с избранного им пути. Позднее, уже будучи в Петербурге, он «не переставал твердить и убеждать, что пора нам поверить себя, взглянуть попристальнее на все окружающее нас, ибо кроме зла, несправедливостей и неслыханного лихоимства ничего у нас нет, — а потому необходимо думать, дорожить каждым днем и трудиться для будущего счастия России! Чтобы потомство не проклинало нас» [25].

26 декабря 1818 г. Рылеев был уволен от службы «по домашним обстоятельствам».

IV

Многолетние войны, и особенно война 1812 г., унесшая столько жизней и материальных ценностей, разорили Россию. Передовые русские люди были возмущены равнодушием правительства к страданиям народных масс. «Стоны жен, вопли детей, плач вдов мужей военных, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и изувечные, разорение в деревнях крестьян не есть ли доказательство, что отечество забыто...» [26], — негодующе говорил на следствии декабрист Андреевич. Рылеев был свидетелем нищенской жизни русского крепостного крестьянства, его злейшей эксплуатации и полного бесправия.

1816—1819 гг. Рылеев провел в Острогожске. Исследователи его жизни и творчества много раз указывали на необычайно благоприятные условия жизни Рылеева в это время, в частности на зажиточных помещиков Острогожского уезда, образ жизни которых «отличался достоинством, мало известным в те времена развращающего крепостничества». Ссылаясь на свидетельства А. В. Никитенко (выходца из тех мест), они указывали на высокий культурный уровень этих помещиков, на их интерес к новейшей литературе в области экономики, права и пр. Никитенко характеризовал в своих «Записках» широту умственного кругозора, отличавшего «образованнейших из жителей Острогожска». Этих лучших людей города «занимали вопросы литературные, политические и общественные. Они препирались не за одни личные интересы, но и за принципы. В них проглядывало стремление к свободе и сознательный протест против гнета тогда всемогущего бюрократизма». В этом кругу передовой острогожской интеллигенции читались новейшие сочинения о государстве, «толковали о науке, искусствах, обсуждали вопросы внешней и внутрен-

ней политики» и даже «восхищались представительными формами правления» [27].

Едва ли можно сомневаться в том, что молодой артиллерийский офицер Рылеев был вхож в некоторые из этих лучших домов Острогожска и что встречи с острогожской интеллигенцией укрепляли его прогрессивные настроения. Однако Острогожск влиял на Рылеева не одними своими светлыми сторонами. Здесь, как и в других местах тогдашней Воронежской губернии, как и во всей российской империи, процветал произвол власти и злейший разгул крепостников.

К последним должен быть причислен Григорий Николаевич Глинка (брат поэта), у которого Рылеев гостил летом 1821 г. Занимая в Острогожске пост городничего, Г. Н. Глинка брал взятки самым беззастенчивым образом. Не лучше Г. Н. Глинки были и некоторые представители дворянского рода Бедряг. И уже совсем типичны были для этой среды мелкопоместные землевладельцы Острогожска.

Извлечем из архива «всеподданнейшее» письмо к Александру I воронежского генерал-губернатора А. Балашова от 2 мая 1820 г.:

«Отеческое сердце ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губернии. Не касаясь прочих, напомяну только те, которые уже в присутствие мое оказывались. Не только воровства в городах, частые и никогда почти не отыскивающиеся, не только грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки и потом скрывались. Смертоубийства производились заговорами и не находились; в острогах буянство и беспорядки от содержавшихся и подозрительные поступки от слабых смотрителей. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Полиция ничтожна. Недоимок миллионы; дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в неуваженьи, подозреваются в мздоимстве, волокитства отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно; жалование чиновников и канцелярских служителей почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможень. Хозяйственной части нет и признаку; главные доходы короны основаны на винной продаже!» [28].

Это письмо принадлежит не Каховскому, Штейнгелю или А. Бестужеву, писавшим аналогичные послания Николаю I из казематов Петропавловской крепости. Нет, эти строки

написаны человеком, поставленным Александром I во главе управления тремя губерниями черноземной полосы России!

Разумеется, Рылееву все это было хорошо известно. Об этом с неоспоримостью свидетельствуют его письма к родным, полные упоминаний о взяточничестве, о незаконных поборах с населения, о приказных — «настоящих кровопийцах», присосавшихся к телу русского народа. Так, в письме к сестре своей невесты, Настасье Михайловне Тевяшовой (от 14 января 1819 г.), Рылеев сообщал о том, что «почти все находящиеся здесь (в Воронеже. — *А. Ц.*) кабаки сняты Мариным, Чарыковым и под чужим именем, и самим виц-губернатором» и что крепостные сидельцы в этих кабаках «без всякой совести обмеривали покупщиков», нагло заявляя: «...кому ж и обмеривать, как не нам? Наш ведь барин-то родня» и воронежскому вице-губернатору [29].

Суд и административный аппарат Российской империи отличались предельной степенью продажности — не только в Острогожске, но и в самом Петербурге. «Уведомляю, что просьба матушкина получена в сенате, но, как полагают, возвращена будет с надписью, ибо таковых в общем собрании не рассматривают. Так говорил мне один секретарь сенатский: но я думаю, что это в переводе значит: дай!.. Оберпрокурор Маврин знаком нам весьма хорошо; но все же без денег ничего нельзя будет сделать» [30]. Нужно вдуматься в смысл этого рылеевского письма: даже обер-прокурор сената не в силах был отменить негласное правило, столь красноречиво сформулированное словом «дай!».

Если так обстояло дело в столичном суде, чего же было ждать от провинциального городка! В письме к Булгарину от 8 августа 1821 г. Рылеев говорил о «мучительных крючкотворствах неугомонного и ненасытного рода приказных»: «Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои давно *просвещенные* соотечественники в страшную годину междуцарствия (т. е. поляки в период интервенции. — *А. Ц.*) не принесли России столько зла, как сие лютое отродие... В столицах берут только с того, кто *имеет дело*, здесь со всех... Предводители, судьи, заседатели, секретари и даже кописты имеют постоянные доходы от своего грабежа...» [31].

Так выразительно раскрывалось в письмах Рылеева положение в русской армии, в суде и административном аппарате империи.

В Острогожске не только оформились общественно-политические симпатии Рылеева, но и произошли важные перемены в его личной жизни. В начале января 1819 г. Рылеев женился

на Наталье Михайловне Тевяшовой. Тевяшовы принадлежали к старинному дворянскому роду, вышедшему в XIV в. из Золотой Орды [32]. Судя по дошедшим до нас письмам Рылеева и воспоминаниям его сослуживца А. И. Косовского, это была патриархально-радушная, но отнюдь не блещущая культурой семья.

V

Мы узнаем из воспоминаний А. И. Косовского, что еще в бытность свою во французском городе Васси «в течение 2½ месяцев, когда батарея готовилась к высочайшему смотру близ г. Вертю, Рылеев успел составить несколько записок того края, в коих старался изложить свой взгляд» на окружавшую его действительность. Оказавшись позднее на границе Пруссии, недалеко от Мемеля, Рылеев «занялся приведением в порядок своих записок; с этого же времени он старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов, частью коих получил из Петербурга от матери и дяди своего (генерала П. Ф. Малютина.— *А. Ц.*), постоянно читал...». В том же году (очевидно, в 1816. — *А. Ц.*), — повествует Косовский о Рылееве,— «он не оставлял своих занятий; а по выздоровлении однажды сказал: „хотя недуг меня и сломил, но время золотого я не терял; чем мне нужно было заняться, я успел передумать и сообразить; вижу, что мне предстоит множество трудов!“». В бытность Рылеева под Острогожском он работал «в мужицкой избе с полусветом, за простым рабочим столом, на коем были нагромождены разные книги, даже на лавках занимаемой им комнаты, множество разбросанных бумаг, тетрадей, свертков...». В течение 1817 и 1818 гг. Рылеев «...исписал бумаги целые горы; брался за многое, не жалея сил и умственных напряжений...» [33].

Еще в 1814 г. Рылеев стал под знамена карамзинизма, вслед за Батюшковым, А. Измайловым и другими поэтами, высмеивая бездарных эпигонов классицизма, собравшихся в «Беседе любителей русского слова»:

Там многих авторов творенья,
В пыли валяяся — гниют!
Там Лета есть, река забвенья,
В ней также много уж живут!
Я видел в ней, как Львов купался
И обмывал своих детей;
Я зрел: Шихматов в ней остался,
А с ним и тысяча детей!
Я сам свидетель был в то время,
Как несколько прочтя листов,

За нанесенное тем бремя,
Был столкнут с берега Хвостов!
Я был при том, когда Гераков,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомок вздорливый Ираклов,
Был Леты поглощен волной! [34]

В этих еще нескладных стихах «Путешествия на Парнас» (октябрь 1814 г.) Рылеев подражает батюшковскому «Видению на брегах Леты». Высмеивая «бездарных и вздорливых» шишковистов, юный Рылеев послушно следует литературным традициям легкой поэзии с ее безмятежным эпикуреизмом. Именно в этой поэтической манере написано большинство рылеевских стихотворений острогожского периода его жизни. Н. И. Мордовченко уже указал на «типовое для большинства начинающих поэтов подчинение „образцам", наивно-прямолинейное отражение личного быта в штампованных стиховых формах, еще недостаточно освоенных технически». В этих ранних и художественно незрелых стихотворениях Рылеева господствующую роль играли жанры так называемой легкой поэзии — песня, романс, стихотворение «на случай», дружеское послание. «К тематике любовных утех и мирной жизни в домашнем очаге, характерной для „легкой поэзии", у Рылеева присоединяются темы его армейского быта. Это стихи своим полковым товарищам или своей невесте — стихи не для читателя, стихи для друзей. „Легкая поэзия" смыкается и переплетается у Рылеева с традицией песенности... Ср. его песню на „голос" — „Винят меня в народе"; песню „Тише, тише ветерочек", песню-ответ на арию из „Русалки" — и т. д... Интерес к народной поэзии Рылеев получил именно в Острогожском уезде, слагая песни на „голос" народных, интересуясь местными преданиями и обычаями» [35].

Недавно обнаруженные рукописи молодого Рылеева позволяют несколько расширить круг того, что́ было им создано в Острогожске. Повидимому, именно в этот период он начал переводы польской сатиры Булгарина «Путь к счастью», описательной поэмы С. Трембицкого «Софьевка», послания римского лирика Проперция «К Цинтии»; рукописи этих произведений вернее всего датировать 1818—1819 гг.

Поэтические опыты 1810-х годов не характеризовали политических взглядов Рылеева, которые уже тогда поражали окружающих своим радикализмом. По свидетельству Косовского, Рылеев уже в Острогожске «...безостановочно преследовал несбыточные идеи свои... А как часто он говаривал нам: „...Вы или не в состоянии или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество

ожидает от нас общих усилий для блага страны! Дýши с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!"».

Косовский утверждал, что в последние годы пребывания Рылеева в Острогожске «большая часть... помышлений клонились к безумию» и что уже в эту пору «наш мир для его несообразных идей казался слишком тесен». Не подлежит сомнению, что Рылеев еще в Острогожске начал отрицательно относиться к самодержавно-крепостническому укладу. Он, вспоминал Косовский, «жестоко нападал на наше судопроизводство, карал лихоимство, доказывал, сколько зла в администрации!»[36].

В те годы Рылееву явно нехватало еще поэтического мастерства; однако идейное содержание формировалось уже в эту пору. Оппозиционные настроения Рылеева явственно проявлялись уже в Острогожске. Эта оппозиционность и заставила его порвать с провинциальной глушью и устремиться в Петербург, «под знамена свободы».

Глава вторая

САТИРА И ЛИРИКА
1820—1823 гг.

I

В конце сентября 1819 г. К. Ф. и Н. М. Рылеевы переехали в Подгорное, петербургское имение его матери, а с осени следующего года поселились в Петербурге. В жизни и творчестве К. Ф. Рылеева начался новый период, который продолжался до осени 1823 г., когда он был принят в члены Северного тайного общества. В Острогожске Рылеев находился в почти враждебном ему идеологическом окружении, в Петербурге он сразу оказывается в условиях, благоприятствующих его быстрому развитию. Рылеев сближается с передовыми русскими литераторами, деятельно участвует в литературной жизни столицы. Имя Рылеева получает широкую известность, как имя прогрессивного судебного деятеля, энергичного соиздателя лучшего литературного альманаха «Полярная звезда». Рылеев становится известен как талантливый сатирик, лирический поэт и автор исторических баллад, названных им «думами».

Обосновавшись в столице, Рылеев напечатал в журналах некоторые из своих острогожских опытов, а также ряд новых произведений. Он начал с того, что испробовал силы в жанрах сатиры и любовной лирики. Перу Рылеева принадлежали, во-первых, эпиграммы на бездарных писателей того времени, имена которых скрыты под традиционными кличками «Бавия», «Ариста» и «Вралева». Убежденный приверженец Батюшкова и карамзинистов, молодой поэт направил удар против бездарных эпигонов классицизма вроде Д. И. Хвостова. Рылеев иронически призывал последнего не верить зоилам, которые «шипят из праха», и обещал ему полное признание со стороны «благодарных» потомков. Любовная лирика Рылеева полна

призывов бездумно наслаждаться жизнью (стихотворения «К другу», «Нечаянное счастье» и др.).

В этих стихотворениях Рылеев сделал известный шаг вперед по сравнению с еще неуклюжими опытами острогожского периода. Он следовал здесь за Батюшковым, молодым Пушкиным, Дельвигом, Баратынским, из иностранных поэтов чаще других переводил Парни и особенно древнеримского лирика Тибулла. В жанре «легкой поэзии» Рылеев создал язвительное послание против защитников «старого слога», написал элегию, изобилующую картинами любовных восторгов, эпикурейское послание к другу. Техника стиха в этих опытах постепенно усложнялась. Поэт овладел, в частности, довольно сложной формой романса с кольцевым построением строф и рефреном (таков его «Романс»).

Эпикурейские мотивы не были лишены прогрессивности в пору религиозного ханжества и изуверства. «Ханжей, торгующих учением святым» (выражение В. Раевского), должна была, конечно, возмущать «языческая» откровенность этих стихов Рылеева. Вслед за Пушкиным и Батюшковым юный поэт говорил о праве человеческой личности наслаждаться жизнью, тем самым восставая против лицемерной, ханжеской морали.

Однако новаторство любовной поэзии Рылеева, равно как и ее художественный уровень, были невысокими. Видимо поняв это, Рылеев мало-помалу отошел от традиции «легкой поэзии». Отход этот наиболее ярко проявился в послании «Пустыня». По жанру это «послание к другу», форма, утвержденная Батюшковым («Мои пенаты»), а затем развитая молодым Пушкиным в «Городке». Поначалу в «Пустыне» все как будто бы определено этими литературными образцами—и восхваление «укромного домика», в котором «друг» живет «анахоретом», презрев «шумные забавы»; и описание времяпровождения этого добровольного изгнанника; и характеристика писателей, книги которых анахорет читал в часы отдыха. Среди книг на первом месте — Пушкин, Батюшков, Баратынский. Вполне традиционным кажется в «Пустыне» и описание скромного обеда в укромном домике отшельника. Впрочем, в отличие от Батюшкова и Пушкина, в «Пустыне» нет одной из важнейших тем дружеского послания этого типа — описания ночного свидания с юной прелестницей, посещающей поэта в его уединении. Рылеев разработал эту традиционную для «легкой поэзии» тему в совершенно ином направлении:

Опять под час в прихожей
Надутого вельможи,
Тогда как он покой

На пурпуровом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно,
С растерзанной душой,
С главою преклоненной,
Меж *челядью златой*
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья,
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полуцарь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь...

Рылеев разрушает здесь условно-литературный колорит «Моих пенатов», где действие происходит в каком-то неизвестном и неопределенном месте. В стихотворении появляется вполне конкретная «Украина», которую поэту, «суровый рок кляня», вскоре придется покинуть (деталь эта вполне автобиографична). Но еще важнее следующая за этим сцена ожидания приема у вельможи; она полна обличительных тенденций и отражает гражданский пафос молодого поэта.

Стремясь преодолеть абстрактность классицизма, автор «Пустыни» вводит в свое послание мотивы современной политической жизни. Анахорета посещает «сей отставной майор, гроза кавказских гор», жалующийся на то, что его

...младые леты
С такою быстротой...
Сокрылись в безднах Леты...
Война, война кипит!
В Морее пышет пламя!
Подняв свободы знамя,
Грек оттоману мстит!
А я, а я не в силах
Лететь туда стрелой,
Куда стремлюсь душой!..

В этих стихах Рылеева впервые выразилось его пламенное сочувствие национально-освободительному движению в Греции — мотив, которому суждено было в его поэзии полное и многостороннее развитие. Политика врывается в условно-идил-

лическую форму дружеского послания. В финале «Пустыни» вновь звучат сатирические выпады против

...ханжей,
Корнетов-дуэлистов.
Поэтов-эгоистов,
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На юге за свободу.—
О срам! о времена! —
Поссорились за оду!..

Несмотря на наличие известной связи «Пустыни» с традициями Батюшкова, в целом это послание явно выходит за их пределы. Уже здесь проступает интерес Рылеева к общественной и политической тематике. В этом смысле «Пустыня» представляет собой переход от интимной лирики Рылеева к его политическим стихотворениям. Особый колорит «Пустыни» хорошо почувствовала цензура, изъявшая 19 стихов, содержащих эпизод с вельможей, а за ними и всю заключительную часть послания.

Критикуя в «Пустыне» противоречия столичной жизни, Рылеев, однако, далек был от желания оставить Петербург и поселиться на «лоне природы». Правда, в письме к Булгарину от 20 июня 1821 г. Рылеев изъявлял стремление,

Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылой,
И смутной сон младой души...

Любя патриархальную тишину Подгорного и Батова, Рылеев посвятил им ряд небольших произведений (см. «Надпись на рождение Я. Н. Бедраги», «Надпись на могиле Пр. Ник. Чир-ной», «Надгробную Рыжку» и пр.). И вместе с тем он прекрасно понимал, что не может покинуть «град Петра» ради этой тишины. Обаяние поместья, которое так чувствовал, например, Державин, на автора «Пустыни» никак не действовало. Традиционный для той поры вопрос «усадьба или столица?» бесповоротно решен Рылеевым в пользу столицы. Если, например, Туманский в «Стансах к другу» благодушно воспел спокойное уединение усадьбы:

Довольный жребием, в покое
Я жизнью наслаждаться стал;
Мечты исчезли: я узнал,
Что счастье в тишине прямое[1]

то Рылеев эту форму послания к другу наполнил совершенно иным содержанием. Он решительно отверг совет «навсегда остаться на Украине», который дал ему Косовский:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена́ свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!

Поэт отверг свободу сельского уединения во имя иной свободы, под знаменем которой он отныне намерен сражаться. Он выбрал Петербург с его «тревожным шумом света», «горем и заботами».

Особое место среди ранних произведений Рылеева занимали прозаические опыты — «Провинциал в Петербурге» и «Чудак». Оба эти небольшие произведения были напечатаны в журнале «Невский зритель» за 1821 г. Первое из них относилось к жанру нравоописательных очерков, часто появлявшихся на страницах этого журнала. В объявлении об издании журнала на 1820 г., между прочим, значилось: «III. Нравы. Изображение человека в различных его отношениях. Оригинальные характеры, любопытные сцены из общественной и частной жизни составят предмет оной статьи».

«Провинциал в Петербурге» состоит из двух очерков, из которых более примечателен «Первый выезд. Магазины». Автор живо очертил здесь характерные фигуры тогдашней столицы: ветреную и кокетливую «жену», «французскую торговку материями разных сортов, платками, платочками, блондами, кружевами...» и пр. Тонким юмором проникнут и образ самого рассказчика, расчетливого провинциала, который на предложение жены заехать в модный магазин «от страху... невольно затрепетал, лоб... покрылся морщинами и брови нахмурились... Жена моя, хотя и не читывала Лафатера, но в четыре года замужества так успела всмотреться во все черты лица моего, что по малейшему движению умеет узнавать сокровеннейшие мысли мои. Приметив, вероятно, что я готовлюсь противуречить ей, она подскочила ко мне и так нежно,

так сладко поцеловала, что все мои морщины, подобно тучам от дуновения ветра, исчезли...».

Содержавшаяся в этом очерке сатира на модничание дворян вполне согласовалась с воззрениями Рылеева. Очерк, вероятно, писался в конце 1820 г., в пору приезда Рылеева в Петербург и, возможно, не лишен автобиографического элемента.

Во втором очерке — «Чудак» — доминировала психологическая тема. Здесь изображен Угрюмов, «странный человек», ненавидевший женщин. Последние строки «Чудака» имеют несомненный историко-литературный интерес: «По прошествии года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посещая их, чудак неприметно влюбился в прежнюю свою невесту и на опыте дознал, что и женщины могут быть добродетельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась верною супругою Ариста, за которого отдана была против желания». Прав был исследователь, усмотревший здесь предвосхищение сюжетной схемы восьмой главы «Евгения Онегина»,—сходство ситуаций в самом деле бросается в глаза [2]. Однако то, что у Пушкина было гениально развито в широком полотне общественно-психологического романа, Рылеев лишь наметил в довольно неопределенном рисунке очерка.

Опыты в духе легкой поэзии или столь же легкой нравоописательности не могли исчерпать творческих интересов молодого поэта. В «Пустыне» и в послании к Косовскому Рылеев обнаруживал явное тяготение к традициям гражданской поэзии. Родоначальниками ее являлись такие русские поэты XVIII в., как Ломоносов, Державин и Радищев. Первый должен был привлекать Рылеева государственным пафосом своих од, пламенной верой в духовную мощь русского народа.

Иль с громом звучных струн,
И честь и слава Россов.
Как диво-исполин,
Парящий Ломоносов...

Так характеризовался Ломоносов в «Пустыне». Державина Рылеев чтил как непримиримого обличителя пороков (см. посвященную ему думу «Державин»).

У нас нет достаточных оснований утверждать, что Рылеев уже в те годы знал Радищева как автора «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности». Правда, в то же время нет оснований и для категорического отрицания такого знакомства. Списки произведений Радищева ходили в те годы по рукам. С его произведениями знакомы были, по их собственным признаниям, В. И. Штейнгель и П. А. Бестужев; на обоих «Путешествие» оказало глубокое воспитательное воздействие.

В семье Бестужевых, с которой Рылеев сблизился с 1821 г., Радищев пользовался исключительно большим признанием. Рылеев мог и самостоятельно познакомиться с величайшим русским революционным писателем XVIII в., традицию которого впоследствии он развил вместе с А. Бестужевым в песнях о крепостном крестьянстве. Нет оснований сомневаться в том, что Рылееву уже в 1820—1821 гг. были известны поэты-радищевцы и в частности И. И. Пнин, который, по позднейшей характеристике А. А. Бестужева, «с дарованием соединял высокие чувства поэта».

Уже в эту первоначальную пору пребывания в Петербурге Рылеев познакомился и с произведениями молодого Пушкина. Ему был дорог не только «Пушкин своенравный, парнасский наш шалун, с Русланом и Людмилой» («Пустыня»), но и Пушкин — автор вольнолюбивых стихотворений, пользовавшихся самой широкой известностью по всей стране. В эти годы Пушкин «хоть... и не принадлежал к заговору... но... жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере»[3]. Александр I указывал директору Царскосельского лицея, что Пушкин «наводнил Россию возмутительными стихами: вся молодежь наизусть их читает»[4]. По воспоминаниям И. И. Пущина, «тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, ода на свободу, „Ура! В Россию скачет!..“ и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов»[5]. Роль революционных стихотворений Пушкина признавали многие декабристы и в их числе А. А. Бестужев, с 1822 г. ближайший друг Рылеева. Рылеев мог читать революционные стихи Пушкина еще в Острогожске и уж во всяком случае прочел их по приезде в Петербург. Рылеев познакомился с Пушкиным в 1819—1820 гг., до того, как Пушкин был выслан из столицы. Он, несомненно, знал о том, что явилось поводом для изгнания Пушкина, и горячо сочувствовал великому русскому поэту.

К числу предшественников Рылеева следует отнести и таких поэтов, как Вяземский. Он был автором острейшей политической сатиры «Негодование», ходившей по рукам как раз в то время, когда Рылеев начинал свой путь литератора. Вольнолюбивые произведения молодого Вяземского были чрезвычайно популярны в среде будущих декабристов.

II

Первым крупным произведением, под которым Рылеев поставил полную подпись, была его сатира «К временщику», о которой он писал своему острогожскому знакомцу, М. Г. Бедраге: «Моя сатира „К временщику“ уже печатается в десятой книге „Невского зрителя“. Многие удивляются, как пропустили ее»[6].

Стихотворение «К временщику» было обращено против Аракчеева, столпа правительственной реакции. По исчерпывающей характеристике В. И. Ленина, русские монархи той поры «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали“ на верноподданных Аракчеевых...» [7]. К 1820 г. карьера Аракчеева достигла зенита: царь поручил ему делать доклады по делам комитета министров. Члены государственного совета и министры обращались к Аракчееву за повелениями: он имел право отдавать их от имени царя. Фактически Аракчеев был первым человеком в государстве.

«Всей России притеснитель... а царю он — друг и брат»,— писал об Аракчееве в одной из эпиграмм Пушкин. В другой эпиграмме, приписываемой Пушкину, говорится о кровавой деятельности Аракчеева в чугуевских военных поселениях:

В столице — он капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

Ненависть к этому реакционнейшему деятелю крепостнической России проникла в глубину народной массы: до нас дошли солдатские песни об Аракчееве, в которых он изображен в резко отрицательном свете:

Как по речке, по речке,
По матушке, по Неве,
Лехка лодочка плывет....
Хорошо гребцы гребут,
Веселы песни поют,
Разговоры говорят.
Все Рахчеева бранят:
Ты Рахчеев осподин,
За столом сидишь один,
Перед ним водки графин,
Пропиваешь, проедаешь,
Наше жалованье,
Что другое, трудовое,
Третье — денежное [8].

Изобличение преступных и порочных вельмож было в традиции русской поэзии XVIII в.: припомним Державина, автора сатирических од «Вельможа», «Властителям и судиям» и пр. В ранней декабристской поэзии пороки вельмож изобличал молодой Раевский, писавший в стихотворении «Глас правды»:

Вельможа, друг царя надежный,
Личиной истины прямой
Покрыл порок корысти злой
И ухищренья дух мятежный [9].

Поэты 1810-х годов обличали самовластье русских вельмож, маскируя это обличение изображением картин жизни древнего Рима. Именно таким было лицейское послание Пушкина «К Лицинию» (1815), во многом предвосхитившее декабристскую сатиру позднейшего времени. В этом юношеском стихотворении Пушкина (появившемся в печати с подзаголовком «с латинского») мы находим и картину упадка древнеримских нравов, и характерную идеализацию деревенской жизни, и вдохновенное предсказание гибели Рима, погрязшего в разврате. Трактовку той же темы с подчеркнуто тираноборческой тенденцией находим мы и в отрывке перевода П. А. Катениным трагедии Корнеля «Цинна», и в стихотворении Ф. Н. Глинки «Отрывки из Фарсалии» (1818), где изображался Катон, один из наиболее популярных среди декабристов римских республиканцев [10].

Всего более к тексту рылеевской сатиры приближалась сатира М. В. Милонова «К Рубеллию». Она была напечатана еще в 1810 г., но перепечатывалась неоднократно, в том числе в сборнике «Сатир, посланий и других мелких стихотворений» Милонова, вышедшем в 1819 г., за год до рылеевского «К временщику». Рылеев вне всякого сомнения знал эту сатиру: в «Пустыне» он недаром называл Милонова «бичом пороков». Уже указывалось на близость этих сатир, написанных шестистопным ямбом. Сатира Милонова «К Рубеллию» получила оценку у современной ему критики. Рецензент «Соревнователя просвещения» писал: «Вот стихи, достойные разгневанного римлянина! Эта сатира отличается от прочих каким-то лирическим духом. В каждом стихе необыкновенная сила, а в периодах сжатость мыслей» [11].

Несомненно зная стихотворение, Рылеев в сатире на Аракчеева пошел гораздо дальше своего предшественника. Ему удалось, в частности, избегнуть той абстрактности, которая была свойственна сатире Милонова. Рылеевская сатира и сегодня поражает нас необычайной резкостью политической атаки:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула достойных хвал венец!

Эти восемь начальных стихов рылеевской сатиры содержали беспощадную характеристику Аракчеева. Каждое слово било в цель, изобличая стоящего у трона деспота. С уничтожа-

ющим сарказмом говорил Рылеев о быстропроходящей славе всесильного диктатора, о его «подлой душе» и наполняющих ее «низких страстях». Императорскому Риму Рылеев противопоставлял Рим республиканский, представлявшийся ему средоточием гражданских добродетелей. В устах поэта звучали имена Цицерона и Кассия, Брута и Катона, которых декабристы всегда славили за самоотверженную защиту республиканской вольности:

О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злова?
Тиран, вострепещи! родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!

В последних стихах содержался грозный призыв к расправе с временщиком, фаворитом царя, фактическим правителем российской империи. Поэт указывал Аракчееву на то, что самым страшным мстителем будет народ, униженный жестоким вельможей:

Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!

И, наконец, Рылеев угрожал деспоту неумолимым приговором потомков:

Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

Это напоминание о беспощадном суде «потомства» не раз повторится затем в «думах» Рылеева (например, в «Святополке» и «Глинском»), а также в его позднейшей политической лирике (например, в стихотворении «Я ль буду в роковое время...»).

Рылеев выразил свое отношение к всесильному фавориту царя не в нелегальной эпиграмме, а в стихотворении, опубликованном «с дозволения цензуры» и тотчас же разошедшемся по стране. Это была сатира не только на личность, но и на тот строй, который оберегался этой личностью от справедливого гнева народной массы.

Грандиозный успех стихотворения «К временщику» в немалой степени был усилен накаленностью политической атмосферы в России. Г. С. Батеньков, говоря в своих позднейших показаниях о 1820—1821 гг., указывал, что «в сие время Пе-

тербург был уже не тот, каким оставил я его прежде за 5 лет. Разговоры про правительство, негодование на оное, остроты, сарказм встречались беспрестанно, коль скоро несколько молодых людей были вместе» [12].

Мы глубоко ошиблись бы, если бы ограничили сферу брожения только узким кругом дворянской интеллигенции столицы. Все более множились волнения крепостных, все сильнее волновались солдаты в военных поселениях. Бунты военнопоселенцев в Новгородской губернии (1816) и в Чугуеве (1819) были потоплены в крови. Передовая общественность знала об этих волнениях и горячо сочувствовала восставшим. П. И. Пестель в «Русской правде» писал, что «одна мысль о военных поселениях... наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом» [13]. Прекрасно понимая, каким мощным источником политического протеста являются военные поселения, члены Северного тайного общества решили впоследствии, в случае неуспеха восстания в Петербурге, «ежели останется часть войска, то ретироваться на военные поселения и стараться поднять их...» [14].

Рылеев был осведомлен о положении дел в военных поселениях, намек на которые содержался и в его сатире:

> Твои дела тебя изобличат народу;
> Познает он, что ты стеснил его свободу,
> Налогом тягостным довел до нищеты,
> Селения лишил их прежней красоты...

Передовая русская общественность хорошо поняла этот красноречивый намек. Она знала, что Аракчеев был инициатором и главным начальником военных поселений, стоивших жизни тысячам русских крестьян и солдат.

По справедливому указанию современного нам историка, «в струю разрозненных крестьянских восстаний в 1819 г. влились восстания военных поселений, и в 1818—1820 гг.— невиданные по размаху донские волнения. В 1820 г. царское правительство с ужасом увидело уже в самой столице, в Петербурге, волнение гвардейского Семеновского полка» [15]. Русская гвардия стала волноваться после того, как ее начали «прибирать к рукам» реакционные солдафоны. Апрель 1820 г. отмечен был волнениями в Павловском, осень того же года — волнениями в Измайловском полку. Ненадежным оказался и Конно-егерский полк, в котором в знак протеста против поведения командира полка почти все офицеры подали в отставку [16].

Однако самый широкий размах волнения приняли в Семеновском полку, не выдержавшем издевательств и притеснений со стороны командира полка, аракчеевского ставленника

Шварца. Волнения эти, начавшиеся 17 октября 1820 г. и продолжавшиеся несколько дней, были подавлены военными властями столицы, однако положение в Петербурге долгое время оставалось крайне напряженным. «Преображенцы громко роптали, горько оплакивали судьбу их братьев по оружию и говорили, что гибель их братьев поведет к их собственной гибели. Солдаты Московского полка, встречавшие семеновцев по пути в крепость, обнимали их со слезами на глазах. Лейб-гренадеры, стоявшие на карауле в крепости, кричали: „Сегодня очередь Шварца, не худо было бы, если бы завтра настала очередь Стюрлера". Но бунтовали не только солдаты: толпа рабочих подошла в эти дни к дому министра внутренних дел за тем, чтобы требовать справедливого расчета. Генерал Закревский не без основания указывал, что такого примера не было еще в Петербурге, „а в теперешнем положении дел сие может произвести сильное впечатление"»[17].

Власти были серьезно встревожены создавшейся в столице обстановкой. Закревский 26 октября 1820 г. писал начальнику Главного штаба, генералу Волконскому: «Сегодня слышал поутру, что подкинута какая-то пасквиль ужаснейшая на улице». То была одна из прокламаций к солдатам Преображенского полка. Русские воины призывались в ней «посмотреть глазами на отечество» и убедиться в том, что «люди всякого сословия подавлены дворянами». Прокламации (их было две) изобличали царя, называвшего возмутителями тех, кто на самом деле искал спасения отечеству, призывали установить в России такой порядок, чтобы царь был только «сторожем всеобщего имущества и спокойствия», но не «хозяином жизни нашей» и не «полным владетелем имущества» народа. Эти прокламации доказывали на примере событий в Семеновском полку, что «тиран тирана защищает», и призывали солдат «истреблять врага и в руки им не отдаваться»[18].

Рылеев был хорошо осведомлен о событиях, которые происходили в Петербурге. Ему с большим основанием приписывается очерк, изображающий Петербург в дни семеновских волнений. Этот очерк он, повидимому, написал через год или два после возмущения семеновцев, имея возможность, по своим связям в гвардии, собрать точные сведения о событиях[19]. Декабристы, и в частности Рылеев, впоследствии сожалели о том, что им не удалось возглавить недовольства в Семеновском полку. А. М. Булатов свидетельствовал о своем разговоре с Рылеевым: «партия... упустила в 821 году самый удобный случай во время возмущения Семеновского полка; он отвечал мне на это, что они тогда не так были сильны...»[20].

Ф. Н. Глинка, бывший в 1820 г. адъютантом петербургского генерал-губернатора, показал следственной комиссии: «Мы

тогда жили точно на биваках: все меры для охранности города были взяты. Через каждые полчаса (сквозь всю ночь) являлись квартальные, через каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные. Раза два в ночь приезжал Горголи (петербургский полицмейстер.— *А. Ц.*); отправляли курьеров, беспрестанно рассылали жандармов и тревога была страшная»[21]. Ф. Н. Глинка говорил одному из членов тайного общества, Перетцу: «У нас начинается революция». Вот откровенное признание Бенкендорфа, писавшего: «Если бы настоящая катастрофа потребовала бы вмешательства вооруженной силы, то сия последняя отказалась бы повиноваться»[22]. Свидетельство это не нуждается в комментариях.

В этой политической обстановке резонанс рылеевской сатиры против Аракчеева был исключительно сильным. Она появилась в то время, когда еще не изгладились впечатления от недавних волнений в деревнях, военных поселениях и столице. Совершенно естественно, что сатира Рылеева должна была показаться читателям «очень смелою» и «сильно выставлявшей» поэта[23]. Журнал «Невский зритель», опубликовавший рылеевское стихотворение «К временщику», был вскоре закрыт[24].

Опасность, нависшая над головою Рылеева, была тем более велика, что он и не думал скрывать свое авторство. Полная подпись под этой прокламацией в стихах звучала как мужественный вызов реакции. И. Н. Лобойко вспоминает о сатире «К временщику»: «Граф Аракчеев принял ее на свой счет, и она во всем Петербурге сделалась гласною. То те, то другие стихи, которые можно было обратить в укор Аракчееву, повторялись. Аракчеев, оскорбленный в своем грозном величии неслыханною дерзостию, отнесся к министру народного просвещения князю Голицыну, требуя предать цензора, пропустившего эту сатиру, суду». Положение спас А. И. Тургенев, занимавший в ту пору видный пост в министерстве народного просвещения. «Тайно радуясь этому поражению и желая защитить цензора», Тургенев «придумал от имени министра дать Аракчееву такой ответ: „Так как ваше сиятельство, по случаю пропуска цензурою Проперция сатиры, переведенной стихами, требуете, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные для вас выражения, то прежде, чем я назначу следствие, мне необходимо нужно знать, какие именно выражения принимаете вы на свой счет?“. Тургенев очень верно рассчитал, что граф Аракчеев после этого замолчать должен, ибо если бы он поставил министру на вид эти выражения, они не только бы раздались в столице, но и во всей России, ненавидящей графа Аракчеева»[25]. Это свидетельство мемуариста, сделавшееся известным лишь в наши дни, находится в полном согла-

сии с тем объяснением, которое в свое время дал этому эпизоду Н. Бестужев: «...изображение было слишком верно, очень близко, чтобы обиженному вельможе осмелиться узнать себя в сатире. Он постыдился признаться явно, туча пронеслась мимо...» [26].

Успех Рылеева у прогрессивно настроенных читателей был громадным. А. А. Дельвиг публично прочел сатиру «К временщику» в Вольном обществе тотчас после ее появления в печати. Н. И. Лорер указывал, что читатели сразу разгадали связь этого стихотворения с русской действительностью: «Мы с жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русского временщика» [27].

Герцен в статье «Концы и начала» писал о том, что русское дворянство наряду с Биронами и Аракчеевыми породило «фалангу героев и воинов-сподвижников», вышедших «сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение». В сатире «К временщику» отражено было острейшее столкновение этих двух слоев русского дворянства. Рылеев героически выступил против Аракчеева, всенародно разоблачив царского фаворита, ненавистного всей России. Он «напал на чудовище, перед которым трепетала вся страна,— на Аракчеева»,— так характеризовал Герцен политический эффект рылеевского стихотворения [28]. О значении этой сатиры Николай Бестужев писал: «Все государство трепетало под железною рукою любимца-правителя. Никто не смел жаловаться: едва возникал малейший ропот — и навечно исчезал в пустынях Сибири или в смрадных склепах крепостей. В таком положении была Россия, когда Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины; когда назвал его деяния, определил им цену и смело предал проклятию потомства слепую или умышленную покорность вельможи для подавления отечества. Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном». Н. А. Бестужев правильно оценил «нравственные последствия» рылеевской сатиры, которая «научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о действиях власти и вызывать сильных на суд народный. С этого стихотворения началось политическое поприще Рылеева. Пылкость юношеской души, порыв благородного негодования и меткие удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее внимание» [29]. Самого Рылеева этот успех должен был навсегда утвердить на путях политической поэзии.

Сатира «К временщику» была напечатана в журнале, имевшем небольшое количество подписчиков. Можно, однако, пору-

читься за то, что после появления такого сенсационного произведения книга «Невского зрителя» передавалась из рук в руки. Кроме того, сатира «К временщику» тогда же разошлась по России в большом количестве рукописных списков [30]. Она оказала несомненное воздействие на русскую поэзию. Назовем в качестве одного из примеров стихотворение А. А. Шишкова «К Метеллию»:

О! скоро ль гром небес, сей мститель справедливый,
Злодейства сильного раздастся над главой,
Исчезнет власть твоя, диктатор горделивый,
И в Риме процветает свобода и покой?
Метеллий! Доживу ль минуты толь счастливой?
Иль кончу скорбный век среди *римля́н-рабов?*
Нет, нет! настанет день свободный от оков,
Как аравийский конь при звуках близкой брани,
Омоет свой позор и стыд своих отцов!

Стихотворение это явилось новым звеном в цепи тех «древне-римских» посланий, которые изобличали русское самовластие начала XIX в. Воздействие на Шишкова Рылеева и стихотворения Пушкина «К Лицинию» несомненно. Еще большим обязан был Рылееву отставной подпоручик Селивестр Путята, сочинивший небольшую поэму «Дни моего отчаяния», исполненную выпадов по адресу Аракчеева:

Тебя в пример я поставляю,
Уполномоченный злодей!
Твои дела изображаю:
Ты враг отчизны, льстец царей,
Ты бич столь славного народа... [31]

Сатира «К временщику» вошла в число таких величайших образцов этого жанра, как «Вельможа» Державина, «Моя родословная» Пушкина, «Смерть поэта» Лермонтова, «Размышления у парадного подъезда» Некрасова. Уступая перечисленным произведениям в поэтическом мастерстве, сатира Рылеева нисколько не уступала им в беспощадности удара.

III

Громадный успех сатиры «К временщику» вполне упрочил известность ее автора. Рылеев обосновался в Петербурге. В 1820—1821 гг. он состоял членом масонской ложи «Пламенеющая звезда», входящей в состав союза «Астрея». Этот эпизод до сих пор не привлекал внимания биографов Рылеева; между тем есть основание полагать, что участие в масонской

организации было для него определенным этапом на пути к тайному политическому обществу. Устав масонской организации предписывал ее членам «повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их». Он требовал от масонов быть «честну... человеколюбиву, благородну и преисполнену любви ко всем человекам». Особое внимание масонские уставы обращали на конспирацию: «Братья,— говорилось в одном из них,— должны быть осторожны в своих разговорах и поступках, дабы и самый проницательный посторонний человек не мог открыть того, чего ему не подлежит знать...». Члены союза «Астрея», куда вступил Рылеев, были проникнуты «идеями рационализма и буржуазной морали». Феодально-аристократической иерархии и пышному ритуалу они противопоставили «демократический принцип выборной власти, несложное количество степеней и внешнюю простоту религиозного обихода» [32]. Членами масонских лож Петербурга в числе прочих являлись Ф. Н. Глинка, В. и М. Кюхельбекеры, Н. А. Бестужев и другие, ставшие впоследствии членами тайных политических организаций. «Политические идеи эпохи не нашли себе непосредственного выражения в деятельности масонской организации, но участие в разнообразных ложах союза Астреи послужило предварительной школой, которая подготовила будущих деятелей политического движения» [33]. Именно в этом плане масонство сыграло известную роль и для Рылеева.

В 1820—1822 гг. упрочились связи Рылеева с передовыми русскими литераторами. В эту пору он познакомился с А. А. Бестужевым-Марлинским, А. Ф. Воейковым, А. А. Дельвигом, Ф. Н. Глинкой, Н. И. Гнедичем, Е. А. Баратынским, П. А. Вяземским, короче говоря, со многими русскими литераторами. Большое значение для Рылеева имело его сближение с Н. И. Гнедичем. Декабристы высоко ценили Гнедича как автора послания «Перуанец к испанцу», разошедшегося в списках, как переводчика трагедии Вольтера «Танкред» [34], как автора гимна «Воспряньте, Греции народы» (1821), проникнутого горячим сочувствием к восставшим грекам, как переводчика «Илиады». А. А. Бестужев писал о нем в своем первом обзоре русской литературы: «В Гнедиче виден дух творческий и душа воспламеняемая, доступная всему высокому» [35].

Для формирования эстетики Рылеева, как и других декабристских поэтов, имела важное значение речь Гнедича о назначении поэта, произнесенная 13 июня 1821 г. в Вольном обществе любителей российской словесности и напечатанная в «Трудах» последнего (ч. XV, 1821). В этой речи содержалась эстетическая программа, близкая к Законоположению Союза Благоденствия и, по всей вероятности, вдохновленная им. Гнедич утверждал, что поэту теперь «нужнее черезмерить величие человека,

нежели унижать его» и что поэтому известная идеализация образов закономерна и прогрессивна. Гнедич призывал литераторов Вольного общества вызывать в читателях «думы высокие, восторги пламенные». Одной из самых важных задач, стоящих перед поэзией, Гнедич считал изображение «святого пожертвования собою для блага людей» [36].

Эти мысли были глубоко созвучны представлениям Рылеева о задачах поэзии и сыграли немалую роль в формировании его творчества, в частности, цикла «дум», к созданию которого Рылеев вскоре обратился. Недаром Рылеев так часто посылал Гнедичу свои произведения, предоставляя ему решать, достойны ли они печати.

«Послание к Н. И. Гнедичу», написанное Рылеевым в 1821 г., проникнуто глубоким уважением к этому поэту. Гнедич для Рылеева — «питомец важных муз», оказавший своим переводом «Илиады» первостепенную помощь русской литературе. Его напряженный и взыскательный труд не оценен, так как

Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками, и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов.

Рылеев призывал Гнедича быть твердым и не сходить с избранного им пути:

На площадную брань и приговор суровой
С Гомером отвечай всегда беседой новой *.

Он предсказывал Гнедичу успех у передовых русских читателей с «воспламененною душой», хранящих «любовь к стране своей родной».

Послание Рылеева было написано вскоре после той речи Гнедича в Вольном обществе любителей российской словесности, в которой он утверждал: «Фортуна... и меценаты... продают благосклонности свои за такие жертвы, которых почти нельзя принести не за счет своей чести» [37]. Рылеев был вполне солидарен с этими утверждениями Гнедича, что в полной мере сказалось в его полемике с Пушкиным по литературно-эстетическим вопросам.

Плодотворным для Рылеева было знакомство с Ф. Н. Глинкой, виднейшим представителем первого поколения декабристских литераторов. Далекий от республиканских взглядов, Глинка, однако, был патриотом, славившим те «златые права» вольности, которые «своею кровью» купили «для нас» предки.

---

* Образ этот затем мы встретим у Пушкина: «С Гомером долго ты беседовал один...».

В его политической лирике конца 1810-х годов звучит и изобличение деспотов, и апофеоз праведных граждан, раскрывается образ поэта, отдающего все силы служению страдающей отчизне. Ф. Н. Глинка оказал важную поддержку Пушкину во время его высылки из Петербурга весною 1820 г., и последний недаром называл его в своем послании «великодушным гражданином». Глинка быстро сошелся с Рылеевым и, по собственному признанию, «всегда был почитателем прекрасного... таланта моего кума — таланта всегда энергичного, всегда подтепленного огнем» [38].

Глинка был одним из видных членов Союза Благоденствия, еще продолжавшего существовать в 1820 г. Союз Благоденствия ставил перед собой задачу завоевания общественного мнения; по мысли его учредителей, он должен был обрасти сетью легальных организаций, которые влияли бы на общее направление русской литературы и в которых были бы «порождаемы и укрепляемы: согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству» [39]. Одним из таких легальных филиалов Союза Благоденствия сделалось с 1818 г. Вольное общество любителей российской словесности, председателем которого был избран Ф. Н. Глинка. Вскоре в Вольном обществе произошел раскол, обусловленный различным пониманием задач организации. «Умеренная» группа членов Вольного общества, руководимая А. Е. Измайловым, возражала против политического радикализма, тогда как левое крыло его членов считало необходимым придать деятельности общества просветительский и революционный характер. В результате раскола из Вольного общества ушли его «умеренные» члены. Среди оставшихся были Н. И. Гнедич, Н. И. Тургенев, А. А. Бестужев, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, О. М. Сомов и др.

Рылеев, войдя в состав участников Вольного общества, примкнул к его прогрессивному крылу. 25 апреля 1821 г. его выбрали членом-сотрудником, а 19 декабря — действительным членом общества; 28 ноября Рылеев прочел на заседании общества «думу» «Смерть Ермака», произведя огромное впечатление на слушателей [40]. Обстоятельное изучение В. Г. Базановым деятельности Рылеева в Вольном обществе установило большую активность поэта, прочитавшего на заседаниях общества больше двадцати произведений. В 1822 г. Рылеев делил с Ф. Н. Глинкой второе и третье места по количеству посещений заседаний, а в 1823 г. выдвинулся уже на второе место. В 1824 и в 1825 гг. Рылеев был в Вольном обществе «цензором поэзии». На квартире Рылеева происходили заседания этой «ученой республики» [41].

Участие в работе Вольного общества любителей российской словесности сильно помогло политическому самоопределению Рылеева. В беседах и творческом общении с Гнедичем, Глинкой, А. Бестужевым и др. он определил свои политические взгляды. А. Бестужев вспоминал, как в 1822 г. он свел свое «знакомство с Рылеевым и как мы иногда возвращались вместе из общества соревнователей просвещ[ения] и благотвор[ения], то и мечтали вместе, и он пылким своим воображением увлекал меня еще более. Так грезы эти оставались грезами до 1824 года, в который он сказал мне, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает меня» [42]. Это признание А. Бестужева показывает, какой прекрасной подготовкой для Рылеева являлась его работа в Вольном обществе.

Рылеев не был членом Союза Благоденствия, но на всем протяжении 1820—1823 гг. находился в орбите его влияния. Он состоял участником масонской ложи, в которую вместе с ним входили многие члены Союза Благоденствия, был членом легального филиала Союза — Вольного общества любителей российской словесности. Он был близок с Н. И. Гнедичем, пропагандировавшим в своей литературной деятельности идеи раннего декабризма, и с Ф. Н. Глинкой, игравшим видную роль в Союзе Благоденствия. Можно предположить поэтому, что Рылеев был знаком с целями этой декабристской организации и с его Законоположением — так называемой «Зеленой книгой». В дальнейшем нам придется часто цитировать этот уставный документ, с которым рылеевские стихотворения будут находиться в неизменной идейной и фразеологической перекличке.

Успехи Рылеева как поэта повлекли за собой также и его избрание в действительные члены Петербургского вольного общества любителей словесности, наук и художеств, председателем которого был А. Е. Измайлов [43].

24 января 1821 г. Рылеев был выбран дворянами Софийского уезда заседателем Петербургской уголовной палаты. Эта работа по выборам сыграла очень большую роль в идейном росте будущего декабриста. Рылеев, как и Пущин, принадлежал к числу тех, кто, по крылатому выражению героя грибоедовской комедии, «служит делу, а не лицам». «Мне предлагали быть в Софийском уезде исправником и даже настаивали, но я наотрез отказался от этой подлой должности, которою у вас так дорожат и тщеславятся»,— писал Рылеев 2 декабря 1820 г. жене [44]. Но, отказавшись от «подлой должности» правительственного чиновника, Рылеев вовсе не хотел отказываться от общественного служения.

Известно, с какою настойчивостью такое служение рекомендовалось Законоположением Союза Благоденствия. Члены Союза, говорилось в уставе, «не токмо не должны уклоняться

от общественных обязанностей, но, как истинные сыны отечества, с удовольствием их принимать, с рачением исполнять и как непорочным поведением, так правосудием и благородством возвышать во мнении других занимаемое ими место». Среди этих мест суд имел особое значение: в Союзе Благоденствия была третья по счету «отрасль», ведавшая правосудием. «Все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли. Они не только не отказываются и не уклоняются от должностей, *особенно по выборам дворянства* (подчеркнуто мною.— *А. Ц.*), но, напротив, ищут таковых мест; собственным непорочным и бескорыстным прехождением службы оные возвышают и сохраняют им всю их важность и достоинство. Строгое и ревностное исполнение возложенных по службе или государственных обязанностей есть отличная черта члена Союза Благоденствия» [45].

Таковы были вполне определенные директивы этой ранней декабристской организации. Им следовали не только члены Союза, но и те, кто находился под идейным воздействием декабристских идей. Н. Бестужев говорил на следствии о занятии мест, «с которых мы могли бы, подкрепляя себя взаимно, действовать к улучшению существовавшего управления» [46]. «Известно,— писал Д. И. Завалишин в своих воспоминаниях,— что некоторые члены общества пожертвовали личными интересами и удовольствиями столичной жизни, пожертвовали блестящею службою в гвардии и в министерстве иностранных дел... и пошли на такие должности, которые были тогда в дурной славе; пошли именно для того, чтобы личными достоинствами и действиями в ином духе исправить и возвысить их» [47].

В числе этих передовых людей, членов Союза Благоденствия или близких к нему, были И. Н. Горсткин, И. И. Пущин, С. Кашкин, поступившие в Московский надворный суд, а в Петербурге — К. Ф. Рылеев, который «первый дал мысль, чтобы служить в палатах для показания, что люди облагораживают места и для примера бескорыстия» [48]. Именно к этим людям относилась песня неизвестного автора «Мать ты наша, матушка православная», написанная 1 января 1836 г. «Ивану Ивановичу Пущину на память»:

Одни из нас, оставя меч, засели в приказ,
Что могли, то делали, чтобы злу помочь,
Разбудить других сынов от рабского сна [49].

Рылеев опередил других в этом стремлении непосредственно служить народу. Ему последовал Пущин, «и потом по переходе сего последнего в Москву, в Надворный суд, многие молодые люди сделали то же» [50]. В самом деле, к исполнению

обязанностей заседателя Петербургской уголовной палаты Пущин приступил, судя по его послужному списку, 26 января 1823 г., на два года позже, чем Рылеев.

Свои обязанности судебного заседателя Рылеев выполнял с большим рвением, отдавая себе отчет в общественной важности этой деятельности. В 1822 г. поэт писал А. А. Бестужеву:

В своем болотистом Кронштадте —
Ты позабыл совсем о брате
И о поэте — что порой,
Сидя как труженик в Палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу и покой...

Что именно делал Рылеев в уголовной палате, нам до сих пор было неизвестно. В частности, мы мало что знали об участии Рылеева в деле разумовских крестьян; его роль в этом деле получила восторженную оценку в мемуарах Н. А. Бестужева: «Я,— писал Бестужев,— не скажу ничего о известном деле разумовских крестьян: мнение Рылеева о сих несчастных было написано с силою чувствований, защищавших невинное дело. Император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе,— все было против, один Рылеев взял сторону угнетенных, и это его мнение будет служить вечным памятником истины — свидетелем, с какой смелостью Рылеев говорил правду» [51].

Архивные материалы, проанализированные исследователем крестьянского движения И. И. Игнатович, позволяют нам в известной мере уточнить эти указания Н. Бестужева. Судя по записке неизвестного лица, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук, а также по некоторым сохранившимся протоколам этой палаты, летом 1821 г. на мызе Гостилицы (Ораниенбаумского уезда), в имении графа К. Г. Разумовского начались крестьянские волнения, вызванные жестокой эксплуатацией крестьян помещиком. С крепостных брался несоразмерный оброк, барщина же была настолько тяжела, что оставляла крестьянам всего лишь один-два дня в неделю для их собственных хозяйственных нужд. После того как часть крестьян не явилась на барский сенокос, бурмистр распорядился наказать их розгами. Крестьяне пожаловались графу на притеснения бурмистра; не получив удовлетворения своей просьбы, они продолжали работать «небрежно и нерадиво», делая «скопы», т. е. собираясь на неразрешенные сходки. Разумовский отдал двоих крестьян без зачета в рекруты, а когда и эта мера не достигла цели, просил о назначении в его имение «одного эскадрона конницы, который, не подавая вида крестьянам, мог бы, в случае надобности, содействовать

к укрощению буйства их». Войска были присланы. Среди крестьян были произведены аресты. Крестьяне подали затем прошение «на высочайшее имя», жалуясь на бурмистра, наказывающего их так, что «на месте же при наказаниях исповедуют и приобщают святых тайн, а у их женщин у чреватых неоднократно чрез наказание выбивают младенцев».

Произведенное по распоряжению петербургского генерал-губернатора Милорадовича Ораниенбаумским уездным предводителем дворянства «строжайшее расследование» не заставило крестьян смириться. Волнение охватило крестьян соседних с Гостилицами деревень, которые пытались подать жалобу вдовствующей императрице. Не получив и здесь ответа, крестьяне решили «итти всем миром в Петербург, с жалобою государю императору»; на колокольне ударили в набат, более 200 крестьян пытались силою освободить арестованных.

Таким образом, волнения крестьян приняли разнообразные формы: крепостные (в вотчине Разумовского их было до 1800 человек) не только выражали протест помещику, но и подавали жалобы генерал-губернатору и стремились добраться до самого царя. Волнения эти, происходившие под самым Петербургом, произвели большое впечатление на правительство. Решено было сурово наказать «бунтовщиков».

Разбирая это дело 16 и 17 ноября 1821 г., петербургская уголовная палата приговорила пятерых крестьян «за подачу государю лживой просьбы» и «дальнейшее смутьянство» — наказать кнутом и сослать в Нерчинск, в каторжные работы; нескольких крестьян наказать плетьми, предоставив владельцу отдать их в солдаты, а непригодных отправить на поселение. Александр I утвердил этот приговор палаты с незначительным смягчением: каторжные работы заменялись высылкой крестьян вместе с их семьями в Сибирь на поселение.

Приговор этот был уже приведен в исполнение, когда несколько укрывавшихся крестьян предприняли новую попытку добраться до вдовствующей императрицы. «Предполагалось обратиться к содействию бывшего крестьянина села Дятлицы Никифора Юдина, который в это время находился кучером императрицы Елизаветы Алексеевны, так как был слух, что Юдин наказывал через невестку свою Марью Евсееву, чтобы крестьяне пришли к нему». За эту попытку, вновь прекращенную арестом ходоков, последовало новое наказание кнутом, сдача в солдаты и отсылка на поселение. В приговоре сосланным содержалось циническое предупреждение, чтоб они «впредь от подобного развращения в послушании удерживались, а повиновались бы власти над ними поставленной, потому что в противном случае подвергнут себя наказанию и ссылке» [52].

При подписи определения дворянский заседатель Рылеев, подписав означенный приговор, остался при особом мнении, заявив, что «как дело подсудимых основалось только на донесениях управляющего вотчиной гр. Разумовского и на предположении обер-полицеймейстера и что из показаний подсудимых не видно ни причины возмущения, возникшего после решения, ни виновников и главных зачинщиков оного, то и не может он приступить к обвинению кого-либо из подсудимых». Как справедливо квалифицировала это заявление Рылеева И. И. Игнатович, «это был протест против грубой расправы с крестьянами, совершаемой даже без соблюдения существующих законов».

В своем особом мнении, приводимом ниже дословно, Рылеев держался несколько более умеренных взглядов.

Мнение

«Соглашаясь на меру наказаний подсудимых крестьян, полагаю полезным строго запретить бывшему крестьянину графа Разумовского и ныне находящемуся кучером у ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны — Никифору Юдину, дабы он впредь никому из крестьян графа Разумовского не обещал своего заступления и ходатайство (буде показание Марьи Евсеевой справедливо); ибо подобные внушения, рождая в легковерном простом народе некоторый род упования, могут питать в нем дух неповиновения и побуждать к возмутительным поступкам. За сим почитаю необходимым для предупреждения могущего вновь возникнуть неповиновения крестьян в вотчине графа Разумовского послать, по избранию правительства, благонадежного чиновника для исследования на месте, действительно ли бурмистр Николай Егоров делает крестьянам притеснения, как то показывают некоторые из подсудимых, и если делает, то в чем оные состоят; а как из первоначально производившегося в Палате дела видно, что бурмистр действует не сам собою, а по установлениям, издавна в вотчинной конторе существующим, то исследовать, нет ли чего отяготительного в сих установлениях. Марта ...дня 1822 года. Заседатель от дворянства Кондратий Рылеев»[53].

У нас нет оснований оспаривать подлинность этого документа. Во-первых, изложение дела ведется автором настолько точно, с указанием фамилий и всех подробностей, что здесь трудно предположить какую-либо ошибку. Предполагать, что «особое мнение» Рылеева фальсифицировано, у нас также нет оснований. П. А. Ефремов, готовивший эту рукопись к напечатанию в «Русской старине», приписал в редакционном примечании, что мнение это печатается «с подлинника, писанного рукою Рылеева». Всей рукописи им было предпослано сле-

дующее краткое предисловие: «Счастливый случай доставил нам это „мнение“ К. Ф. Рылеева, но помещенное отдельно, оно было бы лишено всякого значения и потребовало бы очень обширных примечаний. Между тем самое „дело“ представляет столько интересных подробностей, что мы решились передать его в возможно подробном изложении по официальным данным. П. Е. [фремов]».

Нужно думать, что П. А. Ефремов не написал бы всего этого, если бы он не был уверен в том, что изложенные в деле и «особом мнении» факты действительно соответствуют истине.

Оценивая «особое мнение» Рылеева по существу, не следует забывать, что он выступал как представитель дворянства и уже по одному этому не мог до конца сформулировать свое личное мнение.

«Мнение» писалось в марте 1822 г., т. е. задолго до вступления Рылеева в члены Северного тайного общества. Вера Рылеева в «просвещенного» царя отразилась даже в его одах «Александр I» и «Видение», еще естественнее было ей проявиться в «особом мнении» по делу разумовских крестьян. В этом аспекте и следует рассматривать предложение Рылеева о посылке в вотчину графа Разумовского чиновника для исследования на месте положения дела. Предложение Рылеева, несомненно, отражало свойственные ему в те годы конституционно-монархические иллюзии.

Но если мы и не будем преувеличивать степень политического радикализма Рылеева в 1822 г., то в то же время мы не можем не признать, что в его «особом мнении» имелись бесспорно оппозиционные тенденции. Когда Рылеев советовал Петербургской уголовной палате исследовать на месте не только действия бурмистра, но и «установления, издавна в вотчинной конторе существующие», он вторгался в область феодальных привилегий влиятельного петербургского помещика, графа Разумовского, и посягал на право крепостников бесконтрольно распоряжаться своею «крещеной собственностью». Рылеев этим подчеркивал, что старая мораль: «Законы святы, да исполнители лихие супостаты» неверна; дело не только в своекорыстии исполнителей, но и в порочности самих законов, отяготительных для «простого народа».

Можно с полным основанием предполагать, что в своих речах в уголовной палате по делу разумовских крестьян Рылеев выступал гораздо решительнее. Н. Бестужев имел в виду, конечно, и эти устные выступления, а может быть и другие письменные «мнения» Рылеева, которые до нас не дошли (архив петербургской уголовной палаты не уцелел).

Эти выступления Рылеева стали известными в Петербурге и создали ему славу самоотверженного защитника угнетенных.

Недаром один мещанин горячо благодарил военного губернатора Милорадовича за отдачу его под суд петербургской уголовной палаты: «— Какую же милость оказал я тебе? — спросил губернатор. — Вы меня отдали под суд, — отвечал мещанин, — и теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и привязок; знаю, что буду оправдан: там есть Рылеев: он не дает погибать невинным!» [54].

Деятельность Рылеева в уголовной палате завоевала ему имя честного и справедливого человека. Но, конечно, особенно успешной она быть не могла. Поэт сам писал об этом в послании к А. А. Бестужеву (1821), где называл себя «тружеником», который, сидя в палате,

Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу и покой...
Но тщетны все его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презренное чело,
Как кедр Ливанский горделивый,
Превыше правды вознесло.

Это полное горечи признание говорит, что Рылеев не преувеличивал значения своей службы в уголовном суде. Такая борьба с «укоренившимся злом», составлявшим неотъемлемое свойство самодержавно-крепостнического строя, была трудна и не обещала больших перспектив: нужно было, конечно, рубить не сучья, а само дерево. Постепенно Рылеев понял это и, вероятно, именно поэтому оставил службу в уголовной палате.

Работа заседателя в судебном учреждении сыграла большую роль в развитии политических убеждений Рылеева. Всеобщая коррупция чиновничества выявлялась здесь с особой очевидностью. И как бы ни умеренны были еще взгляды Рылеева по крестьянскому вопросу, он именно в эту пору обогащался теми наблюдениями над русской действительностью, на основании которых впоследствии были написаны агитационно-сатирические песни, в частности, песня «Ах, тошно мне...» с ее беспощадной характеристикой русского суда.

Работа в уголовном суде способствовала вступлению Рылеева в Северное тайное общество. В январе 1823 г. в последнем появился И. И. Пущин, изъявивший твердое желание «служить в присутственных местах, где всякой честной человек может быть решительно полезен другим. Тут (т. е. в уголовной палате.— *А. Ц.*) познакомился я с Рылеевым. Узнав его хорошо, в короткое время принял членом в общество и просил деятельности в принятии других» [55]. Это было в октябре 1823 года. Приход Рылеева в декабристскую организацию был вполне

закономерен. «...Взысканный общим уважением за свои заслуги перед человечеством, увенчанный заслуженными похвалами за поэтические дарования, с полною доверенностью к его характеру и мнениям был принят в это общество. Здесь порывы его души, болезнь сердца о несчастиях родины и неясные понятия о желании лучшего получили надлежащее направление» [56].

IV

Поэтическое творчество Рылеева в 1821—1823 гг. было полно пламенного сочувствия к национальному освобождению народов. Пестель писал в показаниях следственной комиссии: «...имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же... Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать...»[57]. Тиранов и их пособников поражал кинжал народных мстителей: в марте 1819 г. был убит реакционный немецкий писатель Коцебу, в феврале 1820 г.— наследник французского престола герцог Беррийский. В январе — марте 1820 г. произошло национально-освободительное восстание в Испании и Португалии, в марте — в Пьемонте, в июле — в Неаполе. Народы Европы стремились разорвать цепи деспотизма. В записках А. В. Поджио отмечались происходившие в это время «всеобщие, почт одновременные восстания; народы воспрянули; затаившиеся стремления выступили открыто, гласно... У них целые предания, воспоминания о былом; у них понятие о праве, — верования, убеждения в будущность — и народы, под одним и тем же знаменем, тронулись и пошли в бой»[58]. Священный союз реакционных монархий душил свободу народов. На ряде конгрессов — в Троппау, Лайбахе, Вероне — правительства России, Австрии и Пруссии обсуждали меры борьбы с освободительным движением в Европе, которые немедленно приводились в действие.

С глубоким сочувствием передовые русские люди следили за освободительной борьбой народов Западной Европы. И прежде всего их сочувствие проявилось в отношении к греческому восстанию. Члены тайного общества были возмущены поведением русского царя, отказавшегося придти на помощь порабощенному и истребляемому народу. «Единоверные нам греки, несколько раз нашим правительством возбуждаемые против тиранства магометанского, тонут в крови своей; целая нация истребляется, и человеколюбивый Союз равнодушно смотрит на гибель человечества!» [59],— так несколькими годами позднее писал П. Каховский.

Греческое восстание широко и с необычайным сочувствием было воспето русскими поэтами. Гнедич восклицал: «О, геллины веков минувших, восстаньте из гробов!». В его представлениях повстанцы 1821 г. возрождали патриотическую доблесть своих предков: «Докажем мы, что грек свободы и чести не забыл». Пушкин писал: «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем». Великий русский поэт восторгался героизмом «страны героев и богов», которая «расторгла рабские вериги». На эту же тему писали В. Кюхельбекер («К Ахатесу», «Пророчество», «К Вяземскому», «Греческая песнь»), В. Григорьев («Гречанка»), О. Сомов («Греция»), В. Туманский («Греческая ода»), И. Козлов («Пленный грек в темнице»), В. Раевский («К друзьям»). Кюхельбекер в «Греческой песне» восторженно призывал помочь единоверческому народу:

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!..

Столь же горячо откликнулся на греческое восстание и Рылеев. Он сделал это дважды — в стихотворении «Пустыня» и в специальном послании к Ермолову, который, как ходила молва, должен был во главе русских войск отправиться на помощь грекам. Ермолов импонировал декабристам своей воинской доблестью, проявленной им во время Отечественной войны. В Ермолове видели античного героя, биография которого, «беспристрастно и умно написанная, была бы под стать Плутарховым жизнеописаниям знаменитых мужей Греции и Рима» [60]. Членов тайных обществ привлекала также самостоятельность Ермолова как главного начальника русских войск на Кавказе. Декабристы рассчитывали, что Ермолов поддержит их подготовлявшееся выступление против царизма.

Послание к Ермолову, написанное Рылеевым в 1821 г., приветствует национально-освободительную борьбу греческого народа:

Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —
И цепи сбросивши невольничьего страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..

Известие о посылке Ермолова в Грецию оказалось ложным: для Александра I реакционные цели «Священного союза» оказались неизмеримо важнее судьбы греческого народа.

Рылеев в это время еще не сделал из предательского поведения русского царя тех выводов, какие он выразил позднее, в песне «Ах, тошно мне...» и в стихотворении «На смерть К. П. Чернова». Считая в 1821 г. еще возможным договориться с царем, Рылеев убеждал Александра I понять нужды народов:

Благотворить — героев цель.
Для сердца твоего не чужды
Права народов и земель
И их существенные нужды.
О царь! Весь мир глядит на нас,
И ждет иль рабства, иль свободы!
Лишь Александров может глас
От бурь и бед спасать народы...

Так призывает поэт царя в приписываемой Рылееву оде Александру I (1821). Автограф ее не сохранился, но о принадлежности оды перу Рылеева говорит ряд данных как идейного, так и фразеологического характера. Идеи произведения вполне определенны. Ода содержит прямую идеализацию «просвещенного государя», творящего добро народу. Эти надежды питал и молодой Пушкин, ода «Вольность» которого была «направлена не против царской власти вообще, как у Радищева», а против узурпаторов закона — «тиранов».

Говоря терминами, обычными среди деятелей первых тайных декабристских организаций, Пушкин выступает здесь против «деспотии» за «законно-свободную», т. е. ограниченную законом монархию... Это была программа и Союза Спасения и большинства членов вскоре возникшего Союза Благоденствия [61].

Аналогичные по существу своему мотивы звучат и в оде «Александру I». Ее автор говорил о восстаниях народов на юге и западе Европы: везде видел он «брожение умов» и борьбу против угнетения. Но поэт еще далек был от мысли грозить русскому монарху, он призывал его лишь соблюдать законность:

Равно ужасны для людей
И мятежи и самовластье,
Гроза народов и царей —
Не им доставить миру счастье!
Опасны для венчанных глав
Не частных лиц вражды и страсти,
А дерзкое презренье прав,
Чрезмерность иль дремота власти.

Подобная же концепция раскрывалась двумя годами позднее в оде «Видение» (1823), обращенной к великому князю Александру Николаевичу. Рылеев вновь, как и ранее, указывал на царящее в Европе смятение. Но в отличие от оды 1821 г. здесь мы находим уже целую программу государственных преобразований:

Твой долг — благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы,
И веру утверди в сердцах.
Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородной,
Неправосудье истреби.

Если перевести эти стихи на язык политических требований, то окажется, что Рылеев ждал от русского царя приближения к престолу даровитых сынов нации, развития просвещения и науки, отмены цензуры, наконец — реформ в аппарате государственного управления и особенно в суде. Характерно, что вопрос об освобождении крестьянства был здесь обойден. Неправосудие признавалось Рылеевым «неблагородным духом рабства», но о последнем поэт умалчивал, вероятно, не желая ставить свою оду под удар цензуры. Конечно, и эта урезанная программа политических реформ была, безусловно, прогрессивной в условиях 1823 г.; однако это была еще конституционно-монархическая программа. По справедливому указанию Ю. Г. Оксмана, общие политические установки «Видения» «отражали иллюзии, характерные для всего правого крыла дворянской оппозиционной общественности начала 20-х годов. В эту пору Рылеев еще не отказался от надежд на „просвещенного монарха“... реализующего под давлением идеологов Северного общества... программу социально-политических реформ...»[62].

Ода «Гражданское мужество» (1823) прославляла одного из тех людей, которые должны быть приближены к трону. «...в России,— писал А. Якубович в 1826 г.,— мало сих столбов отечества, которые главную силу заимствовали не в происхождении или богатстве своем, но в добродетелях мудрости и безупречном служении отечеству, получив сими качествами право обличать порок и ходатайствовать за добродетель перед лицом монарха»[63].

Одного из «сих столбов отечества» Рылеев и прославлял в «Гражданском мужестве». Его привлекла личность адмирала Н. С. Мордвинова. Сторонник аристократической конституции в духе английской палаты лордов, Мордвинов отличался независимостью суждений. Он считал, что необходимы перемены в государственной администрации. «Надо начать с трона...— заявлял Мордвинов в частном разговоре, — пословица говорит, что лестницу метут сверху» [64]. Подобные этому высказывания Мордвинова циркулировали в кругах передовой русской общественности. Пушкин приветствовал Мордвинова посланием, прославлявшим его неподкупность:

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священы пред тобою [65].

Облик Мордвинова подвергся в оде Рылеева сильной идеализации. Русский вельможа был облачен здесь в древнеримскую тогу защитника государственного блага, сравнивался с Брутом и Катоном. Рылеев уподоблял своего героя и таким неподкупным, как ему представлялось, деятелям XVIII в., как Долгорукий и Панин. В Мордвинове Рылеев подчеркивал якобы присущее ему постоянное стремление к справедливости, вражду к произволу, неустрашимость в выполнении своего долга — короче, его «гражданское мужество». Образ героя приобретал здесь поистине колоссальные очертания (см. финальное сравнение Мордвинова с «седым Эльбрусом», стоящим «в грозной красоте»), ода изобиловала пышными метафорами и сравнениями. Но и в ней Рылеев еще не покинул конституционно-монархических позиций.

Подобно автору «Вольности» — Пушкину, Рылеев отличал «монархию» в собственном смысле от «деспотии», «самодержавие» от «самовластья». Для него это отнюдь еще не синонимические понятия: так Рылеев начнет думать позднее, когда станет республиканцем. В 1823 г. Рылеев был вполне солидарен с политической формулировкой пушкинской «Вольности».

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Легко заметить, что путь Рылеева от сатиры «К временщику» к одам «Видение» и «Гражданское мужество» отражал в себе некоторое снижение оппозиционных настроений. Рылеевым

на время овладевают иллюзии дворянской конституционности, вера в инициативу «просвещенного монарха». Настроения эти не случайны: они находятся в связи с кризисом в 1822—1823 гг. декабристского движения. Годы поражения революционного движения в Европе и дикого разгула реакции в России внесли в лирику Рылеева эти слабо звучавшие ранее мотивы.

Следует, однако, отметить, что объективное звучание рылеевских од 1821—1823 гг. вышло за пределы сравнительно умеренной идеологии их автора. Читатели 20-х годов находили в «Видении» краткую, но многозначительную картину национально-освободительных восстаний, еще недавно бушевавших в Европе:

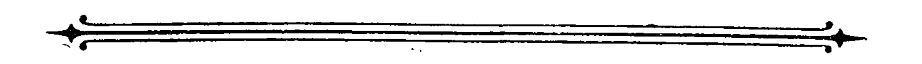
Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движеньи сонм царей!

Они находили в «Гражданском мужестве» идеальный образ патриота, всем жертвующего для счастья отчизны, героя, самоотверженно борющегося с «коварством».

* * *

Таковы были сатира и лирика Рылеева в первые годы его литературной деятельности, в период между приездом в Петербург и вступлением в члены тайной организации. Общественно-политические воззрения Рылеева не отличались в эти годы радикализмом 1824 и особенно 1825 г. В 1820—1823 гг. Рылеев еще верил в монарха и в прогрессивных вельмож, стоящих у трона. Иллюзии эти не определили, однако, общего строя рылеевской лирики. Она и в эту пору питалась ненавистью поэта к деспотизму, его горячей любовью к угнетенным народам. Уже в ранние годы своей литературной деятельности Рылеев понял, что искусство должно деятельно участвовать в общественной борьбе и, бичуя «порок», всеми средствами возвышать «добродетель».

Его сатира и лирика 1820—1823 гг. насквозь проникнуты гражданственностью. Те же идеалы раскрылись и в исторических балладах 1821—1823 гг., которые Рылеев назвал «думами».

Глава третья

«ДУМЫ»

I

Поворот от обличения «тиранов» (сатира «К временщику») к созданию положительных образов выразился в обращении Рылеева к «Думам». В «Думах» с исключительной полнотою отразились идеалы Рылеева в первый, додекабристский период его творческого пути, была раскрыта позитивная программа поэта.

«Думы» Рылеева, написанные на темы русской истории, отразили тот интерес к героическому прошлому русского народа, который гигантски вырос в результате событий 1812—1815 гг. Народ, отстоявший свою свободу в напряженнейшей борьбе с иноземными захватчиками, народ, низвергнувший тиранию Наполеона и освободивший от ее ига Европу, — этот народ должен был, конечно, обратиться к познанию своей истории. Передовые деятели русской культуры начала XIX в. искали в истории своего народа ответа на вопрос о его настоящем и будущем. Они стремились показать героику прошлого и те громадные силы, которые русская нация проявляла в наиболее драматические периоды истории, когда дело касалось национальной независимости русского государства, свободы и чести русского народа.

К этому желанию передовых русских писателей изучить историю родины присоединялось стремление использовать эту историю в целях политической агитации и пропаганды. Радищев, горячо интересовавшийся прошлым России, стремился размышлениями на эту тему пробудить политическую активность лучших людей своего времени. Противопоставляя древнерусскую «вольность» тому гнету, который наложил на родной ему народ самодержавно-крепостнический режим, Радищев пробуждал в передовых людях ненависть к поработителям народа

и вместе с тем пламенное стремление к политической и социальной свободе. В одной из глав «Путешествия из Петербурга в Москву» изображен древний Новгород. «Известно по летописям, — писал Радищев, — что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалася в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь». Скорбя о разгроме вольного города войсками московского царя, Радищев пользовался этим историческим примером для того, чтобы показать величайшую неправоту самодержавной власти: «...какое он (царь.— *А. Ц.*) имел право свирепствовать против них; какое он имел право присвоять Новгород? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея Русии? Или что новгородцы были славенского племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было написано о праве народов; нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия» [1].

В этих строках главы «Новгород» содержалась основа того подхода к русской истории, который был затем воспринят дворянскими революционерами начала XIX в. — декабристами. Характерными особенностями этого подхода была ненависть к самодержавию, строю, основанному на деспотизме, глубокое сочувствие к порабощенному «тиранами» народу, пламенная вера в то, что он поднимется на борьбу со своими угнетателями и обретет желанную свободу. Изображение прошлого русского народа должно было всецело подчиняться интересам и целям освободительной борьбы.

Стремясь воспитать передовую русскую общественность на примерах героического прошлого русского народа, декабристы выдвинули ряд увлекательных литературных проектов. Ф. Н. Глинка в «Письмах к другу» указывал на необходимость «иметь историю Отечественной войны 1812 года», которая показала бы всему миру величие русского народа, навеки запечатлев память о его подвигах. «О, народ мужественный, народ знаменитый! — восклицал Глинка. — Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, сию жаркую любовь ко хладной родине своей: будь вечно русским, как был, и будешь в народах первым! Прейдут веки и не умалят славы твоей... да не утратится ни единая черта из великих подвигов твоих! Я трепещу в приятном восторге, воображая, сколь прекрасны дела твои и в какое восхищение приведены будут поздние потомки описанием оных!» [2]

Декабристы стремились воспеть патриотические деяния предков. А. Д. Улыбышев мечтал о том, чтобы в одном из русских дворцов был создан Русский Пантеон, то есть собрание статуй и бюстов людей, прославившихся своими талантами или заслугами перед отечеством»[3]. Ф. Н. Глинка мечтал о создании такого исторического повествования, в котором нашли бы отражение наиболее примечательные события прошлого России, «избранные места истории нашей». «Подвиг трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их: все в совершенном приличии месту, случаю и времени. Тогда, конечно взыграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков»[4] В. Г. Базанов справедливо указал на то, что это предложение Ф. Н. Глинки предвосхищало многие помыслы будущих декабристов и в частности замысел рылеевских «Дум».

Внимание к героическим страницам русской истории, в которых раскрывались лучшие, благороднейшие черты русского национального характера, отличало писателей-декабристов. Их особенно интересовала борьба передовых представителей русского народа за его политическую свободу:

Богоподобная жена —
Борецкая, Вадим — вы пали!
С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался...

Эти стихи В. Ф. Раевского являлись программными, характеризуя собою основы отношения декабристов к русской истории.

Писатели-декабристы, выше всего ставившие борьбу за национальную свободу и самобытность, с величайшим сочувствием отнеслись к тем памятникам отечественной словесности, которые были порождены борьбой за национальное освобождение. Декабристы считали необходимым воспитывать молодое поколение страны на героических примерах национальной борьбы. Близкий к декабристам Н. И. Гнедич ставил перед художественной литературой задачу отражения исконного стремления русского народа к свободе. В одной из его записей 1819 г. читаем: «Собственно история народа есть история мысли, возбуждающей все деяния, чаяния, надежды и стремления к одной хорошо или худо понимаемой, но к одной постоянной цели. Мысль сия... может быть видима во всех деяниях, предприятиях, волнениях и переворотах, подвигах народа, в самых его нравах, обычаях, быте и образе жизни, а особенно песнях и повестях»[5].

Обращение Рылеева к «Думам» было всецело подготовлено этой общей тенденцией передовой русской литературы Историзм Радищева и декабристов всецело отвечал творческим интересам Рылеева, еще в юношеской оде «Любовь к отчизне» утверждавшего, что

...римских, греческих героев,
В любви к отечеству прямой,
Средь мира русские, средь боев
Затмили давнею порой.

Восхищение Рылеева героическими страницами русской истории должно было укрепиться во время участия Рылеева в войне с войсками Наполеона. Его первая сатира «К временщику» была полна исторических аналогий и намеков. Рылееву было тесно в границах лирики; наряду с нею поэту необходимы были такие формы поэзии, в которых воскрешались эпизоды русской истории, внушавшие глубокое чувство национальной гордости.

Именно в 1821 г. Рылеев обращается к «Слову о полку Игореве», создавая его стихотворное переложение:

В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным половцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян.
Но презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем...[6]

Касаясь во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года» «Слова о полку Игореве», А. Бестужев отмечал «непреклонный, славолюбивый дух народа», который «дышит в каждой строке» этого гениального памятника древнерусской литературы[7]. Переложение «Слова» Рылеевым имело целью напомнить о его героическом содержании. Работа Рылеева над «Словом» не пошла далее короткого отрывка: поэт предпочел ей создание вполне оригинальных произведений о русской старине.

20 июня 1821 г. Рылеев послал Булгарину «думу» «Курбский», характеризуя ее, как «плод чтения девятого тома» «Истории государства Российского»[8]. Он писал: «Если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем, то прошу тебя отдать Александру Федоровичу (Воейкову. — *А. Ц.*) в „Сын отечества“». «Курбский» был одобрен и уже 16 июля 1821 г. опубликован в журнале Воейкова. Первый опыт в этом новом для него историческом жанре несомненно заинтересовал Рылеева; 8 августа он послал Булгарину еще

несколько своих «безделок» с тою же просьбой о передаче их Гнедичу и по его одобрении — редактору «Сына отечества» Таким образом, временем начала работы над «Думами» можно считать лето 1821 г.[9]

Едва ли нужно подробно опровергать традиционное мнение буржуазных литературоведов, что источником «Дум» Рылеева послужили «Исторические песни» Немцевича. Рылеев знал польский язык еще со времени недолгого пребывания в Литве в 1815 г. «Исторические песни» Немцевича вышли в свет в 1816 г., несколько раз переиздавались, получив лестную оценку передовых русских журналов. Немцевич был автором целого цикла историко-патриотических баллад, и его творческий опыт не мог быть безразличен Рылееву, работавшему над аналогичным жанром русской поэзии. Рылеев не скрывал интереса к политической поэзии Немцевича, боровшегося за независимость своей родины. В Немцевиче Рылеев ценил гражданского поэта революционной Польши, который «во все продолжение жизни своей, как Тиртей, высокими песнями» возбуждал «в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к общественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства»[10]. Этот интерес отнюдь не означал подражания Рылеева Немцевичу. Поэт-декабрист сумел отвергнуть те националистические, «шляхетские» тенденции, которые были присущи «Историческим песням» Немцевича, преодолеть их художественную сухость и однообразие.

В высшей степени примечательно, что в этом же предисловии Рылеев связал свой замысел с более ранним и притом вполне национальным источником: «Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас». Эти строки предисловия к «Думам» имели целью показать, что замысел «Дум» восходил к украинским и русским историческим песням.

Некоторые советские исследователи высказывали основательное предположение, что замысел цикла «Дум» был связан с беседами Рылеева с Гнедичем. Тем самым, — указывают эти исследователи, — получает объяснение то, что Рылеев посвятил Н. И. Гнедичу «думу» «Державин», программное произведение этого цикла, каждая из формулировок которого находит аналогию в речи Гнедича о «назначении поэзии».

II

Выбирая героев «Дум» из русской истории, Рылеев, естественно, опирался на ряд исторических источников как мемуарного, так и научного характера. Он не стремился к педанти-

чески точному следованию этим источникам, а брал из них только то, что могло помочь творческому воплощению его замысла.

Иногда он создавал образ героя, заведомо не считаясь с его реальным историческим обликом. В справке о «думе» «Волынский» П. М. Строев, между прочим, писал: «Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их». Рылееву просто нечего было делать с этим реальным Волынским, честолюбцем и интриганом. Приведя справку Строева, он в своей «думе» нисколько с нею не посчитался, создав образ «министра-гражданина», «пламенного друга добра», «верного сына отчизны».

Главным источником «Дум» была «История государства Российского» Карамзина, девять томов которой вышли в свет в 1818—1821 гг. Успех «Истории» Карамзина у современников был исключительно велик. Правда, Пушкин отнесся крайне скептически к идеологии этого труда, увидев в сочинении историографа пропаганду «необходимости самовластья и прелестей кнута». Однако и Пушкин положительно оценил появление «Истории» Карамзина. Декабристы, как и многие другие передовые литераторы того времени, особенно восхищались девятым томом «Истории» Карамзина, в котором с такой яркостью была изображена эпоха Иоанна Грозного. Этот том повествовал о царе, которого Карамзин изображал «тираном», своими зверствами компрометировавшим самый принцип самодержавия. Понятно, как эта книга должна была заинтересовать декабристов, нуждавшихся в исторических фактах, которые демонстрировали бы российский деспотизм, изобличали бы его венценосных носителей.

Еще до того, как девятый том «Истории» вышел в свет, П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Жаль, что я не описал тебе на другой [день] академического чтения действие, которое произвел историограф на слушателей ужасами Ивана Васильевича и геройскими добродетелями его современников» [11]. В. И. Штейнгель писал об этом еще определеннее: «...явился феномен небывалый в России — девятый том „Истории Государства Российского“, смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном, какому подобных мало представляет история!» [12]

Литераторы-декабристы высоко ценили повествовательное мастерство Карамзина. Бестужев, рассказывая о чтении от-

рывков из девятого тома в Академии, восхвалял «...слог Тацита» и «руку патриота»[13]. Того же мнения придерживался и Рылеев, который 20 июня 1821 г. писал Булгарину из Острогожска: «В своем уединении прочел я девятый том „Русской истории“... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита»[14].

Рылеев, как и другие декабристы, понимал, конечно, идейную ограниченность карамзинской «Истории». Чем дольше Рылеев работал над «Думами», тем сильнее он отходил от свойственной Карамзину монархической трактовки истории русского государства. Переосмысляя идейные тенденции историка, Рылеев создавал свои «Думы».

Однако фундаментальное сочинение Карамзина увлекло поэта заключенным в нем историческим материалом. «История» Карамзина была для него по преимуществу сокровищницей увлекательных исторических фабул, откуда он заимствовал не только общий ход повествования, но и отдельные его эпизоды. Примером подобного отношения к труду Карамзина является «Олег вещий». Используя для «Святослава» собранный Карамзиным исторический материал, Рылеев лишь слегка драматизировал речь Святослава. Во втором томе «Истории государства Российского» Рылеев прочел, что князь Мстислав, прозванный Удалым, «не испытал превратностей воинского счастия» и что «памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм богоматери в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над Косожским великаном победу...»[15]. Эту подробность биографии Мстислава Рылеев развил в большую картину единоборства Мстислава с «косожским великаном»:

Но вот — Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая Дева!..— восклицает: —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!

Краткая, налету отмеченная деталь вырастает здесь в живописный, полный динамики эпизод.

Такой же пример драматизации исторического материала содержит рылеевская «дума» о Михаиле Тверском, в которой «История государства Российского» определила не только развитие действия, но и самый язык. Как указал Ю. Г. Оксман

в комментариях к «думе», строки: «Князь изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его» были почти дословно воспроизведены Рылеевым. «Строки „Вся орда тронулась: вслед за нею повлекли и Михаила, ибо Узбек еще не решил судьбы его“ варьировались в самом начале „думы“: „За Узбеком вслед влекомый“ и пр., а сцена убийства князя („Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, Романец, вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Георгий и Кавгадый, узнав о смерти святого мученика, ибо таковым справедливо признает его наша церковь, сели на коней и подъехали к шатру“) оказалась почти полностью запечатленной в концовке „Михаила Тверского“» [16].

В «Михаиле Тверском» звучал характерный для декабриста мотив критики феодальной раздробленности Руси:

«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор,—
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!..

. . . .

Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей».

В интерпретации Рылеева Михаил Тверской становился почти двойником легендарного новгородского Вадима, который также печалился об отсутствии в его стране национального единства:

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан!
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!..

Близость речей этих столь различных исторических фигур как нельзя более убедительно демонстрирует специфику романтического метода Рылеева, считавшегося с историей лишь там, где она не противоречила тенденциям его политического замысла.

Поэта-декабриста, вне всяких сомнений, не удовлетворяли политические позиции автора «Истории государства Российского», столь недвумысленно декларированные Карамзиным в предисловии к его труду. В споре между монархом и непокорным ему подданным Рылеев решительно и безоговорочно становился на сторону подданного, если тот являлся жертвой тирании. Карамзин считал Курбского — и, конечно, вполне основательно — изменником: «...горе гражданину, который за

тирана мстит отечеству!.. Увлеченный страстию, сей муж злополучный лишил себя выгоды быть правым и главного утешения в бедствиях: внутреннего чувства добродетели».[17] Рылеев, стремившийся изобразить Курбского жертвой царской тирании, не обратил внимания на борьбу между Иваном IV, за сто с лишком лет до Петра I стремившимся реформировать Московскую Русь, и реакционным боярством, которое всеми средствами пыталось помешать Ивану осуществить необходимые для страны государственные начинания. Рылеев примирительно отнесся даже к Курбскому, измену которого изобразил как вынужденную самовластием Ивана Грозного:

«За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священно»...

Рылеев называл «Курбского» «плодом чтения девятого тома», однако «плод» этот был создан не только с опорой на карамзинский фабульный материал, но и с одновременным его идеологическим переосмыслением.

Для Карамзина не было сомнений в том, что Борис Годунов был цареубийцей, что «провидение» отомстило ему за преступление, обрекая на гибель Бориса и всю его семью. По существу своему рылеевская трактовка личности Бориса Годунова была резко отлична от карамзинской. «Карамзин держался в отношении Бориса позиций строгого моралиста, непрерывно обличающего этого деятеля в „злодействе". У Рылеева Борисово „злодейство" если и дает завязку „думе", то уж никак не исчерпывает ее смысла, и не оно дает развязку рылеевским размышлениям о Годунове. Рылеевский Борис... хочет искупить свое прошлое мудрым великодушным правлением, он задумал осуществить „благоденствие" народное и цикл преобразований, далеко идущих» [18].

Как указал Ю. Г. Оксман, в создании образа Бориса Годунова Рылееву помогла книга П. С. Железникова «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса». Железников характеризовал Бориса как одного «из тех людей, которые сами творят блестящую судьбу свою». Этот царь, избранный (для Рылеева это было очень важно) Земским собором, «клялся быть правосудным, человеколюбивым отцом народа и впоследствии старался исполнить обет свой». По трактовке Железникова, просвещенный и правдолюбивый Борис сделался жертвой трагически сложив-

шихся обстоятельств. Декабристы вполне разделяли этот взгляд на Бориса. «Мудрый и несчастный Годунов»,— писал о нем А. А. Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» [19].

Рылеев построил образ Бориса на противоречиях между «тиранией» и «добродетелью». «Достичь пылая трона», Годунов «заглушил священный в сердце глас, глас совести, и веры, и закона». Но он все же стал просвещенным реформатором, полезным своей родине:

«Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные и села;
Полезному открою все пути,
И возвеличу блеск престола».

Народ, по мысли Рылеева, не понял этих благих помыслов Бориса, да и самого Годунова, отягощенного преступлением, неотступно преследует «злобный рок». Однако положительное начало в его душе все же одержало верх над злым:

И с той поры державный Годунов,
Перенося гоненье рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.

Расхождение поэта и историка было не только естественным, но и глубоко закономерным. «Должно знать, — заявлял Карамзин в предисловии к „Истории государства Российского“,— как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие» [20].

Как бы карамзинская «История» ни привлекала Рылеева своими художественными достоинствами, для него была неприемлема идеологическая установка консервативного историка. Поэт-декабрист глубоко сочувствовал «мятежным страстям», волновавшим «гражданское общество», и отдавал им первенство перед «благотворной властью» государственного «ума».

Еще решительнее противостоял Рылеев карамзинскому подходу к истории в «думе» «Рогнеда». Здесь он разошелся также с историком П. М. Строевым, который объяснял дей-

ствия Рогнеды одной лишь личной местью. «Около 970 года — читаем мы в заметке Строева, сопровождавшей „думу“ — варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его, и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко: мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар; но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную; велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: „Родитель! — говорит он,— ты не один; сын твой будет свидетелем твоей ярости“. Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях» [21].

Рылеев использовал в «думе» всю фабульную сторону рассказа Карамзина и Строева и до неузнаваемости изменил мотивы поступка Рогнеды. Он сделал ее не только мстителем за попранное достоинство женщины, но и борцом за угнетенную тираном родину. Героиня «думы» ярко нарисовала картину зверств завоевателя Полоцка:

«Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Ты, ты, тиран его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил,
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду,
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду».

Поэт наделил героиню пламенной любовью к родной стране и столь же пламенной ненавистью к угнетателям. Она стремится воспитать в этом духе своего маленького сына Изяслава:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой

Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...»

Полная вольнолюбия и ненависти к тирании Рогнеда противостояла традиционным героиням Хераскова, Ключарева и др. «...Ориентируясь на материал, художественные переработки которого имели уже полувековую традицию, Рылеев резко разошелся со всеми своими предшественниками в особенностях трактовки и самого образа Рогнеды, и ее неудавшегося покушения на убийство великого князя. Вопреки традиции Рылеев показал в своей «думе» не столько лично оскорбленную женщину, сколько политически униженного, но интеллектуально не сломленного врага... Заключительный монолог Рогнеды строится Рылеевым как исповедь политической террористки, а не как повинная ревнивой жены!..

Впервые днесь ропщу!.. увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы,
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..» [22]

Не удивительно, что «Рогнеда» оказалась неприемлемой для консервативной критики. А. С. Шишков писал: «Повесть сия написана прекрасными стихами, но по местам платит дань нынешнему новописанию. Как жаль, что блистание природных дарований часто помрачается сим худым навыком, худою переимчивостью». Характерен также отзыв рецензента «Библиографических листов»: «Читатель, огорчающийся не совсем приличным женской нежности чувством Рогнеды, выраженным... в словах „С какою б жадностию я на брызжущую кровь глядела“, конечно помирится с автором, читая стихотворение более всего в сем собрании нам полюбившееся — о Наталии Долгоруковой» [23]. С таким трудом воспринимался образ Рогнеды теми читателями 20-х годов, которые придерживались традиционной трактовки этого образа. Но смущая консервативно настроенных читателей и критиков, Рылеев несомненно увлекал этим образом читателей, разделявших с автором враждебное отношение к деспотизму.

Образы Бориса Годунова, Рогнеды и другие явно модернизуют, осовременивают историю. Поэт ищет в прошлом черты, воспитывающие гражданские чувства в его современни-

ках. Рылеева мало заботят анахронизмы. Он охотно отступает в пропагандистских целях от истории, наделяя героев мыслями передовой русской общественности своего времени.

III

Основная тема рылеевских «Дум» — это тема родины, основная цель поэта — силой исторического примера воспитать в читателях чувство любви к родине. Эта тема раскрывалась Рылеевым в двух планах — защиты родины от посягающих на нее иноземных захватчиков и защиты ее от внутренних врагов — тиранов.

Автор «Дум» считал предательство родины самым тяжким преступлением. Его совершил Глинский, который «дерзнул... внестися с чужими полками В отчизну свирепой войной». Изменив родине, Глинский начал совершать все новые и новые акты предательства: «Увы, к преступленью влеком преступленьем, Разил я своих сограждан». В темнице, в оковах, перед самой кончиной он начинает понимать беспримерную тяжесть своего преступленья:

«Да видят во мне моей родины братья,
Что рано, иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья,
И совесть от сна пробудят!».

Подобно Глинскому, чувство раскаянья испытывает и Курбский: его мучит совесть, от ее укоров его не спасут «ласки чужого владыки». Курбский остро чувствует опустошенность души, проистекающую оттого, что он порвал все связи с родиной:

«Сколь жалок рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

Постоянно пользуясь в «Думах» приемом контраста, Рылеев противопоставлял изменникам родины людей, самоотверженно ей служащих. Вещий Олег далеко за пределами Руси утвердил славу русского оружия и величие русского духа: он победил врагов еще до прихода в Царьград; русским воинам противостояли презренные трусы, недостойные своих великих предков:

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

Честь и достоинство русского народа защищал Святослав, изображенный в «думе» Рылеева верным сыном отчизны. О чести и достоинстве родины, о ее национальной свободе постоянно думают те храбрецы, которых так любил изображать Рылеев: Мстислав Удалой, победа которого над Редедей в их единоборстве принесла свободу стране, удалой Ермак. В числе этих образов — вожди народа, порабощенного иноземными захватчиками: Димитрий Донской, победивший в Куликовской битве и освободивший родину от ненавистного татарского ига, Богдан Хмельницкий, который поднял украинский народ на борьбу со шляхетской Польшей, закабалившей его прекрасную отчизну.

В «думах» «Волынский» и «Рогнеда» Рылеев славил тираноборцев. Волынский в изображении декабристского поэта горит неугасимой ненавистью к тирании. Он всей душой презирает духовных рабов, тщеславных и трусливых; Волынский нарисован подлинным гражданином своей страны; он не отступает перед врагами: он

«...тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.
Против тиранов лютых твёрд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден»

Волынский, который, разумеется, не имеет почти ничего общего со своим реальным прототипом — беспринципным и мстительным вельможей XVIII в., — самый богатый и многосторонний в духовном отношении образ рылеевских «Дум». Это человек, которому чужды мелкие житейские помыслы, низкие страсти. Он признает над собою единственный суд, суд нелицеприятного потомства, в сердцах которого будет жить. Он рассматривает свой протест против деспота, как начало долгой борьбы, которая, однако, неизбежно закончится низвержением деспотизма:

«Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках,—
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках».

Главные образы рылеевских «Дум» являются героями вдвойне — и потому, что они полны духовной силы и героизма, и потому, что они всегда занимают место на авансцене повествования. Народная масса в «Думах» по большей части еще безлична: она действовала в «Димитрии Донском» и «Мстиславе Удалом», в «Смерти Ермака», «Димитрии Самозванце», «Богдане Хмельницком», но почти всегда идет без колебаний за героем, им направляется на борьбу. Хмельницкий выходил из темницы и сразу поднимал народную массу:

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков.

Автор «Дум» еще не понял, как велико значение народа в истории, еще не научился изображать его. Важные шаги в этом направлении будут им сделаны позднее, в агитационно-сатирических песнях и в прологе к исторической трагедии о Хмельницком. Однако, если народ еще не присутствовал в «Думах» как определяющий фактор исторического процесса, то он уже являлся решающим фактором для нравственной оценки происходящего. Почти во всех «думах» Рылеев оттеняет роль народного приговора, его глубину и справедливость. Народ единогласно дает Олегу прозванье «вещего», называет Святополка «окаянным», а Хмельницкого — «богом данным», народ чтит Михаила Тверского и проклинает Глинского.

Среди героев рылеевских «Дум» особое место принадлежало женщинам. Таких героинь у Рылеева несколько, и все они полны нравственного обаяния. Ольга — мудрая и просвещенная правительница государства, Глинская — самоотверженная дочь, ради слепого отца оставившая все, что составляет радость жизни:

Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.
Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой...

Такую же самоотверженность проявила и Наталия Долгорукова. Предвосхищая в жизни Волконскую и Трубецкую, а в литературе героинь некрасовской поэмы «Русские женщины», она ради ссыльного мужа забыла

...родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Жена Чаплицкого разрывает свою «связь с тираном» и, принеся Хмельницкому меч, освобождает полюбившегося ей мужественного человека. Образ Елены Чаплицкой не имеет ничего общего с его историческим прототипом: в действительности она была шпионкой и пыталась отравить Хмельницкого.

В круг положительных образов «Дум» по праву входят и образы поэтов. Их два — полумифический поэт Боян и величайший русский поэт XVIII в. Державин. Живо интересуясь личностью автора «Слова о полку Игореве», декабристские писатели указывали на отсутствие достоверных исторических сведений о ней. Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» А. Бестужев писал: «Возвышенные песнопения старины Русской исчезли, как звук разбитой лиры; одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков...» [24].

Изображая Бояна и Державина, Рылеев как бы демонстрировал то возросшее значение, которое приобрела поэзия в истории развития общества и народного самосознания. Голос Бояна полон скорби, певец еще не верит в силу того, что́ он создал:

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Не такова судьба Державина, которому — по Рылееву — выпало счастье утверждать передовые идеалы своего времени. Этот поэт — «орга́н истины священной», смело обличающий сильных мира сего:

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.

В этих строках запечатлен рылеевский идеал поэта, обличителя пороков и вместе с тем воспитателя «молодых сердец» в духе гражданской «добродетели». Именно так воспринимали Державина и другие декабристы. А. Бестужев писал о Державине: «...лирик-философ, он нашел искусство с улыбкою говорить царям истину, открыл тайну возвышать душу...». О. Сомов писал, что Державин «влил в поэзию мысли высокие и отвлеченные», называл его поэзию «неподражательной и неподражаемой». Кюхельбекер за «высокий» гражданский строй поэзии считал Державина «первым русским лириком, гением, которого одного мы смело можем противопоставить лирическим поэтам всех времен и народов» [25].

Обратимся к Законоположению Союза Благоденствия и мы увидим, что Рылеев придал поэтическую форму важнейшим пунктам декабристского устава. «Думами» Рылеев доказывал, что «добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной» (Законоположение, кн. I, § 1). Он критиковал иноземцев, оставивших свою родину и уже тем самым заслуживающих недоверие русских (см. там же, кн. II, § 2). Он изображал людей, погрязших в «мнимых удовольствиях» и предавшихся низким страстям (кн. IV, § 30), указывал родителям на важность воспитания детей, считая, что «главный предмет в воспитании должна быть нравственность» (кн. IV, § 31, 44). Каждый член отрасли Союза Благоденствия, занимавшийся вопросами образования, приглашался Законоположением «во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости» (кн. IV, § 28). Не этими ли указаниями были проникнуты все «думы»? Рылеев показывал в них неразрывность личного блага с общим и «ничтожность так называемых личных выгод», он убеждал «в обманчивости и худых следствиях удовлетворения страстей», клеймил «всю подлость лицемерия» (кн. IV, § 31) и т. д.

Союз Благоденствия рекомендовал своим сочленам издавать книги, в которых содержались бы «рассуждения о нравственных предметах, о добродетелях великих мужей» (кн. IV, § 37). В «Думах» Рылеева эти революционно-патриотические рассуждения облечены в поэтическую форму.

По верной характеристике В. Г. Базанова, Рылеев был «безразличен к исторической верности в изображении исторических лиц и событий. Он смело вкладывал свои лозунги и свои собственные мысли в уста героев. Однако Рылеев не то чтобы нарочно искажал историю — это самый простой и наивный способ толкования рылеевских „Дум". Он искал в истории, в прошлом, выразителей подлинно национальных и гражданских чувств, но при этом произвольно расширял понятия исторических героев и все это делал для того, чтобы найти доступ к чувству многих, всей нации... Хотя все герои „Дум" и названы... но они значительно шире личных биографий и часто не совпадают с последними: рылеевский человек — частица национальной истории» [26].

IV

В литературе о «Думах» Рылеева с давнего времени установился трафарет снисходительно-порицательных оценок. Исследователи «Дум» чаще всего основывались на суждениях о них Пушкина. Последний язвительно критиковал погрешности Рылеева. «Милый мой,— писал Пушкин брату в сентябре 1822 г., — у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень

в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило...» [27]. Рылеев исправил соответствующий стих своей «думы»: «Куда *украдкой* проникал», не придавая особого значения своей погрешности. Однако в глазах Пушкина она имела немалое значение. «Душа моя, — читаем мы в его письме к брату в начале января 1823 г.,— как перевести по русски *bévues*?— должно бы издавать у нас журнал *Révue des bévues*. Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских — (во время Олега герба русского не было, а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Западную и Восточную — у нас же он ничего не значит)» [28].

Но Рылееву было жаль расстаться со словами о России:

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам,
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Прошло более двух лет, и в мае 1825 г., получив от Рылеева отдельное издание его «Дум», Пушкин повторяет свой упрек: «Ты напрасно не поправил в Олеге *герба России*. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы» [29].

Анахронизмы рылеевских «Дум» претили Пушкину, уже вышедшему к этому времени на широкий путь художественного реализма и высоко ценившему соблюдение исторической правды даже в мелочах. В пушкинской «Песне о вещем Олеге» кудесник говорит князю абсолютно точно: «Твой щит на вратах Цареграда».

Пушкин критиковал в «Думах» Рылеева не только их анахронизмы, но и всю художественную фактуру этого жанра. В уже цитировавшемся выше майском письме 1825 г. Пушкин писал Рылееву: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы *Петра в Острогожске* чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен...» [30].

Эта оценка «Дум» на долгое время предопределила отношение к ним исследователей. Нужно сказать, однако, что

Пушкин судил об этом жанре с позиций реализма, сурово критикуя в «Думах» все то, что этим позициям не соответствовало. Но то, что было уже устаревшим для основоположника русского реализма, для талантливого поэта-романтика имело еще прелесть новизны. Рылеев отвечал уклончиво на критику Пушкина: «Знаю, что ты не жалуешь мои Думы. Не смотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобное — хороши и могут быть полезны не для одних детей» [31].

В этом обмене мнениями столкнулись два подхода. Как мы видели, Рылеев-романтик задумал этот цикл как произведения с подчеркнутой агитационно-дидактической установкой. Раз этот жанр «полезен» в том смысле, в каком это предусматривалось Законоположением Союза Благоденствия, значит он и нужен. И нам, отдаленным от выхода «Дум» в свет более чем 125-летием, совершенно ясно, что поставленных себе целей поэт во многом добился.

Пушкин-реалист отрицал дидактический элемент в поэзии. «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? — писал он в 1825 г. Жуковскому,— вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг... Думы Рылеева и целят, а всё невпопад» [32].

Однообразие конструкции «Дум» бросалась в глаза не одному Пушкину («описание места действия, речь героя и — нравоучение») [33]. Однако он тут же исключал из этой оценки две «думы» — «Петр Великий в Острогожске» и «Иван Сусанин».

Тот «покрой», который обнаружил в «Думах» Пушкин, не характерен по крайней мере еще для пяти «дум» Рылеева: мы не найдем его в «Олеге Вещем», его совершенно нет в «Рогнеде», он безусловно отсутствует и в «Мстиславе Удалом». Трафарет этот почти не ощущается и в «Димитрии Донском», он в немалой мере преодолен в «Смерти Ермака». Таким образом, из 21 «думы» Рылеева по крайней мере семь обнаруживают свой индивидуальный «покрой». Этого достаточно для того, чтобы искать в «Думах» творческое новаторство поэта, обнаруживать в них его собственный индивидуальный «почерк».

Автор «Дум» еще не знал, как ему раскрыть духовное богатство своих героев; однако было бы ошибкой не увидеть в «Думах» стремления к психологическому анализу. В «Рогнеде» раскрыто волнение героини, ее колебания перед тем, как она начнет свой страшный рассказ. Мы обнаруживаем правдивые интонации в речах Ермака «на диком бреге Иртыша», в словах, с какими Наталия Долгорукова, рыдая, бросает в глубину

реки свое обручальное кольцо. Этих подробностей не очень много, ибо, надо это признать, характеры — самое уязвимое место в рылеевских произведениях. Однако поэт-декабрист стремится раскрыть в «Думах» внутреннюю правду образа.

Точно так же при трафаретных в ряде случаев сюжетах «дум» мы находим в некоторых из них живые, индивидуальные краски. Такова картина переправы русских в «Димитрии Донском»:

«К врагам! За Дон! — вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!»
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.

Было бы несправедливым отказать этой картине в яркости, динамичности и глубокой связи с действием. Мы видим, как быстро переплывает русское войско через Дон, как широко расходится оно по равнине и как затем неторопливо, но грозно движется навстречу врагу:

Идут, как мрачные дубравы,—
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы,—
И закипел кровавый бой!..

Развитие сюжета в «Думах» Рылеева нередко отличается быстротою и стремительностью. В двух стихах:

Как тучи с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел

создана в сущности вся экспозиция, необходимая для дальнейшего повествования. И какая живость достигнута поэтом в описании поединка Мстислава с Редедей! Перипетии их поединка отражаются на лицах следящих за ними воинов рус-

ского и косожского станов: «Смотря по переменам боя, В них блещет радость или страх». Поэт стремится передать напряженность этого поединка:

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,
И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...

В этой короткой «думе» повествование о событиях доминирует над описаниями, монологами и диалогами. Уже в «Мстиславе Удалом» мы обнаруживаем ту «истинную повествовательность», которую Пушкин так сочувственно отмечал в «Войнаровском».

Стих «дум» не отличается разнообразием формы. Три четверти рылеевских «дум» (16 из 21) написаны ямбом, одна седьмая (три) хореем и лишь две («Глинский» и «Иван Сусанин») амфибрахием. Рылеев чаще всего пользуется четырехстопным ямбом (впрочем, в «Олеге Вещем» и «Олеге при могиле Игоря» комбинируются четырех- и трехстопный ямб, а в «Бояне» и «Борисе Годунове» — пяти- и четырехстопный ямб). Излюбленное число стихов в строфе в «думах» — восемь (в 17 случаях из 21); один раз — опять-таки в «Иване Сусанине» — поэт прибегает к шестистишию и три раза — к строфе, состоящей из четырех стихов.

Однако этот в общем довольно монотонный стих поэт умеет расцветить ритмично-мелодическим узором. Он варьирует число стоп и создает «чрезвычайно оригинальное» — по отзыву Пушкина — окончание «Петра Великого в Острогожске». Отвечая на вопрос,

Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Кляться в искренности смел?,—

Рылеев рисует широкий пейзаж окрестностей Острогожска. Это описание выдержано в одной ритмико-синтаксической форме: «Там, где волны Острогощи... Где дубов сенистых рощи...» и т. д. Рылеев восемь раз повторяет слово «где», создавая с помощью анафоры картину «страны благословеннной».

Еще Н. П. Огарев отметил, что стих «дум» Рылеева «постепенно совершенствуется. В „Олеге Вещем“ чувствуется неуклюжий стих державинской эпохи; в „Волынском“ он уже звучен и силен» [34].

Языковые средства «Дум» характеризуют тесную связь Рылеева с классицизмом. Это в особенности относится к ранней «думе» «Глинский», где мы находим архаизмы: «выя», «длань», «бразда», усеченные окончания («задумчив стоял», «встревожен невзгодой»), тяжелые инверсии и т. д. Постепенно, однако, архаистическая струя в языке «Дум» уменьшается. В целом роль славянизмов в «Думах» нужно признать значительной, и объясняется это общей установкой жанра на пропаганду «высоких истин» высоким же строем речи. Язык действующих лиц индивидуализирован мало: такие различные по своему положению люди, как русская княгиня X в. или украинский гетман конца XVII в., говорят, в сущности, одним и тем же условным языком, лишенным разговорных оборотов и народных выражений.

«Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает.
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет»,

рассказывала Ольга Игорю. Хмельницкий предсказывает, как грядущий борец за народ отомстит тиранам их «холодное презренье к священнейшим правам людей». Лексика, образы, синтаксис, интонации в «Думах», как правило, совершенно одинаковы — в них нет ни малейшего отпечатка русской старины, это торжественная риторическая речь самого Рылеева.

Однако было бы ошибкой не увидеть в «Думах» ростков нового, по существу своему реалистического стиля. Оставаясь в целом на позициях предромантизма, Рылеев уже в эту пору обнаруживал внимание к конкретным деталям. К числу реалистических компонентов относится, например, пейзаж в «думе» «Петр Великий в Острогожске», описание пира Владимира в «думе» «Рогнеда»:

Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Среди рылеевских «дум» есть одна, в которой нельзя не увидеть особенно резко выраженных тенденций к реализму. Это «Иван Сусанин», одно из самых замечательных созданий поэта. Все здесь конкретно и во многом исторично. Действие начинается живым и колоритным диалогом между уставшими и иззябшими польскими шляхтичами и русским крестьянином Сусаниным:

«Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!» —
Вошед, проворчал так сармат молодой. —
«Вина нам, хозяин! Мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!».

Вполне реалистично и дальнейшее описание простого убранства деревенской избы, и разговор Сусанина с сыном, и сжатое описание рассвета. Утренний пейзаж, нарисованный Рылеевым, по своей простоте и конкретности относится к числу самых замечательных в русской поэзии 20-х годов.

Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг зá другом йдут в молчаньи сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес:
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели ветвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.

Нет в этой «думе» ни ослепительных молний, летающих во мраке, ни беспрерывно гремящего грома, ни прочих атрибутов предромантической пейзажной бутафории. Русский лес предстает перед нами во всей своей конкретности. Это лес среднерусской полосы, в котором дуб и береза растут рядом с сосной и елью. В лесу поют птицы и причудливо играет солнце. Картина леса в «думе» спокойна и чужда аффектации. Рылееву, несомненно, помогает в его повествовании избранный им неторопливый и плавный, нигде более у него не встречающийся размер четырехстопного амфибрахия.

В «думе» об Иване Сусанине реалистичны все ее элементы — и картина деревни, к которой приближаются иззябщие шляхтичи («Вот гумна, заборы, а вот и мосток»), и описание внутреннего убранства курной крестьянской избы, и язык поляков и сына Сусанина, и неторопливое, внутренне мотиви-

рованное развитие сюжета. Однако наибольшего успеха Рылеев добился здесь в создании центрального образа, т. е. в той области, которая для него всегда была труднейшей. Образ Сусанина и сейчас потрясает простотой своего героизма. Задушевны и лишены внешних эффектов его слова перед гибелью:

«...Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!».

В этой речи ярко передана психология простого русского крестьянина XVII в. с его верой в «доброго царя», с его ненавистью к захватчикам, с его спокойной, глубокой и твердой любовью к своей отчизне.

Знаменательно, что Пушкин, доказывавший, что в «Думах» «национального, русского нет... ничего, кроме имен», оговаривал: «исключаю Ивана Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант» [35]. Эта «дума» крепко полюбилась М. И. Глинке и вдохновила его на создание гениальнейшей русской оперы «Иван Сусанин».

Другой рылеевской «думой» с подлинно народным героем является «Смерть Ермака». Карамзин дал для этой «думы» фабульную основу, рассказав в девятом томе «Истории государства Российского», как «Ермак, пробужденный звуком мечей и стоном издыхающих, воспрянул... увидел гибель, махом сабли еще отразил убийц, кинулся в бурный, глубокий Иртыш и, не доплыв до своих, утонул, отягченный железною бронею, данною ему Иоанном» [36]. Но лишь творческой инициативе Рылеева принадлежит созданный им образ удалого разбойника, ставшего затем верным сыном своей родины:

«Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни,
И за победы заслужив
Благословения отчизны —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!».

Рылеев отметил государственный ум отважного покорителя Сибири, он изобразил его богатырем, героически гибнущим «за

Русь святую». Картина гибели Ермака драматична. Краткая, но выразительная зарисовка бурной ночи

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали...

повторена и в середине, и в финале «думы», образуя обрамление к рассказу. Десять строф «думы» заключают раздумья Ермака о ратных друзьях, кровавый замысел коварного Кучума, отважный путь Ермака к челнокам и, наконец, историю его трагической смерти.

Еще до напечатания «Смерти Ермака», эта «дума», как достойная «особенного уважения», явилась основанием для перевода Рылеева из членов-сотрудников в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности. А. Ф. Воейков, редактор журнала «Русский инвалид», где эта «дума» была впервые напечатана, назвал ее «сочинением молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными»[37]. А. Ф. Воейков, конечно, не мог подозревать тогда, как велика окажется популярность «Смерти Ермака», сделавшейся впоследствии одной из самых любимых песен русского народа.

«Смерть Ермака» поется и сегодня. На протяжении своего более чем векового существования «дума» «Смерть Ермака» пленяет читателей широтой натуры героя, его богатырской силой и удалью, пламенным патриотизмом и вместе с тем отсутствием в нем какой-либо позы и рисовки. Именно эти черты Ермака придали «думе» о нем те же черты подлинной народности, какими характеризовалась «дума» об Иване Сусанине.

На примере «думы» о Ермаке особенно четко вырисовывается новаторство Рылеева в области этого жанра. Еще в 1794 г. И. И. Дмитриев написал свою историческую балладу «Ермак», в которой в характерной для того времени предромантической манере рассказал о гибели удалого русского казака. В балладе Дмитриева центральную роль играл диалог «двух изнуренных мужей». Он не находит, однако, никакого продолжения в «думе» Рылеева, который, как всегда, сосредоточивает свое повествование вокруг одной личности. Его герой не разговаривает, он произносит горячий патриотический монолог. Вместе с тем «дума» о Ермаке сюжетна: Рылеев во всех подробностях изображает коварное нападение полчищ Кучума на русский лагерь и беспримерный героизм Ермака.

Известно, что Рылеев не ограничился 21 «думой», составившими сборник 1825 г., а работал над рядом новых произведений этого жанра. Еще П. А. Ефремов опубликовал следующий список, набросанный рукою поэта: «Владимир. Рюрик. Вадим. Владимир Мономах. Василько. Гаральд и Елизавета. Пожарский и Минин. Марина. Марфа Посадница. Гермоген. Мазепа. София. Петр Великий. Лукьян Стрешнев. Миних. Румянцев. Суворов. Меншиков. Потемкин. Яков Долгорукий»[38].

В этом списке 20 «дум», т. е. почти столько же, сколько их было в сборнике 1825 г. Рассматривая этот список по существу содержащихся в нем тем, следует отметить большое внимание, которое Рылеев уделял удельному периоду (шесть тем), так называемому Смутному времени (три темы), а также времени царствования Петра (четыре темы). Обращает на себя внимание также ряд «парных» тем («Гаральд и Елизавета», «Пожарский и Минин»), которых почти не было ранее.

Рылеев начал работать над этим вторым циклом «дум»: он закончил «Владимира Святого», «Якова Долгорукого», «Видение императрицы Анны». До нас дошли наброски «думы» о Меншикове, а также не предусмотренной списком «думы» «Царевич Алексей в Рожествене». Созданием всего лишь одного четверостишия ограничилась работа Рылеева над «думой» о Минихе.

Среди этих только еще начатых или лишь частично набросанных «дум» Рылеева важное место занимают две «думы» на тему о «вольном Новгороде». Над этой темой Рылеев работал с особенным упорством: его, как и других декабристов, привлекала жизнь древнерусских городов-республик, позднее разгромленных московскими самодержцами. Не понимая того, что подчинение Новгорода и Пскова Московскому княжеству было глубоко прогрессивным событием, способствовавшим политическому объединению Руси и открывавшим ей дорогу к Балтийскому морю, декабристы всемерно идеализировали социальный строй «вольных» русских городов. М. А. Фонвизин писал, что «в этих народных державах под сению политической и гражданской свободы основались демократические учреждения, под которыми они были независимы и благоденствовали... источник всякой власти находился тогда в народе...». О вече, как «собрании народа», как о народном «правлении» писал в своем «Любопытном разговоре» Н. Муравьев[39]. Эти мотивы перешли и в художественную литературу, с особой силой отразившись в стихотворениях В. Ф. Раевского «К друзьям» и «Певец в темнице».

Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.

Романтически идеализируя государственное устройство этих «вольных» городов, Раевский восторгался царившим в них народоправством; по его утверждениям, народ там «собирался на площади»

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять...

Аналогичные мотивы встретятся нам и в повестях А. Бестужева-Марлинского, особенно полно раскрывшись в последекабрьской поэзии А. И. Одоевского (см. его стихотворения «Тризна», «Зосима», «Старица-пророчица», вдохновенно изображавшие трагическую гибель древнерусской «вольности»).

Рылеев, как и другие декабристы, усматривал в древнем вече зачатки гражданской свободы. Он писал в январе 1825 г. Пушкину: «...Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы» [40].

По свидетельству Батенькова, после обеда у директора Российско-Американской компании Рылеев «завел мечты о России до Петра и сказал, наконец, что стоит повесить вечевой колокол, ибо народ в массе его не изменился, готов принять древние свои обычаи и сбросить чужеземное» [41].

Судя по новонайденным автографам «думы» о Марфе Посаднице, Рылеев сначала построил эту «думу» как исповедь Посадницы, оплакивающей поражение Новгорода. Вот начало чернового текста «Марфы Посадницы»:

За мной, друзья, умрем в кровавой сече
Иль отстоим священные права,
[Решать дела привыкли мы на Вече]
Нам не пример покорная Москва.
Нам от беды не откупиться златом,
Мы не рабы: мы мир приобретем,
Как люди вольные, своим булатом,
И купим дружество копьем [42].

Историческая концепция поэта-декабриста выражена здесь вполне отчетливо: пламенная защитница новгородской «вольности», Марфа решительно отвергала «самовластие» московских тиранов. Это звучало, как прямой намек на самовластие Александра I.

Новгороду посвящена и «дума» «Вадим», дошедшая до нас в трех редакциях.

Сюжет о Вадиме имел свою историю в русской литературе. Известно «историческое представление» на эту тему Екатерины II, содержащее апологию «просвещенного» князя «Рурика», а также противоположная ей по тенденциям трагедия «Вадим Новогородский» Княжнина, в которой республиканец Вадим произносил речи, изобличающие самодержавие. Рылеев знал «Вадима»; в одной из своих историко-литературных заметок он писал: «Сия пиэса при жизни автора неизвестна была публике и, вероятно, никогда не хотел он даже издавать ее. Но по смерти его некоторые из его друзей напечатали ее в 1793 году, т. е. в то самое время, когда революционные злодейства Франции начали ужасать Европу. „Вадим" тогда показался набатом. Пиэса сия и действительно нескромнее была Вольтерова Брута, хотя в роли Рюрика и довольно помещено на все правых ответов»[43]. Эта характеристика «Вадима» была сделана Рылеевым несколькими годами ранее набросков его «думы». Образ легендарного новгородского бунтаря увлекал писателей 10—20-х годов. А. Ф. Воейков писал в поэме «Искусства и науки»:

Моя любимая трагедия «Вадим»,
С какою силою начертан Княжниным
Новогородский Брут и Цесарь величавый![44]

Образ Вадима живо интересовал В. Ф. Раевского и Пушкина, начавшего писать о нем поэму и трагедию. Поэму о Вадиме намерен был сначала написать и Рылеев, судя по краткому плану в его бумагах («Рюрик — Ульдигерда, дочь — Вадим»), основной конфликт этой поэмы должен был состоять в любви Вадима к дочери новгородского «тирана». В «думе» Рылеева любовная тема, повидимому, была отброшена.

«Вадим» отличался от «Марфы Посадницы» исторической ситуацией: там вольный Новгород изображался поверженным, здесь передовой боец еще стоял перед перспективой восстания. В дошедших до нас шести строфах «Вадима» изображена обстановка, в которой происходило действие. Природа созвучна герою: удары грома и огнистые змеи молний, рев волн бушующего Волхова. И на этом бурном фоне — фигура «юного витязя» (так «дума» о Вадиме была озаглавлена в одном из

черновых автографов), несгибаемого борца за права народа, попранные князьями-иноземцами.

Мы находим здесь постоянный мотив рылеевской поэзии: протест против иноземцев, заполонивших Русь. Рюрик, царивший в Новгороде, сродни Бирону, посылающему на казнь Волынского:

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной;
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой...

«Роковой час» — это час восстания; его поднимет Вадим, ставший во главе небольшой группы заговорщиков. Вадима доселе не поддерживал народ, остававшийся покорным Рюрику. Как народ будет вести себя далее, Вадим не знает, но он начнет борьбу даже и в том случае, если народ останется пассивным:

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим...

писал Рылеев в первой редакции этой «думы», выражая одно из основных противоречий декабристского движения. Образ романтика-одиночки, самоотверженно борющегося за народ и при этом не верящего в революционную инициативу народной массы, отражал, конечно, коллизию не IX, а XIX в., настроения дворянских революционеров незадолго до декабрьского восстания.

Большинство тем, записанных в «Ефремовском списке», осталось неразработанным. Рылеева не увлекли ни сюжеты об отношениях Гаральда и Елизаветы, ни образы Марины Мнишек или Мазепы (образ, уже разработанный в «думе» о Петре), ни Лукьяна Стрешнева и Потемкина. Уже в 1823 г. внимание Рылеева привлек новый жанр — жанр романтической поэмы, давший ему несравненно больше возможностей для политической агитации и пропаганды.

VI

Среди новонайденных автографов Рылеева имеется проект его предисловия к «Думам», с исключительной яркостью характеризующий политическую сущность замысла поэта. В нем Рылеев писал:

«С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния

государственного. Здесь не место опровергать сие странное мнение; к тому же оно, к счастью, не может в наш век иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей.

За полезное, однакож, сказать почитаю, что один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом жители Митиленские, покорив возмутившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретить детей их чему-либо учить. Благосостояние и тишина общественные реже нарушаются в государствах образованных, нежели непросвещенных, ибо народы первых лучше понимают истинные пользы свои, нежели последних, ибо просвещение — надежнейшая узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которые стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывает их *излишнему* просвещению. Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетворный яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли, лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения.

Обязанность каждого писателя быть для соотечественников полезным, и я, по возможности, желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или по крайней мере достопримечательнейшие деяния предков наших.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений: „Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское Общество наук в Варшаве, — продолжает тот же писатель, — постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной

достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рассказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно многочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородной цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских“.

Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим, посредством Дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобрят мое намерение — пролить в народ наш хотя каплю света» [45].

Когда была написана Рылеевым эта первая редакция предисловия к «Думам»? Естественнее всего, разумеется, связывать ее с подготовкой отдельного издания «Дум», над которым Рылеев начал работать во второй половине 1824 г.

В это время Рылеев уже не только стал членом Северного тайного общества, но и полностью перешел на республиканские позиции. Только теперь с такою силою он мог заострить свои выпады против деспотизма царской власти. Ее поэт обвинял в гонениях на просвещение, ибо невежество народа—«лучшая подпора» деспотизма. Саркастически звучала ссылка Рылеева на «жителей Митиленских». Обратим внимание также и на тон второго абзаца автографа и особенно его конца: «Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетворный яд... пребудем тверды». В таком резко обличительном тоне Рылеев не писал «Видение» и «Гражданское мужество». Тон этот появился у него с весны 1824 г., вспомним, например, траурную оду «На смерть Байрона».

Кстати сказать, между этой одой и приведенным выше предисловием имеется несомненное сходство в оценках тиранов. В предисловии читаем: «Деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей». В оде «На смерть Байрона» Рылеев спрашивал:

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока?

Вся первая редакция предисловия к «Думам» проникнута идеями революционного просветительства. Рылеев утверждал, что «невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть

истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире». Главный удар поэт направил против тех, кто воспитывает в народе «предрассудки и невежество», которыми «стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа», т. е. против русского самодержавия. Народ нуждается в «свете», он жаждет его, но просветить его мешают эти презренные «порицатели просвещения».

Рылеев не мог не понимать, что цензура не пропустит это исключительно резкое предисловие. Цензоры Тимковский и Бируков, конечно, не одобрили бы намерения Рылеева «пролить в народ наш хотя каплю света». Можно с полной уверенностью утверждать, что, убедившись в политической нецензурности первой редакции предисловия, автор «Дум» и не представлял его в таком виде в цензуру. Во всяком случае мы не находим его в цензурном экземпляре «Дум», хранящемся в Центральном архиве древних актов.

Излишне распространяться о значении этого автографа. Он дает представление, как резко «замахнулся» в 1824 г. Рылеев и чем должны были быть «Думы», если бы поэт мог говорить в них все, что он думал. Знаменательна и патриотическая тенденция этой редакции предисловия — стремление Рылеева побудить своим рассказом простой русский народ «гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою».

В каком же направлении перерабатывает Рылеев предисловие? Сравнивая его первую редакцию с окончательным текстом, представленным в 1824 г. в цензуру, мы видим, что автор «Дум» устранил три первых абзаца, в которых изобличался «деспотизм, боящийся просвещения». Рылеев счел более уместным начать с цитаты из Немцевича, однако вся вторая ее часть также оказалась устраненной. Взамен этого поэт ввел абзац, существенным образом ограничивающий значение обращения к «Историческим песням» Немцевича: «Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название Думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют Думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них».

Эти заново введенные в предисловие строки имели большое принципиальное значение. Рылеев явно не желал, чтобы его считали подражателем Немцевича, которого он, впрочем, ценил и уважал как политического поэта и «Исторические песни» которого сыграли определенную роль в обращении

Рылеева к жанру «дум». Вместе с тем Рылеев справедливо оттенил роль, которую сыграл в замысле «Дум» украинский фольклор. Он указал, что «думы» как лиро-эпический жанр, существовали еще в начале XVI в.: «Сарницкий свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами». Поэт-декабрист восстановил здесь приоритет украинской и русской литературы, отмечая, что поляки «заняли ее» («думу».— *А. Ц.*) «от нас».

Нужно сказать, однако, что указания Рылеева о связи его «Дум» с народным творчеством касаются больше замысла «Дум», чем структуры этого жанра. Источники «Дум» Рылеева в значительной мере уже установлены; среди них имеются летописи и исторические исследования, мемуары, но не украинские народные исторические песни. Из героев Рылеева с народной поэзией связан один лишь Богдан Хмельницкий; но и в этом случае Рылеев опирался не на фольклор, а на «Историю» Бантыша-Каменского и одноименный роман Федора Глинки. Пройдет еще некоторое время, прежде чем Рылеев научится творчески использовать устное поэтическое творчество украинского народа. Это произойдет в «Войнаровском», «Наливайко», в отрывках из поэм о Палее и Хмельницком. В «Думах» такой опоры на украинский или русский фольклор мы еще не находим. Но примечательно то, что Рылеев уже во время работы над «Думами» подчеркнул возможность такой опоры.

VII

Сборник «Думы» был издан в Москве при посредстве книгоиздателя С. Селивановского. Книга эта задержалась в цензуре и вышла в свет лишь в начале 1825 г.

Прогрессивно настроенные русские читатели 20-х годов единодушно отмечали идейно-художественные достоинства рылеевских «Дум». Вяземский называл их автора поэтом, у которого «есть кровь в жилах», а о самих «Думах» писал Рылееву и Бестужеву: «С живым удовольствием читаю я „Думы“, которые постоянно обращали на себя и прежде мое внимание. Они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших» [46]. Вяземский подчеркивал одну из самых характерных особенностей рылеевского метода в «Думах»—их воинствующую субъективность. Поэт, его замысел, его цель постоянно находятся в центре каждой «думы». Рылеев рассказывает, чтобы убедить читателей в верности своей концепции, и убеждая их, он неустанно пропагандирует идеалы

раннего русского декабризма. «Думы» Рылеева пронизаны революционной тенденциозностью поэта.

В русской критике 20-х годов вокруг «Дум» разгорелась оживленная полемика. Первым вопросом было происхождение рылеевских «Дум». Редактор «Русского инвалида» А. Ф. Воейков утверждал, что это «особливый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует еще своей теории» [47]. А. Бестужев подчеркивал, что «думы» «суть общее достояние племен славянских. Русские песни о Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сагайдачном; у богемцев вся Краледворская рукопись; да и самая песня о походе Игоря не есть ли дума?» Решительно протестуя против попыток Воейкова объявить «думы» заимствованным жанром, Бестужев характеризовал его общеславянские корни [48].

Не менее глубокие разногласия отличали критиков и в вопросе о художественной специфике «дум». А. Ф. Воейков находил, что в «думах» вообще, и в частности в «Думах» Рылеева, «излагаются уединенные размышления исторических лиц, тайные их намерения, борения противуположных страстей, угрызения совести и нередко такие чувства, кои не имеют в себе ничего ни торжественного, ни похвального»[49]. Однако в этом утверждении Воейков остался одиноким: подавляющее большинство критиков отметило героико-патриотические тенденции рылеевских «Дум». П. А. Плетнев в альманахе «Северные цветы на 1825 год» указал: «Рылеев избрал для себя прекрасное поприще. Он представляет вам поэтические явления из отечественной истории. Его так называемые „Думы" содержат лирический рассказ какого-нибудь события. Не восходя до оды, которая больше требует восторга чувствований и быстроты изложения, они отличаются благородною простотою истины и поэзиею самого происшествия. Чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы: вот что удовлетворяет в них любопытному вкусу»[50]. Еще более сочувственный отзыв о «Думах» дал А. А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России»: «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков» [51]. Приравнивая «думы» к гимнам, Бестужев, несомненно, стремился подчеркнуть героическую тенденцию этого жанра.

Вопрос о жанре «дум» решался современниками Рылеева без достаточного учета своеобразия этой новой формы лиро-эпической поэзии. Рылеевская «дума» не была похожа на гимн именно тем, что она была посвящена не героике сегодняшнего

дня, а рассказу о прошлом, имевшему вполне эпический характер. Это отделяло «думу» и от жанра исторической элегии, представленного в русской поэзии, например, стихотворением Батюшкова «Переход через Рейн». С другой стороны, относительная сжатость повествования отличала «думу» Рылеева от исторической поэмы. К этому жанру приближалась только «Рогнеда». Последняя по объему примерно втрое больше средней «думы» Рылеева: в ней 38 строф, или 304 стиха. Этот большой объем позволил поэту подробно разработать различные эпизоды сюжета — исповедь Рогнеды сыну, пир во дворце Владимира, приготовления к казни и т. п. Сохраняя лирическую основу «думы», выраженную в двух полных страсти монологах героини, Рылеев вместе с тем широко использует эпические возможности стихотворной повести. Более чем какая-либо иная «дума» Рылеева, «Рогнеда» облегчила ему путь к романтической поэме.

Не следует умалять новаторство Рылеева, сводя его «Думы» к какому-либо из существовавших в то время жанров: это — новая форма, впервые введенная Рылеевым в русскую поэзию.

«...Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, жгутся»,— писал Тургенев в 1862 г. Е. Я. Колбасину [52]. Эта образная характеристика в известной мере применима и к сборнику «Дум» Рылеева, во всяком случае она была бы вполне оправдана восприятием этого сборника передовыми читателями 20-х годов. Двадцать одно стихотворение цикла «Дум» имело один общий политический фокус.

Появившиеся весной 1825 г. «Думы» Рылеева были восприняты, как политическая агитация с помощью исторического материала. А. М. Булатов говорил на следствии, что у Рылеева «думы... все возмутительные» [53] (т. е. призывающие к политическому возмущению). «Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною, восемнадцатилетним юношей у М. М. Нарышкина; это было в феврале или марте 1825 года... Рылеев читал свои патриотические думы, а все свободно говорили о необходимости d'en finir avec ce gouvernement. Этот вечер произвел на меня самое сильное впечатление» [54]. Так вспоминал о годах своей юности А. И. Кошелев. Подобное восприятие рылеевских «Дум» было вполне закономерным в условиях русской жизни перед 14 декабря 1825 г. «Думы», в которых раскрывалась судьба тиранов в древней Руси, естественно напоминали о современных Рылееву тиранах. Чтение таких произведений должно было привести передовую молодежь к мысли «покончить с этим правительством».

Вместе с тем «Думы» пропагандировали интерес к истории нашей Родины. Н. А. Бестужев указывал, что «в „Думах"... мы видим жаркое желание внушить в других ту же любовь

к своей земле, ко всему народному; привязать внимание к деяниям старины; показать, что и Россия богата примерами для подражания, что сии примеры могут равняться с великими образцами древности»[55].

Н. Бестужев был прав. Правда, «Думы» Рылеева, воспитывая интерес и любовь к прошлому России, достигали этого еще не реалистическими средствами верного и объективного отображения давно отошедшей жизни. Метод автора «Дум» был романтическим и субъективистским. Отбирая героическое в русской истории для агитационного использования его в целях современной борьбы, автор «Дум» допускал «ложное изображение исторических лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи»[56]. Однако вместе с тем Рылееву, несомненно, удалось напомнить «юношеству о подвигах предков», познакомить «его со светлейшими эпохами народной истории»[57] и воспитать в своих читателях глубокий интерес к героическому прошлому русской нации.

Глава четвертая

«ВОЙНАРОВСКИЙ»

I

Поэма «Войнаровский» — центральное по своему значению произведение Рылеева, изучение которого выявляет существенные черты русского революционного романтизма. Эта поэма показывает, как литераторы-декабристы изображали события прошлого, подчиняя это изображение задачам революционного воспитания молодого поколения. Ни один поэт-декабрист не ставил этих задач с такой настойчивостью, как Рылеев, который с наибольшей полнотой решал их именно в поэме «Войнаровский». Ограниченность рылеевского историзма привела автора «Войнаровского» к ряду идейно-художественных ошибок. Однако эти ошибки не помешали поэме сыграть глубоко прогрессивную роль в развитии русской литературы 20-х годов. Прав был Пушкин, сказавший о «Войнаровском», что «эта поэма нужна была для нашей словесности» [1].

«Войнаровский» — первое романтическое произведение Рылеева: «Думы» в большинстве своем в сильной мере еще были связаны с классицизмом. К 1823 г., когда был задуман «Войнаровский», положение в русской поэзии существенным образом изменилось. К этому времени еще более выявилась художественная ограниченность классицистического направления, эстетические нормы которого связаны были с дворянской империей XVIII в., а художественная практика все более вступала в противоречие с запросами передовой русской общественности. Несомненные сдвиги в 1819—1821 гг. произошли и в недрах романтического направления. В эти годы в русском романтизме, до того представленном только поэзией Жуковского, возник противоположный ей по тенденциям прогрессивный и революционный романтизм. Создаваясь в обстановке

национально-освободительного движения в Европе и ожесточенной борьбы с этим движением самодержавных правительств, революционный романтизм содержал в себе протест передовой личности против стесняющих ее пут реакционного общественного уклада. Центральным образом произведений этого направления был передовой человек, полный интереса к простым людям, не испорченным цивилизацией.

Появление прогрессивного русского романтизма подготовлялось с конца XVIII в., но получил он в русской литературе наиболее полное выражение в так называемых южных поэмах Пушкина — и особенно в «Кавказском пленнике», «Братьях-разбойниках», «Цыганах». Пушкин утвердил в русской поэзии новый для нее жанр романтической поэмы с образами сильных людей, способных переживать «противуречия страстей». Романтизм Пушкина выражал собой его ненависть к деспотизму, пламенное стремление к свободе. Он создал в этих поэмах глубоко новаторский сюжет, построенный на резком контрасте между началами культуры и природы, красочный пейзаж, сочную бытопись, отражающую «колорит места», экспрессивный язык, насытил повествование исключительной эмоциональностью.

Как выражение прогрессивного романтизма передовые русские писатели 20-х годов восприняли и творчество Байрона, в котором они чтили «смелого пророка свободы» (выражение Веневитинова), политического поэта, отважного проповедника буржуазно-демократической революции. Мятежный романтизм Байрона закономерно противопоставлялся «тишайшему» романтизму Жуковского с его культом религиозно-мистических идей, с его верой в нерушимость существовавшего политического строя. Вяземский в одном из своих писем писал: «...у Жуковского все душа, и все для души. Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздят для убиения народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии». Английский поэт представлялся Вяземскому глашатаем политической вольности; он восторгался Байроном, который «носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими» [2].

Передовые русские поэты 20-х годов высоко ценили мятежный индивидуализм Байрона. Кюхельбекер писал о Байроне под впечатлением его трагической кончины: «Бард, живописец смелых душ. Гремящий, радостный, нетленный...». Рылеев чтил в Байроне передового по идеологии художника, нашедшего новые средства поэтической выразительности. Характерны строки письма Рылеева к Пушкину: «Как велик Байрон в сле-

дующих песнях „Дон-Жуана"! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски». Это восхищение Рылеева творческим новаторством английского романтического поэта было свободно от слепого преклонения перед иностранными образцами. Он писал Пушкину: «Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным» [3]. Принятый в конце 1823 г. в члены Северного тайного общества, Рылеев, естественно, стремился к еще более энергичному использованию пропагандистских возможностей поэзии. Прогрессивный романтизм должен был увлечь поэта содержащимся в нем протестом против лицемерной морали светского общества, против деспотизма реакционной власти, позволил поэту-декабристу еще более выразительно пропагандировать идеалы политической свободы. Характерно, что обращение Рылеева к романтизму датируется тем же 1823 г., что и его вступление в члены тайного общества.

Уже в «Думах» Рылеев обращался к украинской тематике («думы» «Богдан Хмельницкий», «Петр Великий в Острогожске»). Все способствовало тому, чтобы в своих новых произведениях Рылеев все чаще и чаще обращался к жизни Украины, к ее славной истории. Русское освободительное движение 1810—1820-х годов было тесно связано с Украиной — там действовали Южное тайное общество, Общество соединенных славян, там жил и писал Владимир Раевский. Уже Глинка в его романе о Богдане Хмельницком подчеркивал интерес, который представляет для прогрессивной литературы «блистательная эпоха жизни» этого национального героя Украины. История этой страны увлекала декабристского романиста своим героическим содержанием: «Кто исчислит все подвиги и заслуги жителей Дона и Малороссии на поприще воинском и гражданском?.. Сколько знаменитых мужей породили счастливые страны сии под ясным небом своим, мужей, которых имена живут в потомстве и будут сиять немерцаемым блеском и в позднейших летописях наших!» [4].

Украинская тема занимала в 10—20-х годах значительное место в русской литературе (произведения Нарежного, Сомова, Пушкина и др.). В 1819 г. вышел в свет сборник украинских народных песен Н. А. Цертелева, богатейшее устное творчество украинского народа начинало все более интересовать передовую русскую общественность. Рылеев, в течение ряда лет живший на Украине, связанный знакомствами и родством со средой украинской интеллигенции, закономерно избрал историю Украины предметом нескольких поэм — «Войнаровский», «Наливайко» и др.

Для первой из них Рылеев избрал темой восстание Мазепы против Петра I. Эта тема давала богатые возможности для

романтической поэмы с ее яркими картинами природы и быта и углубленным показом внутренней жизни героев. Работа над «Войнаровским» потребовала от Рылеева обращения к ряду исторических источников. Друзья и знакомые поэта оказали ему помощь в собирании необходимого материала; среди них были О. М. Сомов и П. А. Муханов, А. О. Корнилович, А. Ф. фон-дер Бриген, Н. А. Цертелев и др.

«Время работы Рылеева над его первой поэмой определяется довольно точно, хотя прямых автопризнаний об этом до нас почти не дошло, а самые рукописи „Войнаровского" вовсе не дают материала для хронологических выкладок. Однако, поскольку основной фабульный материал поэмы (биография Мазепы, все фактические данные о Войнаровском и о встрече с ним Миллера в Якутске) заимствован был из „Истории Малой России" Д. Н. Бантыша-Каменского, вышедшей в свет в 1822 г., а в особенностях интерпретации этого материала... сказались, с одной стороны, впечатления от поездки Рылеева летом 1822 г. на Украину (Харьков, Ромны, Прилуки и Киев), а с другой, — политические установки Северного тайного общества, в ряды которого он вступил в 1823 г., постольку и самый замысел „Войнаровского" приходится отнести к первым месяцам 1823 г. В эту пору Рылеев еще работал над циклом своих „Дум", заканчивал „Петра Великого в Острогожске" и „Наталию Долгорукову", набрасывал первые строфы „Вадима" и „Меншикова в Березове". Возможно, что последняя „дума" (ее строки перемежались в одном из автографов со стихами „Войнаровского"...) и брошена была потому, что материал ее частично дублировал бы страницы о Войнаровском в Якутске, а политически и литературно фигура ссыльного вельможи была менее выигрышна и актуальна в эту пору, чем трагический облик племянника Мазепы — „друга народа" и „борца с самовластьем"»[5].

Вся работа над поэмой заняла у Рылеева около полутора лет. 22 мая 1823 г. он читал начало поэмы в открытом заседании Вольного общества любителей российской словесности. «Рылеева „Ссыльный",— писал Бестужев Вяземскому,— полон благородных чувств и резких возвышенных мыслей — принят с душевным ободрением»[6]. Журнал «Северный архив» дал хвалебную оценку прочитанному отрывку, заметив, что «если вся сия поэма будет написана с таким чувством и силою, как читанные отрывки, то имя Рылеева станет наряду с именами отличных российских писателей»[7]. Успех этого чтения, несомненно, побудил Рылеева продолжать работу. 3 октября 1823 г. поэт сообщал В. И. Туманскому: «Исполняя твое желание, уведомляю, что „Войнаровский" приметно подвинулся вперед. Когда же кончится и как кончится, не знаю сам»[8]. Однако

уже 7 января 1824 г. Рылеев читал отрывок «Смерть Войнаровского». Поэма была закончена весною того же года, 24 мая. Н. М. Языков, который знаком был с Рылеевым и состоял членом Вольного общества, сообщал своему брату Амплию: «Рылеев кончил... „Войнаровского" и скоро напечатает»[9]. Печатание поэмы отдельным изданием сильно затянулось из-за придирок к ней цензуры. Книга вышла в свет только в начале 1825 г.

Над этой поэмой Рылееву пришлось много и серьезно работать. Главным историческим источником являлась «История Малой России». Важную роль играли беседы Рылеева с декабристом-историком А. О. Корниловичем, с которым он был знаком по Вольному обществу любителей российской словесности. Помощь Корниловича для Рылеева была тем более ценной, что Корнилович много работал в архивах. Некоторые из печатных работ Корниловича, в частности его статья «О первых балах в России» («Полярная звезда на 1823 год») и написанное им для рылеевской поэмы «Жизнеописание Мазепы», были впоследствии использованы Пушкиным в «Полтаве». Поскольку действие «Войнаровского» должно было происходить в Якутске, Рылеев изучил довольно большую литературу об этом городе, собрав множество сведений, разбросанных по журналам того времени. Ему помог своими советами и В. И. Штейнгель, живший до своего приезда в Петербург в этом отдаленном крае Сибири[10].

Еще во время работы над «Думами» Рылеев интересовался образом политического деятеля, восстающего против деспотизма Петра. В ненапечатанной при жизни поэта «думе» «Царевич Алексей в Рожествене» неизвестный монах поднимал сына Петра на бунт, якобы в защиту попранного царем православия: «Ждет спасенья наша вера от тебя, младой герой». Призывы старика возымели успех:

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»

Голос поэта звучал здесь не очень уверенно. Тема бунта, поднятого в защиту реакционных начал «старины», не могла увлечь Рылеева. Он, конечно, понимал, что царевич Алексей Петрович был орудием реакционной партии и глубоко антинациональной по своей роли фигурой. Рылеев, без сомнения, был согласен с А. О. Корниловичем, который в очерке «Частная жизнь императора Петра I», помещенном в альманахе «Полярная звезда», называл Петра I «последним феноменом сво-

его века», указывал, что Петр работал во имя «благодетельных последствий просвещения». Такая точка зрения на Петра преобладала у декабристов. Вспомним о Фонвизине, который хотя и указывал на деспотизм Петра I, но считал его замечательным, гениальным человеком [11]. Положительное отношение к деятельности Петра высказывал и А. Бестужев. Рылеев разделял это отношение и выразил его в «думе» «Петр Великий в Острогожске», которая писалась одновременно с «Войнаровским».

Вслед за «думой» «Петр Великий в Острогожске» Рылеев задумал трагедию на тему об измене Мазепы. Замысел этот не был осуществлен, но дошедшие до нас планы и черновики позволяют судить об идейных тенденциях трагедии. «Для Мазепы,— читаем мы,— кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился: ни уважение, оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной»[12]. Такова характеристика, данная Мазепе: она не оставляет никаких сомнений в резко отрицательном отношении к нему автора.

Мазепа — предатель, лицемерно скрывающий «свои злые намерения под желанием блага к родине». Его окружают: «хитрый честолюбец» Орлик, «отчаянная голова» Чечель, иезуит Зеленский и прочие своекорыстные люди. В первой сцене первого действия Мазепа начинал «приводить в движение все пружины для окончания своего предприятия»; трагедия, очевидно, должна была раскрыть заговор во всех его перипетиях.

Два стана противостояли здесь друг другу. В одном — честолюбцы, лицемеры и изменники. Между ними был и Войнаровский, племянник Мазепы, охарактеризованный Рылеевым как «пылкий, благородный молодой человек». Этому лагерю противостояла партия Кочубея. Судя по эпитетам, которые поэт давал Любови Кочубей («Жена его. Твердая и благородная женщина»), семейная драма Кочубеев привлекла внимание Рылеева. Петр не был назван в числе действующих лиц, но его дело, очевидно, защищалось группой преданных царю полковников — Скоропадским, Апостолом, Чарнышем.

Кому в трагедии предназначалась роль положительного героя, мы не знаем. Может быть это был Полуботко, «молодой человек, пылающий любовью к родине и благу соотечественников, решительный казак» (реально существовавший

Полуботко стал наказным гетманом, боровшимся за политическую автономию Украины).

Итак, уже в плане трагедии Рылеев решительно разоблачил политическую сущность предательского «предприятия» Мазепы. Но произведение это написано не было. Вскоре после возникновения замысла трагедии поэт обратился к работе над поэмой «Войнаровский».

II

Уже в таких «думах» Рылеева, как «Волынский» и «Рогнеда», современность явно преобладала над прошлым. То же самое в полную меру проявилось и в «Войнаровском». Стремление создать романтический образ «пылкого» и «несчастного» мятежника одержало верх над соблюдением верности истории. Подлинный историзм был для Рылеева-романтика недоступен.

Во вступительной заметке к поэме Рылеева, озаглавленной «Жизнеописание Войнаровского» [13], А. А. Бестужев указывал, что Войнаровский был одним из богатейших и честолюбивейших представителей украинской «старшины», питавшим «надежду быть гетманом всей Малороссии». «Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован... рассказы Войнаровского остались втуне». Впоследствии, когда измена Мазепы сделалась явной, судьба Войнаровского,— писал далее Бестужев, — «была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России».

Рылеев изменил этот образ до неузнаваемости. Его Войнаровский ничего не знает об измене Мазепы и слепо верит в правоту гетмана. Нет в поэме и описания «роскошной жизни» Войнаровского «в Вене, в Бреславле и в Гамбурге», а о его пребывании в Бендерах сказано в таком сугубо романтическом тоне:

«Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел,
Рассеять мрак своей печали.

Но, ах, напрасно!..»

Нет в поэме Рылеева и упоминаний о «двусмысленном», по выражению А. Бестужева, знакомстве Войнаровского с «слав-

ною графинею Кенигсмарк» и о внезапном аресте его в Гамбурге. Взамен этого в поэме дан был романтически возвышенный и неопределенный перифраз:

«...Рок за мной
С неотразимою бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов...»

Деформация исторического образа произошла даже в мелочах. По заметке Бестужева, «Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск...». Поэта-романтика не устраивала эта жизненная правда, и он предпочел ей эффектный вымысел. Узник вспоминал в поэме о далекой Украине, «где слезы льет моя подруга». Она пришла к мужу, но детей

«Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец».

«Войнаровскому» была предпослана также вступительная заметка А. О. Корниловича «Жизнеописание Мазепы». Украинский гетман причислялся в ней к числу «замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия», но вместе с тем здесь были решительно подчеркнуты и отрицательные черты его личности («хитрый ум и пронырство», «притворство», «низкое, мелочное честолюбие» и вероломство) и предательский характер его деятельности: ложный донос на Самойловича, всегдашнее лицемерие, измена друзьям и начальникам, а затем и родине («ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом...»). Корнилович охарактеризовал деятельность Мазепы с 1706 г. как явно изменническую. Он решительно отверг существование у Мазепы какого-либо «возвышенного чувства», якобы побудившего его к выступлению против Петра; не было здесь ни «отвержения от личных выгод», ни «пожертвования собой пользе сограждан». Приговор декабристского историка был решительным: «низкое мелочное честолюбие» Мазепы привело его к измене. «Благо казаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?»

Заметка Корниловича дает тот правильный исторический фон, на котором с особой рельефностью выступала идеализация Рылеевым украинского гетмана. Она содержалась и в романтически-эффектном портрете Мазепы; поэт пишет о его «мрачном челе» и «диком пламени», сверкавшем «из под бровей нависших». Эта идеализация давала себя знать и в якобы патриотических речах Мазепы о родной стране, которые в поэме не были разоблачены ни героем и рассказчиком Войнаровским, ни самим Рылеевым.

Нужно сказать, впрочем, что в «Войнаровском» не раз звучали ноты, свидетельствовавшие о том, что черное дело Мазепы возбуждало ненависть украинцев:

«Я из Батурина недавно,—
Один из пленных отвечал.—
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань, и поношенье!»

Эти слова украинского пленного наносили жестокий удар той идеализации Мазепы, которую осуществлял его племянник и апологет Войнаровский. Но, рассказав об этой драматической встрече Мазепы и человека, выражавшего приговор народа, Войнаровский любовался мнимым смирением гетмана:

«В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца;
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили».

Правда, рылеевский герой здесь как будто размышляет: ведь народ проклял своего мнимого вождя. Но тут же Войнаровский спешит сделать оговорку:

«Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон...
. . . .
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом свободы».

Тот Войнаровский, которого изобразил Рылеев, вряд ли восстал бы против Мазепы. Он без всяких сомнений доверился гетману в начале своего жизненного пути и ни разу не усомнился в правоте Мазепы за все время поднятого им антинародного восстания.

В рукописи Рылеева Войнаровский делал ряд откровенных признаний. Вот что он, например, рассказывал о заговоре Мазепы против русского царя:

«Уже Мазепа приступал
К свершенью тайных помышлений,
Умы в Украйне волновал,
И двух славянских поколений
Сердца враждою распалял.
Как буря, приближались шведы,
Неся из дальной стороны
Опустошения войны
И неизменные победы.
Устроив все, мы со врагом
В сношенья тайные вступили,
Наружно мир храня с Петром,
Уж мы близ цели нашей были:
Мятеж носился за Днепром,
Москаль дремал — вдруг узнаем,
Что наши замыслы открыли»[14].

Все эти стихи были устранены Рылеевым из поэмы. Они изображали Войнаровского явным и притом сознательным изменником делу «двух славянских поколений», а сознавший эту измену своему народу Войнаровский уже не поддавался той романтической идеализации, которая требовалась пропагандистскими установками декабристской поэмы. Откровенные признания изменника были поэтому заменены сомнениями человека, доверившегося уверениям гетмана.

Рылеев мог бы, конечно, подвергнуть жестокой критике Мазепу и Войнаровского. Но тогда утратил бы право на существование этот замысел романтической поэмы, пропагандировавшей свободолюбивые идеалы декабристов. Рылеев лишь сопроводил «Войнаровского» историческими справками, которые давали читателю возможность представить действительный облик Мазепы. Этим Рылеев рассчитывал хотя бы несколько выправить исторические ошибки своей поэмы.

П. А. Катенин в письме к Н. И. Бахтину дал такую характеристику «Войнаровского»: «Главное лицо украинец, племянник Мазепы, сосланный после войны в Якутск. Случайно встречается он там с ученым Миллером и рассказывает ему свое происхождение, а напоследок умирает; все это копии с разных байроновских вещей, в стихах по новому покрою; всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном» [15]. Катенин был, конечно, неправ, утверждая художественную несамостоятельность «Войнаровского», но он был глубоко прав в критике образа Мазепы как плода романтической идеализации. Ошибка Рылеева состояла здесь в том, что, пропагандируя «высокие чувства» и передовые идеи декабризма, он недостаточно посчитался с историей и наделил «подлеца и плута» чертами политического борца, защищающего исторически прогрессивное дело.

Антиисторичность поэмы была усугублена тем, что, изображая человека, изменившего родине, Рылеев передоверил ему все права повествователя. В результате всего этого «Войнаровский» оказался произведением сбивчивым и неверным в историческом плане. Надо полагать, что поэт-декабрист пошел на это сознательно. До конца разоблачить Мазепу значило в то же время сорвать маску и с его ближайшего сподвижника, Войнаровского. Но тогда у Рылеева не оказалось бы вольнолюбивого героя, ради образа которого, конечно, и была начата работа над этой поэмой.

Пороки «Войнаровского» выступают особенно рельефно при сопоставлении его с «Полтавой». Как и Рылеев, Пушкин изобразил измену Мазепы, но насколько его изображение превосходило рылеевское своей ясностью и политической четкостью! Напомним, что Пушкин вступил в полемику с автором «Войнаровского». В предисловии к «Полтаве», написанном 1 января 1829 г., мы читаем: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его

поражения; память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества» [16].

«Некоторые писатели» — это в первую очередь автор «Войнаровского». В заметках о «Полтаве», напечатанных в альманахе Максимовича «Денница», Пушкин говорил об этом еще определеннее, уже с прямой ссылкой на рылеевскую поэму: «Прочитав в первый раз в Войнаровском сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» [17].

Здесь решительно противостояли друг другу два подхода к прошлому. Пушкин реалистически изобразил «настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица». Он не только показал предательство Мазепы, но и объяснил те мотивы, которые толкнули украинского гетмана на измену:

«Готово всё: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,
Быть может, трон воздвигну я».

Победу Петра над Мазепой Пушкин рассматривал как обоюдное торжество русского и украинского народов над изменниками, которые стремились восстановить друг против друга эти два единокровных народа. За Мазепой, как показал Пушкин, пошли лишь «друзья кровавой старины», которые «народной чаяли войны». Они не добились своей цели, поскольку поднятый мятеж резко противоречил национальным интересам Украины. Основоположник русского реализма высказал здесь именно те «государственные мысли историка», наличия которых он требовал от русских писателей. Он был прав, указывая в заметке о «Полтаве» (1830): «Мазепа действует в моей поэме точь в точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер» [18].

Пушкин не сделал Войнаровского героем, и что особенно существенно, никому не передоверил своих прерогатив повествователя. То, что рассказ в «Полтаве» ведется от лица автора, помогло Пушкину полностью раскрыть свою политическую трактовку событий. Рылеев, как мы видели, сильно стеснил себя тем, что его рассказ должен был постоянно отражать в себе субъективные помыслы и переживания ошибавшегося и запутавшегося героя.

III

Сравнение «Войнаровского» с «Полтавой» имело целью подчеркнуть романтический антиисторизм рылеевской поэмы. Однако нельзя судить о романтическом произведении по законам, свойственным произведению реалистическому. Автору «Войнаровского» еще недоступен был подлинный историзм, и если он учился у Пушкина, то только как у автора романтических поэм, следы воздействия которых в «Войнаровском» очевидны [19]. Историзм Рылеева был ограниченным. Прошлое интересовало его лишь постольку, поскольку оно могло помочь политической борьбе декабристов.

«Войнаровский» — поэма не только о прошлом Украины, но и о настоящем и будущем декабристского движения. В герое рылеевской поэмы сознательно затушевана непривлекательность поведения его исторического прототипа. Войнаровский Рылеева — не своекорыстный украинский вельможа, а «несчастный» человек, брошенный «в дальние снега» Восточной Сибири. Назвав отрывок из поэмы «Ссыльный», Рылеев не имел возможности сохранить это заглавие в отношении всей поэмы. Однако он употребил это слово в тексте:

Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен...
. . . .
Он не варнак; смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,
В чело вклейменной палачом.

Войнаровский не был «варнаком», т. е. «публично наказанным и клейменным преступником», как пояснил это слово в примечаниях сам Рылеев (клеймили только уголовных преступников). Он был важным политическим преступником, был привезен «в кибитке крытой», и его прошлое окружено было величайшей тайной.

Главное, что характеризует ссыльного, — это его любовь к родине и безграничная тоска по ней:

«Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украйне и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что сталось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в беде своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?
Так я души покой минутной
В своем изгнаньи возмущал,
И от тоски и думы смутной,
Покинув город бесприютной,
В леса и дебри убегал».

В поэме «Войнаровский» поэт-романтик воссоздал глубокую жизненную драму передовой личности. «Нет большего горя, как вспоминать о счастливом времени в несчастьи»,— писал автор «Божественной комедии» Данте. Эти слова Рылеев избрал эпиграфом к «Войнаровскому». «Счастливое время» для Войнаровского — это время борьбы за свободу родины. «Несчастье» — это его ссылка, невозможность продолжать эту борьбу.

«Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага».

Образ Войнаровского задуман и осуществлен как апофеоз патриотизма. Думы о родине не оставляют рылеевского героя и в предсмертные часы:

«Мне надо жить; еще во мне
Горит любовь к родной стране, —
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода!..».

Говоря о «друге народа»,— как спасителе порабощенной страны, Рылеев менее всего имел в виду украинских повстан-

цев начала XVIII в.: он был полон раздумий о грядущей схватке русских революционеров с самодержавием. «Землякамиж были здесь русские, страдавшие под игом крепостнического строя.

В «Войнаровском» Рылеев как бы предчувствовал трагическую участь декабристских заговорщиков, после разгрома 14 декабря очутившихся в каторжных сибирских «норах» и горестно переживавших невозможность служить горячо любимой родине:

«Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть».

Нетрудно найти параллель этим стихам в письмах декабристов из Сибири. Лучшим представителям декабристской ссылки и каторги в высшей степени была свойственна идейная непримиримость Войнаровского.

В мыслях Войнаровского запечатлено глубокое сочувствие тем, кто восставал против «самовластия» царей и боролся за отнятую у народа свободу. Образ Войнаровского целиком выдержан в глубоко современном поэту плане. Самая смерть героя на могиле его безвременно угасшей жены должна была восприниматься читателями 20-х годов как символическое проявление нравственной силы политического борца. О существовании второго, современного плана, говорила и фразеология поэмы:

«С какою страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила.
С какою живостью об нем
В своем изгнаньи роковом
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть,
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданье сохранить».

Поэт с исключительным сочувствием подчеркнул в «подруге» Войнаровского ее цельность и несгибаемую верность своим политическим убеждениям. Умирая, «казачка» верит в соединение с человеком, которого она полюбила, в торжество свободы хотя бы за гробом:

«Мой друг! — сказала мне она: —
Я умираю! — будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! так, мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать».

Образ этой женщины нимало не напоминал жену племянника Мазепы, да Рылеев к этому и не стремился. Но зато он был духовно близок героическим женщинам древней Руси и особенно Наталье Долгоруковой, Рогнеде и Марфе Посаднице, которых Рылеев так вдохновенно воспел в своих «Думах». Этот женский образ полон высоких, идеальных черт. Именно такой, по Рылееву, и должна быть подлинная подруга революционного борца.

«Тебе волей-неволей пришлось бы... в большей степени *шекспиризировать,* между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски,* превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени» [20]. Эти слова из письма Маркса к Лассалю прекрасно характеризуют собой историзм прогрессивных романтиков и, в частности, историзм Рылеева. Якобы исторические произведения этого поэта — плохо замаскированные «рупоры духа времени». Перед восстанием 14 декабря 1825 г. декабристам всего важнее было при помощи истории создать образы передовых борцов. Надо было воспеть их героизм, непоколебимую волю к борьбе, несгибаемое мужество в несчастье.

Именно этой цели и служили все романтические произведения Рылеева и в частности его поэма «Войнаровский». Читая ее, передовые люди 20-х годов применяли к себе ее сюжетные ситуации и ставили себя в положение рылеевского героя. Характерно в этом плане признание, сделанное Н. В. Басаргиным: «Перед женитьбой моею я открыл будущей жене своей, что принадлежу к тайному обществу и что хотя значение мое в нем неважное, но не менее того может и со мной последовать такое бедствие, которое ей трудно будет переносить. Она отвечала мне, что идет не за дворянина, адъютанта или буду-

щего генерала, а за человека, избранного сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах или в хижине, в Петербурге при дворе или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова». Далее Басаргин писал: «Помню, что однажды я читал как-то жене моей только что тогда вышедшую поэму Рылеева „Войнаровский“ и при этом невольно задумался о своей будущности. „О чем ты думаешь?“ — спросила она. „Может быть, и меня ожидает ссылка“, — сказал я. „Ну, что ж, я также приду утешить тебя, разделить твою участь! Ведь это не может разлучить нас, так об чем же думать?“ — спросила она с улыбкой»[21].

Какое превосходное подтверждение того, что образы и сюжетные ситуации «Войнаровского» как нельзя более отвечали настроениям декабристов! Басаргин и его жена воспринимали «Войнаровского» как поэтическое предсказание того, что может произойти с ними. Поэма помогает людям определить свое поведение, становится неотъемлемой частью жизни дворянских революционеров.

Для самого Рылеева эта поэма отнюдь не была «плодами беспечного досуга», как, согласно поэтической традиции, характеризовал он «Войнаровского» в посвящении А. А. Бестужеву. Сам поэт так же, как его читатели и, конечно, в еще большей мере, нежели они, полон был глубоких раздумий о будущем. Что будет с ним и его друзьями, если восстание против царизма завершится поражением? Участь Войнаровского волновала Рылеева: она была предвидением того, что предстояло пережить передовым людям России.

Через всю рылеевскую поэму лейтмотивом проходит образ родины. Ей посвящены первые речи ссыльного, причем стихи «О, край родной! Поля родные! Мне вас уж боле не видать!» — повторены и тем самым акцентированы. «О, родина святая, Лишь ты всю душу заняла!» — это признание Войнаровского не раз повторяется им далее. В ссылке его мучит мысль о том, «что сталось с родиной моей?» С мыслями о родине умирают и Войнаровский, и его «подруга». О пламенном патриотизме ссыльного говорит и сильнейшим образом идеализированный Рылеевым Миллер: «И об Украйне незабвенной Как сын Украйны он мечтал». Поэма Рылеева пронизана национально-патриотической патетикой, столь характерной для революционного романтизма декабристов.

Отсюда становится понятной громадная популярность «Войнаровского» у прогрессивных читателей как поэмы на современную тему. Правда, некоторые из них отказывали поэме в самостоятельности, называя ее «мозаикой из Байрона и Пушкина» (отзыв Н. Н. Раевского), «копиями с разных байроновских вещей» (оценка Катенина)[22]. Однако большинство

русских читателей оценило творческую самостоятельность Рылеева и политическую прогрессивность его поэмы. А. Бестужев в цитированном выше письме к Вяземскому многозначительно подчеркивал, что «Рылеева „Ссыльный“ полон благородных чувств и резких возвышенных мыслей»[23]. Один из рецензентов указывал, что в поэме Рылеева «отсвечивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви к родине и человечеству»[24]. Н. Бестужев находил, что «Войнаровский» спорит с Пушкиным «в силе чувствований, в жаре душевном»[25]. Поэмой Рылеева восхищались Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, А. В. Никитенко[26].

IV

Поэма Рылеева привлекла к себе внимание Пушкина. 25 января 1825 г. он писал Рылееву: «Жду Полярной звезды с нетерпеньем, знаешь для чего? Для Войнаровского»[27]. Поэма ему нравится, и без нее Пушкину «даже скучно». В январе 1824 г. Пушкин писал брату: «С Рылеевым мирюсь — Войнаровский полон жизни»[28]. Познакомившись с публикациями первых отрывков, Пушкин заметил: «Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всех его *Дум,* слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет»[29]. Эти строки из письма Пушкина к Бестужеву представляют собой прекрасную характеристику стиля «Войнаровского».

Романтическая поэма зачастую страдала известной статичностью действия, композиционной «рассеянностью». Рецензент «Сына отечества» (1824, ч. 92, № 13) находил этот недостаток, например, в поэме «Бахчисарайский фонтан», автор которой владеет «в высшей степени искусством в описании» и приносит «ему иногда немаловажные жертвы насчет других красот». «Войнаровскому» статичность не свойственна: в поэме много напряженного действия, в котором принимают участие все ее персонажи, за исключением одного только образа — историка Миллера. В июне 1825 г. Рылеев благодарил Пушкина за его «прямодушные замечания на Войнаровского. Ты во многом прав совершенно, особенно, говоря о Миллере. Он точно истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего Великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова»[30]. Это признание автора «Войнаровского» исключительно интересно. Оно свидетельствует о том, что Рылеев хотел бы придать своему повествованию более объективный и исторически верный тон. Но он понимал, что в этом случае Петра отстаивал бы один Миллер, а Войнаровский выступил бы как нераскаявшийся защитник

изменника Мазепы. Совершенно очевидно, однако, что такой путь развития сюжета был неприемлем для поэта-романтика, идеализировавшего Войнаровского как политического деятеля, павшего в неравной борьбе с «самовластием».

В повествовании «Войнаровского» нет отрывочности, свойственной ряду русских романтических поэм. Сюжет «Войнаровского» последователен — перед нами проходит вся жизнь героя. В рассказе легко выделяются экспозиция (первые 135 стихов), завязка (ею является встреча Миллера с ссыльным, стихи 136—239).

Широко разработаны в поэме наиболее драматические эпизоды сюжета: схватка с татарами «у рубежа страны родной», «роковая беседа» с Мазепой, бегство после полтавского разгрома и т. д. Драматической напряженностью отличается и финал «Войнаровского» — весть об освобождении приходит к герою поэмы, когда он был уже мертв.

На всем протяжении «Войнаровского» повествование полно движения, динамики:

«Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом...
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река».

Поэма начинается со сжатой экспозиции места действия, колорит которого схвачен Рылеевым необычайно удачно:

В стране мятелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких...

Этот пейзаж Якутска был настолько определительным и точным, что Гончарову, посетившему этот город в 1854 г., не оставалось ничего другого, как только сослаться при его описании на поэта-декабриста. «Природа,— писал Гончаров в очерке, «По Восточной Сибири», — вся она обозначена в... стихах, которыми начинается известная поэма Рылеева „Войнаровский“...»[31]. Никогда не бывавший в Якутске романтический поэт создал пейзаж, к которому не смог ничего прибавить посетивший этот город писатель-реалист.

Вообще пейзажи и описания в поэме отличаются краткостью и динамичностью:

Однажды он в мороз трескучий,
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак, и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые,
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,
Вдали меж соснами мелькает,
Летит... вдруг выстрел!..

Такой же картинностью отличаются и другие пейзажи «Войнаровского»: ночь в степи, привал беглецов у Днепра, описание могильного холма в финале поэмы. Пейзажи «Войнаровского» созданы уверенной рукой повествователя, тесно связавшего их с действием поэмы:

«Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная от плена,
В брегах крутых несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады,
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?».

Этот полный динамики пейзаж призван подчеркнуть энергию, с какой заговорщики поднялись на борьбу:

«Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей».

Пейзаж служит в рылеевской поэме фоном для изображения человека: Войнаровский, «как климáт сибирский, стал в... душе же ток и хладен».

Ту же роль фона играют и этнографические описания: люди разных народностей в Якутске, неторопливое, подробно разработанное описание внутреннего убранства юрты ссыльного.

В поэме по сравнению с «Думами» значительно уменьшилось количество славянизмов. С другой стороны, в ней играют значительную роль диалектизмы: «и *юрт* бревенчатые стены», «неся богатый свой *ясак*», «он не *варнак*», «окутанный *дахою* черной» и «в длинношерстном *чебане*», «но мы вблизи *заимки* скудной», «проворно *жирник* засветил» и т. д. Употребление областных слов рекомендовалось стилистикой русской романтической поэмы, стремившейся преодолеть абстрактность классицистического стиля и усилить «местный колорит» повествования. Рылеев считался с этими требованиями и шел навстречу читателям, подробно объясняя в примечаниях к «Войнаровскому» значение каждого такого сибирского слова [32].

Стремясь к наибольшей динамичности повествования, поэт-романтик обращал особое внимание на выразительные средства языка. Его сравнения сжаты и экспрессивны, например:

«И таю я, как лед весною
От распаляющих лучей...»

или:

Глаза Мазепы засверкали,
Как пред рассветом ночи мгла...

Мы находим в «Войнаровском» обилие эпитетов:

«Враг *хищных* крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем вслед,
С ватагой *храбрых* гайдамаков,
Искал иль смерти, иль побед.
Бывало, кони *быстроноги*
В степях и *диких* и *глухих,*
Где нет жилья, где нет дороги,

Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к *дикой* воле,
Бодры и *веселы* без сна,
Мы воздухом питались в поле
И *малой* горстью толокна».

По сравнению с «Думами» «Войнаровский» характеризуется гораздо большей простотой диалога и естественностью речи персонажей:

«Кто б ни был ты,— он так сказал,—
Будь мне вожатым, ради бога;
Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал;
Скажи, где на Якутск дорога?»
«Она осталась за тобой,
За час отсюда, в ближнем доле».

В этом диалоге нет уже ни малой доли той риторичности, которая еще так давала себя чувствовать в «Думах». И так говорят в поэме Рылеева пленные украинцы, подруга Войнаровского и даже сам герой:

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я, и как сюда попал?..» —
Так незнакомец продолжал...

В поэме Рылеева содержится немало спокойных интонаций, обычных оборотов повседневной разговорной речи.

Вместе с тем язык самого Войнаровского отличается романтической приподнятостью. Речи ссыльного произносятся им «в волненьи сильном», с «пламенем», сверкающим в его глазах. Как и в «Думах», здесь очень велика роль монолога, прямой и распространенной речи персонажа. Передавая герою поэмы права рассказчика, Рылеев стремился усилить ее субъективный колорит. В полном соответствии с общей революционной тенденцией поэмы поэт насыщал речь героев типично декабристской фразеологией:

«Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине;
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено».

Эта речь, полная гражданской патетики, нимало, разумеется, не характеризовала исторически реального Мазепу, но она была свойственна членам тайных обществ 20-х годов. В ней было много «двусмысленных» слов и выражений: «И друг отчизны, друг добра...», «Я не люблю сердец холодных: они враги родной стране», «И жар к добру души прекрасной». Подобной «двусмысленностью» отличались не только отдельные слова, но и целые куски текста:

«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!».

Эти слова Миллера таили в себе и иной, гораздо более широкий смысл: они говорили о родине, которая будет любовно ждать возвращения своих сынов. В этих словах были запечатлены тревожные думы поэта о будущем, которое ждало его друзей и товарищей.

И, наконец, стих «Войнаровского» отличается свободной рифмовкой, еще отсутствовавшей в «Думах»:

При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца
В избытке чувств текли, как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали;
И, как друзья, в глуши лесной
Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл
И поздний час и сон отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

В этих тринадцати стихах система рифмовки меняется трижды; это изменение можно было бы обозначить: *абаб* — *аббаб* — *абба*. Подвижность рифмовки придавала рылеевскому стиху исключительную живость и гибкость. Следует отметить, что здесь Рылеев следовал за Пушкиным, поэма которого «Кавказский пленник» построена по той же системе свободной и гибкой рифмовки.

Резко отзываясь об искажении в «Войнаровском» истории Украины, Пушкин, однако, высоко ценил художественную выразительность рылеевской поэмы. 25 мая 1825 г. он писал

Вяземскому и Л. С. Пушкину о только что вышедшем «Чернеце» Козлова: «Эта поэма, конечно, полна чувства и *умнее* Войнаровского, но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал»[33]. Пушкин имел в виду следующие строки из описания кошмара Мазепы:

«Вот, вот они!.. При них палач! —
Он говорил, дрожа от страху: —
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...
И вот другая!.. Все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут!..».

Н. А. Бестужев вспоминал что, прочитав в подаренном ему экземпляре «Войнаровского» эти стихи, Пушкин вымарал все место о палаче, а на полях возле строки «Вот засучил он рукава...» написал: «Продай мне этот стих!»[34].

П. А. Муханов в апреле 1824 г. писал Рылееву: «„Войнаровский" твой отлично хорош; я читал его М. Орлову, который им любовался; Пушкин тоже, и тебе стыдно, любезный друг, что ты спишь, а не пишешь... Если ты позволишь сказать тебе то, что юго-западные русские литераторы говорят о твоем дитятке, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то́ говорю, что подслушал.

1. Описание Якутска хорошо, но слишком коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, между тем как эпизод сей новостью предметов был бы очень оригинален. Представя разительно Сибирь, ты бы написал картину новую совершенно.

2. Описание охоты Войнаровского должно быть тоже несколько пространнее, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятие ссыльных и жителей, которые проводят свои дни с зверями, и тем более выказать род жизни Войнаровского. Тогда прекрасное описание бега оленя будет более кстати. Теперь оно кажется введенным на сцену как бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера и Войнаровского.

3. Пушкин находит строфу *и в плащ широкий завернулся* единственною, выражающею совершенное познание сердца человеческого и борение великой души с несчастием. Но рассказ пленных, сам по себе будучи очень удачен, требовал бы некоторого введения; ибо „Я из Батурина недавно" могло бы

быть предшествуемо описанием пленных и сверх этого представить картину людей, толпящихся узнать о своем отечестве. Стих „дивились мы его уму" очень нехороший, ибо можно было дивиться его характеру, духу и проч., а не уму. Вообще находят в твоей поэме много чувства пылкости. Портрет Войнаровского прекрасен. Все это шевелит душу; но много нагих мест, которые ты должен бы украсить описанием местности. Орлов говорит, что, соединив высокие чувства с романтизмом, ты бы чрезвычайно украсил свою поэму. „Он, верно, боялся растянуть действие, но эпизоды в моде; с его сильным чувством можно бы оригинальными красками представить картину земли изгнанья"»[35].

Несмотря на то, что эти советы исходили от бывших членов Союза Благоденствия,— Муханова и Орлова, Рылеев не мог их принять, не повредив своему замыслу. Пожелания Муханова сводились к широкому развитию чисто описательных картин и к такому расширению «местного колорита», в котором потонули бы гражданские тенденции поэмы. Рылеев пользовался этнографическими деталями лишь в той степени, в какой они ему были нужны для решения основной политической проблемы. Больше всего «Войнаровскому» повредило бы растянутое действие. То, что Муханов называл «нагими местами», было большим достижением Рылеева-поэта. Избегая пространных характеристик и описаний, он достигал этим стремительного развития действия.

Черновая рукопись «Войнаровского» содержит ряд точных этнографических подробностей, которыми Рылеев, однако, пожертвовал в интересах целого. К ним принадлежит, например, следующий отрывок первой части поэмы:

Безлюдного, глухого края
Порой нарушат тихий мир,
Иль ветр, верхи дерев качая,
Иль полудикий юкагир,
Стремящийся на лыжах птицей,
С готовой на луку стрелой,
За чернобурою лисицей
Или за ланью молодой[36].

В поэме «Войнаровский» Рылеев сделал значительный шаг вперед по сравнению с «Думами». Пользуясь уже не только двумя главными красками, как это было в «Думах», но и всей палитрой романтической живописи, Рылеев сумел нарисовать сложный и противоречивый характер своего героя. Он изобразил Войнаровского отважным в его ратных подвигах, верным в любви к казачке, мужественным в жизненных испы-

таниях и главное — полным глубокой любви к родине. Психологический анализ доведен в романтической поэме Рылеева до такой глубины, какой у него никогда не было ранее.

Преодолевая трафаретность портретов «Дум», Рылеев создает в «Войнаровском» многосторонний «динамический» портрет героя:

Но кто украдкою из дому,
В тумане раннею порой,
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной;
В полукафтаньи, в шапке черной
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра казак проворный
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.

Этот первый портрет героя поэмы, сам по себе отличающийся определенностью и психологической содержательностью, затем обогатился новыми деталями. Читатель узнал далее о том, что Войнаровский не улыбается, что у него в усах и в бороде много седины, что на его челе заметны «бразды печали, как отпечаток тяжких дум». Вплоть до самого конца поэмы портрет героя насыщается новыми деталями.

Воспроизводя общие черты жанра романтической поэмы Байрона и Пушкина, Рылеев вместе с тем придал ему в «Войнаровском» черты глубокого творческого своеобразия. Так, например, в его поэме не было традиционной борьбы героя с соперником (ср. «Цыганы») или героини с соперницей (ср. «Бахчисарайский фонтан»), любовь Войнаровского и казачки была счастливой и продолжалась всю их жизнь. Основной конфликт «Войнаровского» лежал не в сфере личных отношений персонажей, а в области политической борьбы.

Характеризуя стиль поэмы, следует отметить ее связи с устным творчеством украинского народа. Рылеев не использовал в «Войнаровском» тех украинских песен, в которых подчеркивалось коварство Мазепы, его предательство по отношению к Петру. Но, обходя молчанием эти мотивы, Рылеев широко пользовался украинским фольклором там, где ему нужно было изобразить природу, быт и пр. Говорил ли поэт о ветре, шевелящем «сухой ковылью», или о псах и волках, теребящих на поле брани тела убитых воинов, или о могиле, которая «уныло с ветром говорила», — во всех этих случаях

он опирался на традицию украинской народной песни. В «Думах» этой связи с фольклором еще не было, в «Войнаровском» она несомненна. Как мы увидим далее, связь с устным народным творчеством будет крепнуть у Рылеева от поэмы к поэме.

«Войнаровский» отличался от подавляющего большинства романтических поэм 20-х годов подчеркнуто-политической идеей и тематикой, служившей раскрытию этой идеи. Образы «изгнанников» не раз фигурировали в поэмах 20-х годов, но никогда они еще не были столь определенными в общественно-политическом плане. Герой Рылеева ушел от «света» не из-за неудачной любви, не потому, что испытал тяжесть лицемерия, и ушел он не добровольно, а потому, что был побежден в неравной схватке с «самовластьем». Многим обязанный поэмам Пушкина, «Войнаровский» отличался от «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» и в идеологическом, и в стилистическом отношениях.

«Войнаровский» был единственной русской романтической поэмой, легально пропагандировавшей идеалы декабристов. Именно этому служила композиция рылеевской поэмы, где центральное место принадлежало монологам героя. Именно об этом говорили указания поэта на «просвещенную беседу», которую с таким увлечением вели два только что познакомившихся друг с другом человека:

При строгой важности лица,
Слова высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца,
В избытке чувств текли, как волны..
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали;
И, как друзья в глуши лесной,
Взаимно души открывали.

Многозначительны постоянные указания на «высокие» и «важные» мысли героев. Эти мысли окрашены в тона политической активности. Романтический поэт боролся за сильного волей человека, умеющего сражаться за отчизну: «Но мне ли духом унижаться? Не буду рока я рабом...». Поэма Рылеева направлена была против «сердец холодных», этих «врагов родной страны».

Рылеев превосходно сознавал, что его поэма может не понравиться записным ценителям отвлеченной красоты. Он сознательно подчинял здесь поэзию «пользе» политической пропаганды. Адресуя «плоды трудов» своих А. А. Бестужеву, он писал в посвящении:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

В «Войнаровском» Рылееву удалось создать новый, революционный вариант романтической поэмы, решительно противостоящий ее консервативному варианту, представленному поэмами Жуковского («Вадим»), Козлова («Чернец») и др. Свойственный романтикам субъективизм не приводил Рылеева к уходу от действительности, столь характерному для школы Жуковского. Героем поэмы Рылеев избрал не отшельника и не изгнанника-индивидуалиста, а гражданина-патриота, самоотверженно борющегося за свободу родины. В «Войнаровском» не было и тени мистицизма, погружения в фантастику, поэт повествовал о земном, исторически-конкретном. Любовная тема не приобрела здесь того гипертрофированного выражения, какое она имела в «Вадиме» и «Чернеце». Любовь рисовалась здесь как духовная связь политического борца и до конца ему верной «подруги».

«Войнаровский» — политическая поэма, насквозь пронизанная тенденциями декабризма. История была здесь лишь средством для постановки жгучих проблем современности и все — тематика, система образов, пейзаж и бытовое описание, иносказательный язык, эмоциональность повествовательной манеры — направлено было на пропаганду самых важных и очередных задач, стоявших перед Северным тайным обществом накануне 14 декабря. Знаменательно, что члены тайного общества в Москве (как об этом свидетельствовал декабрист Горсткин) собирались специально для «рассуждений о поэме» Рылеева. Декабрист Лихарев говорил на следствии о том, как он любит стихи «Войнаровского» и в творце этой поэмы «полагает пламенное сердце» [37]. Его признание могли бы повторить многие декабристы.

V

Прогрессивная критика 20-х годов единодушно отмечала достоинства «Войнаровского». «Соревнователь просвещения и благотворения» указывал, что автор поэмы «воспользовался свежими еще и яркими красками сей суровой страны. Описания тамошней природы составляют самую лучшую часть поэмы. Характер героя мог бы, кажется, быть еще живее и решительнее. Впрочем эта поэма принадлежит к числу занимательнейших памятников словесности нашего времени» [38].

Рецензент «Северного архива» писал о чтении Рылеевым первых отрывков поэмы: поэт «в резких чертах представил характер изгнанника, борющегося с долговременным несчастьем. Картины природы описаны превосходно в сих отрывках: глубокое познание сердца человеческого и точное направление страстей сообразно обстоятельствам жизни показывают, что автор наблюдал природу в ее святилище, то есть в самом сердце»[39].

В известной части русской критики 20-х годов даже высказывалась мысль о большей художественности «Войнаровского» по сравнению с романтическими поэмами Пушкина. Эту точку зрения впоследствии развил Н. Бестужев, писавший, что «Войнаровский» «по соображению и ходу стоит выше всех поэм Пушкина, оригинального только в „Цыганах", хотя по стихосложению никак не может равняться ни с самыми слабыми произведениями сего поэта»[40]. Это мнение, конечно, было ошибочным, однако нельзя отрицать его характерность для декабристски настроенных читателей.

Художественные достоинства «Войнаровского» с особой силой подчеркивал Огарев. Он указывал, что «в „Войнаровском" Рылеев становится действительным поэтом, несмотря на тот же субъективно-гражданский колорит целого. Стих, картинность, сила чувства и всюду проникающее благородство поэта — увлекательны»[41].

Поэма оказала значительное воздействие на русскую литературу. Уже В. И. Маслов отметил воздействие «Войнаровского» на поэзию А. Яковлева (см., например, его стихотворение «Чигиринский казак»), А. Подолинского («Гайдамаки»), на произведения Забеллы, Чужбинского, Н. А. Маркевича.

Органичнее было влияние «Войнаровского» на декабристскую поэзию 20—30-х годов. Как изобразитель Якутского края Рылеев прокладывает в «Войнаровском» дорогу Бестужеву-Марлинскому (баллада «Саатырь» и поэма «Андрей Переяславский»). Современный исследователь прав, указывая на созвучность «Андрея Переяславского «Думам» и поэмам Рылеева — в патриотической идее «общественного блага», в стремлении к всеобщему братству, в изобличении своекорыстия изменников, в романтической структуре повествования[42].

Близость к «Войнаровскому» чувствуется и в обращении декабриста Н. Ф. Заикина к М. И. Муравьеву-Апостолу:

Ты вспомнишь край полночный, одичалый,
Где мы в изгнании боролися с судьбой...[43]

Больше других мотивы рылеевской поэмы развивал В. Ф. Раевский. Явный перифраз начальных стихов «Войнаровского» встретится нам в «Думе» Раевского (1840):

Дале́ко мой стремится взор
Чрез эти снежные вершины,
Гряду гранитных стен и гор
На отдаленные равнины.

В. Ф. Раевский описывал снежные просторы Сибири, в которых ему, как и рылеевскому герою, предстояло закончить свои дни:

Я буду жизнь влачить, как тень,
Средь черни дикой, зверонравной,
Вдали от ветреного света,
В жилье тунгуса иль бурета,
Где вечно царствует зима
И где природа, как тюрьма;
Где прежде жертвы зверской власти,
Как я, свои влачили дни;
Где я погибну, как они,
Под ношей скорбей и напастей [44].

От «Войнаровского» ведет начало историко-революционный жанр, которому суждено было такое большое будущее в классической русской литературе.

Мотивы поэмы Рылеева нашли свое развитие в повестях Герцена, поэмах Огарева и Некрасова. Связь произведений последнего с «Войнаровским» особенно отчетлива. «Русские женщины» Некрасова были в какой-то мере предвосхищены историей казачки, отправившейся к ссыльному мужу:

«Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнанье.
О странник! Тяжко было ей
Не разделять со мной страданье...
. . . .
И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.
Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальной?»

Правда, метод Некрасова, по сравнению с Рылеевым, иной. Романтическим абстракциям «Войнаровского» он противопоставил реалистическую конкретность: он говорил о судьбе двух реально живших русских женщин — Волконской и Трубецкой. Самая тема следования за ссыльным мужем и борьбы

с препятствиями была раскрыта Некрасовым в сугубо реалистическом плане.

Немногие произведения русской поэзии 20-х годов пользовались такой популярностью, как «Войнаровский». Его текст вырезывался из альманаха «Полярная звезда», отдельное издание поэмы быстро сделалось библиографической редкостью. Еще в 20-е годы «Войнаровский» начал переводиться на иностранные языки.

Вместе с вольными стихотворениями Пушкина поэма эта «презрела печать». До напечатания отдельным изданием поэма «Войнаровский» долго ходила по рукам в рукописи; один из таких списков попал весною 1824 г. в Одессу, где с ним ознакомились Пушкин и Михаил Орлов. «Число копий поэмы было так велико, что несмотря на массовое уничтожение всех печатных и рукописных произведений Рылеева после 14 декабря, в центральных и областных архивохранилищах Советского Союза насчитывается более сотни списков „Войнаровского“ разной степени авторитетности, давности и полноты» [45].

Все это обусловливалось глубокой жизненностью избранной Рылеевым политической темы. Вот почему к «Войнаровскому» так часто обращался А. И. Герцен. Говоря о своей юности, он многозначительно вспоминал о Рылееве: «Я вынул Шиллера и Рылеева. Как ясны и светлы в ту минуту казались нам эти великие поэты! Мы читали одного и понимали глубокую, мечтательную поэзию его; читали другого и понимали его самоотверженную, страдальческую душу... певец Войнаровского смотрел на меня и мне говорил: „Ты все поймешь, ты все оценишь“» [46]. Герцен называл «Войнаровского» «произведением большой красоты», «энергической поэмой» [47], имея в виду, разумеется, ее революционную тенденцию. Того же мнения держался и Н. П. Огарев, писавший в 1860 г.: «Перечитывая „Войнаровского“ теперь, мы пришли к убеждению, что он и теперь так же увлекателен, как был тогда, и тайна этого впечатления заключается в человечески-гражданской чистоте и доблести поэта, заменяющих самую художественность, или лучше, доведенных до художественного выражения» [48].

Глава пятая

ПОЭМЫ О НАЛИВАЙКО И ПАЛЕЕ. ТРАГЕДИЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМ

I

Вступление Рылеева в ряды членов Северного тайного общества открыло новый период и в его политической деятельности, и в поэтическом творчестве.

М. И. Муравьев-Апостол свидетельствовал в показаниях Следственному комитету, что, приехав в Петербург летом 1823 г., он «застал Северное общество в совершенном расстройстве» [1]. Того же мнения придерживались о Северном обществе и другие его сочлены. Руководимое в 1821—1822 гг. «умеренными», монархически настроенными Никитой Муравьевым и Трубецким, почти не увеличивавшееся в составе Северное общество мало-помалу пришло в состояние упадка и оказалось на грани организационного распада.

Освободительному движению Рылеев служил и ранее; но лишь теперь, став членом тайного общества, он сделался убежденным революционером. «Пылкий юноша, — писал по этому поводу Н. А. Бестужев,— созрел постоянным и осторожным мужем; раздраженный смельчак переменился в скрытного и предприимчивого заговорщика; дерзновенный поэт — в обдуманного стихотворца, который уже не гремел проклятиями на площадях против эфемерных любимцев, но в сочинениях своих желал направлять умы соотчичей к единственной цели, к благородной свободе народов» [2].

Подготовленный к участию в тайном обществе всей своей прежней деятельностью, Рылеев сразу проявил себя как один из самых ревностных членов тайной организации. На совещании, состоявшемся в декабре 1823 г., он внес важные предложения о создании агитационной литературы. В марте 1824 г.

Рылеев был уже избран в руководящий орган Северного общества — Думу.

Тактика Никиты Муравьева сводилась к медленному воздействию на умы очень ограниченной группы заговорщиков, среди которых было мало молодежи. Рылеев решительно порвал с этой тактикой, отдав всю энергию укреплению состава Северного тайного общества и нимало не считаясь при этом ни с Н. Муравьевым, ни с Трубецким. Первого он оттеснил от руководства обществом, второго увлек за собою. Число членов Северного общества начало быстро расти. Вокруг Рылеева образовалась группа солидарной с ним офицерской молодежи. Сторонниками Рылеева были братья Бестужевы, Торсон, Оболенский, Беляевы, Арбузов, Сутгоф, Панов, позднее Каховский — почти все те, кто вынес на своих плечах тяжесть декабрьского восстания.

В противоположность конституционно-монархическому крылу «северян», Рылеев отстаивал в Северном обществе демократические и республиканские взгляды. Он высказывался за наделение крестьян не только огородною, но и полевою землею. Как та, так и другая, утверждал Рылеев, должны поступить в их собственность. Столь же решительно Рылеев возражал против предусматривавшегося конституцией Муравьева высокого имущественного ценза для избирателей, заявляя, что «это не согласно с законами нравственными» [3]. Он сурово критиковал английскую конституцию, которая «устарела, имеет множество пороков» и «обольщает только слепую чернь, лордов, купцов», не соответствуя интересам английского народа. Он критиковал также и американскую конституцию, говоря, что она «для России не годится». Рылеев был убежден, что государственное устройство буржуазной Англии и Соединенных Штатов не может быть образцом для России, что революционный переворот будет благом «для целого света», и все прочие страны «должны ждать всего от России» [4].

В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин писал о «республиканских идеях декабристов» [5]. Рылеев принимал виднейшее участие в распространении этих идей. С начала 1824 г. в нем, по выражению В. И. Штейнгеля, совершилась «перемена мыслей на республиканское правление», при котором только и могут создаваться «великие характеры», «истинные добродетели». Когда В. И. Штейнгель хотел однажды склонить Рылеева к конституционно-монархическим взглядам, он, по его собственному признанию, «в этом не успел» [6]. Конституционно-монархические симпатии были для Рылеева уже окончательно пройденным этапом политического развития. С этим критерием Рылеев и подходил к приему новых членов в тайное общество: так, например, Каховский был им

принят, когда Рылеев приметил в нем «образ мыслей совершенно республиканский и готовность его на всякое самоотвержение...» [7].

С Рылеевым, как с очень крупной и влиятельной фигурой в декабристском движении, начали считаться и члены Южного тайного общества. Знаменательно, что, приехав в Петербург весною 1824 г., Пестель уделил много внимания переговорам именно с Рылеевым: он видел в нем подлинного руководителя «северян», которым бездействие Н. Муравьева и Трубецкого только «связывало руки». Рылеев оценил по заслугам энергию Пестеля, назвав его в разговоре со Штейнгелем «человеком с головою и характером». Правда, Рылеев не соглашался с Пестелем в ряде существенных вопросов стратегии и тактики движения (например, о созыве Верховного Собора); он возражал и против диктаторских тенденций Пестеля. Однако Рылеев солидаризировался с Пестелем в решающем вопросе — о необходимости объединения обеих организаций на республиканской платформе и совместном вооруженном выступлении [8].

Имя Рылеева как виднейшего организатора «северян» становится особенно популярным с 1824 г. Именно тогда Петр Бестужев, по свидетельству декабриста Дивова, «принес к нам стихи сочинения Рылеева, и сии стихи и рассказы Бестужева о нем познакомили меня и Беляевых с образом мыслей Рылеева. В сие время спросил я у него, что одинаково ли думает и меньшой его брат, т. е. Бестужев 5-й.— Разумеется, одинаково, — отвечал он мне, вы можете судить и по тому, что он часто бывает у Рылеева, а там хоть кого обратят к свободному образу мыслей» [9].

Это свидетельство возросшей известности Рылеева может быть подтверждено рядом других. А. В. Поджио, встретивший Рылеева на одном из совещаний в декабре 1823 г., увидел в нем «человека, исполненного решимости» [10]. Замечательно, как оба эти декабриста сошлись друг с другом в критике пассивной тактики конституционного крыла «северян». Поджио иронизировал, что Никита Муравьев «ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями» [11]. Как созвучна этим словам Поджио декларация Рылеева в одном из его набросков к поэме «Наливайко» (начало 1825 г.):

Нет примиренья, нет условий
Между тираном и рабом;
Тут надо не чернил, а крови,
Нам должно действовать мечом.

Уже в 1824 г. М. И. Муравьев-Апостол имел основания противопоставить осторожного конституционалиста Никиту

Муравьева, который «только что толкует всем членам быть осторожнее» и пламенного республиканца Рылеева, находившегося «в полном революционном духе» [12].

II

Завершив первую романтическую поэму, Рылеев с энергией взялся за работу над несколькими другими поэмами — «Хмельницким», «Палеем» и особенно «Наливайко». Ни одно из этих произведений не было закончено поэтом, однако в них он поднялся на новую ступень идейно-художественного развития. По справедливой оценке Н. А. Бестужева, «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта» [13].

К числу этих незавершенных поэм относится поэма Рылеева из казацкого быта. Вернее было бы ее назвать только задуманной, поскольку от нее уцелела одна первоначальная программа. Судя по ней, в центре повествования должен был находиться романтический образ разочарованного героя, одного из прямых потомков пушкинского «кавказского пленника». «Он любит Асиату, но старается преодолеть в себе страсть; он предназначил себе славное дело, с которым он должен погибнуть непременно, и всё цели своей приносит в жертву; он радуется до восхищения чужой храбростью и добродетелью и каждым великодушным поступком трогается до слез; а сам совершает чудные дела, вовсе того не замечая. Мир для него пуст: друг убит, он отомстил за его смерть, жизнь для него бремя, он алчет истребиться, и живет только для цели своей; он ненавидит людей, он любит все человечество, обожает Россию и всем готов жертвовать ей; он презрел людей, но не разлюбил их. Никто более его не имеет врагов и друзей в горах» [14].

Образ, намеченный в этой программе, не был художественно раскрыт Рылеевым, вероятно, по независящим от него обстоятельствам. В самом деле, как можно было изобразить эпического героя, предназначившего «себе славное дело, с которым он должен погибнуть непременно», героя, «ненавидящего людей», но «любящего все человечество», героя, который «обожает Россию и всем готов жертвовать ей»? Поэма с таким героем, написанная на современном Рылееву материале, не была бы, разумеется, пропущена цензурой.

В широкой и эмоциональной манере рисовался русский партизанский бивак в отрывке «Партизаны»:

Плащи навешаны шатром,
На пиках, в глубь земли вонзенных;
Биваки в сумраке ночном,

Вокруг костров воспламененных!
Средь них, толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.
Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег;
Заботы трудны боевые,
Но весел шумный их ночлег...

Судя по названиям казацких полков, по лесному и негористому пейзажу, напоминающему Белоруссию, а главное — по обстановке боя, характерной для партизанской борьбы, Рылеев намерен был изобразить здесь Отечественную войну 1812 г. Отрывок этот отмечен влиянием аналогичных ему по теме стихотворений Дениса Давыдова и Пушкина.

Оба эти замысла не получили реализации. В 1825 г., как и двумя годами ранее, Рылеева влекла к себе историческая поэма: именно она позволяла ему широко и остро ставить проблематику декабристского движения. Внимание поэта по-прежнему приковывала к себе история Украины, героическая борьба ее народа за национальную независимость.

Продолжая интересоваться эпохой казацких войн, Рылеев решил написать большую поэму о людях этого времени. Три напечатанные им при жизни отрывка — «Песня сторонников Мазепы», «Гайдамак» и «Палей» — представляются различными частями большого, так и не завершенного эпического полотна.

«Песня сторонников Мазепы», по предположению Ю. Г. Оксмана, должна была входить в трагедию о Мазепе, над которой Рылеев работал в 1822 г. и которую он оставил для «Войнаровского». Основания для такого утверждения Ю. Г. Оксман находил в том, что песня «С самопалом и булатом» и «два других стихотворных отрывка, явно относящихся к тому же сюжету, набросаны на одном листе с черновыми стихами „По небу голубому плыл месяц молодой“, предшествовавшими, как известно, „думе“ „Державин“ и написанными, следовательно, до осени 1822 г.» [15]. Довод этот не кажется нам основательным, поскольку Рылеев любил новые замыслы заносить на старые, лишь частично заполненные листы. Кроме того, трудно представить эту песню частью драматического повествования; в эпосе, наоборот, она звучала бы вполне органично. В «Песне сторонников Мазепы» совершенно нет того мелодраматизма, которым отличается дошедший до нас план трагедии «Мазепа». Перерабатывая «Думу гетмана Мазепы», напечатанную Д. Н. Бантыш-Каменским в приложениях к его книге [16], Рылеев сохранил ритм походного марша, свойственный украинскому оригиналу.

Другие дошедшие до нас отрывки той же поэмы сильно отличаются от этого в идейно-художественном плане. Я имею здесь в виду прежде всего «Гайдамака». В нем нет никаких намеков на политическую борьбу Мазепы и его сторонников. Ночью в глухой степи два запорожских казака тщетно поджидают третьего. Они совершили кровавые набеги против «хищных крымцев и поляков», подобные тем, в которых в годы своей юности участвовал Войнаровский.

Стихи «Гайдамака» «Сбылось желанье: саранчой мы понеслися под Очаков» дают известное основание связать персонажей этого отрывка с полковником Палеем, о котором в примечаниях Рылеева к «Войнаровскому» сообщалось, что «Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг стен своих». Несколько далее Рылеев говорил о жестокостях Гайдамака во время набегов:

То было в замке богача,
Убитого им на Волыни,
Где превратил он все в пустыни.

И эта подробность также подводит нас к жизни Палея, который «брал и палил польские города, и, опустошив край Волыни, овладел Трояновкою» [17]. Таким образом, отрывок «Гайдамак» может быть отнесен ко времени деятельности Палея, точнее к 90-м годам XVII столетия.

В указанных выше примечаниях к «Войнаровскому» Палей был охарактеризован как отважный предводитель «заднепровских наездников». Именно таким он представлен в отрывке, озаглавленном «Палей» и изображающем ратный подвиг украинского полководца, которому удалось вырваться из вражеского окружения.

Все три отрывка являются, таким образом, частями большого эпического полотна, границы которого, может быть, не вполне ясно представлял себе и сам Рылеев. В этих отрывках поэт в значительной мере уже преодолевал схематичность «Войнаровского». Перед нами проходят разнообразные картины жизни Украины, оба ее враждующие между собою стана, в изображении которых Рылееву удалось достичь большой эпической широты.

Художественные достижения поэта в этих отрывках велики. Поэт создает удалую казацкую песню, выразительный портрет гайдамака, выдержанный в сугубо романтической манере:

Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе

Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Чтобы, хотя на миг единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.

Превосходен в этих отрывках и пейзаж, предельно точный при всей своей экспрессивности:

Несется ночь... И вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травою
Передрассветный ветерок;
Уж погасает огонек,
И вьется тонкою струею
Во мгле редеющей дымок...

Не менее художественен был и второй отрывок—«Палей». Пушкин высоко ценил изображение бегства Палея от несметной толпы врагов:

Сквозь густоту толпы упорной
Несется он, как ветр нагорной.
Вот вправо, влево — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью — и стрелою
Слетел с брегов, отваги полн,
И вот — средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветр, река ревет...
Уж он спокойно на средине
Днепра шумящего плывет.

«Истинная повествовательность», которую Пушкин находил в «Войнаровском», еще ярче раскрылась здесь, в скоплении глаголов, обозначающих разнообразие и быстроту действий. В отличие от «Гайдамака» в «Палее» нет обилия подробностей и отступлений: картина бегства полна движения и экспрессии.

Уже В. И. Маслов указал на близость языка «Гайдамака» и украинских «дум», собранных в публикациях Н. А. Цертелева («Опыт собрания старинных малороссийских песней», СПб., 1819). Отсюда пришли к Рылееву и «сизоперые орлы», и «семипядные пищали», и многие другие выражения. Благо-

творным влиянием украинского фольклора овеяны и стихи отрывка «Палей», в частности его зачин: «Не тучи солнце обступали, не ветры в поле бушевали», восходящий к украинской «думе» о смерти Богдана Хмельницкого:

То не горні хмари ясне сонце заступали,
Не буйнії вітри в темнім лузі бушевали [18].

«По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и, кажется, дело до меня не касается. Если *Палей* пойдет, как начал, Рылеев будет министром» [19]. В этих словах письма к брату (январь — февраль 1825 г.) Пушкин с исключительной яркостью охарактеризовал быстрый творческий рост Рылеева и надежды, которые возлагались на него как на поэта.

III

Среди начатых, но незавершенных Рылеевым поэм центральное место занимает «Наливайко». В нем Рылееву с наибольшей полнотой удалось отразить героику украинского национального движения XVI в. и в то же время раскрыть характернейшие настроения «северян» накануне восстания 14 декабря. История и современность не противоречили здесь друг другу, не вступали между собой в ожесточенную борьбу, как это произошло в первой поэме Рылеева.

Успех «Войнаровского» был в немалой мере снижен тем, что поэту пришлось, по самой логике его повествования, извинять и даже идеализировать вождей антинационального восстания. Рылеев, несомненно, понимал это. На этот раз он избежал ошибки, обратившись к борьбе украинского народа против угнетавшей его на протяжении веков шляхетской, панской Польши.

В основу новой романтической поэмы была положена глубоко прогрессивная идея.

Рылеев начал работать над поэмой «Наливайко» в конце 1824 г. В «Полярной звезде на 1825 год», вышедшей в свет 21 марта 1825 г., появились три отрывка из поэмы. Месяцем раньше, 12 февраля 1825 г., Рылеев писал Пушкину: «Очень рад, что „Войнаровский“ понравился тебе. В этом же роде я начал „Наливайку“...» [20]. Работа над поэмой шла очень быстро до весны 1825 г. Затем Рылеева оторвали от «Наливайко» его новые эпические замыслы и в еще большей мере организационно-политическая деятельность в Северном обществе.

О том, как должен был развиваться сюжет «Наливайко», мы узнаем из краткой программы этой поэмы, сохранившейся в бумагах Рылеева: «Сельская картина. Нравы Малороссии. Киев. Чувства Наливайки. Картина Украйны. Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Восстание народа. Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпилог».

Написав эту программу, Рылеев тотчас же сделал к ней два дополнения. Первое из них («Церковь. Пещеры. Поход казаков. Молитва Наливайки») по смыслу плана должно было следовать за фразой «Новые жестокости поляков». Второе («Наливайко в темнице. Он может и не хочет бежать») вне всякого сомнения должно было предшествовать фразе «Казнь их».

Уже из этого плана видно, как сильно изменился по сравнению с «Войнаровским» подход Рылеева к материалу. Если там все события преломлялись через сознание главного действующего лица, то здесь, помимо раскрытия субъективных помыслов героя («Молитва Наливайки» и др.), поэт воссоздавал украинские нравы, рисовал польских угнетателей и, наконец, широкую картину вооруженной борьбы двух лагерей. Автор «Наливайко» стремился рассказать о различных сторонах украинской жизни XVI в., не передоверяя при этом герою функций повествователя.

Дошедшие до нас отрывки поэмы свидетельствуют, что Рылееву удалось верно показать тогдашнее состояние Украины. Он начал «Наливайко» с изображения древней украинской столицы, попавшей под пяту угнетателей:

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

В отрывке «Киев» было выразительно показано блестящее прошлое этого города, центра торговли в древней Руси и оплота христианства. Вслед за этим поэт-декабрист создал картину весны на Украине, подчеркивая контраст между ликованием природы и тоской порабощенного народа.

Не написав еще картины, изображавшей исконных врагов Украины и тех «притеснений и жестокостей», которые панская Польша обрушивала на головы украинских крестьян, поэт в дальнейших отрывках поэмы изображал своего главного героя. Картина украинской жизни XVI в. как бы отходила здесь на второй план. Рылееву предстояло еще изобразить восстание

народа, избрание Наливайко украинским гетманом, «новые жестокости поляков», поход, сражение, тризну, мир, арест и казнь вождей национально-освободительного восстания. Однако на этой стадии работы над поэмой Рылеев занят был по преимуществу раскрытием образа свободолюбивого героя. Он писал поэму вразброс, стремясь прежде всего к созданию тех ее частей, которые доставили бы особенно красноречивый материал для декабристской агитации.

Рылеев с исключительной настойчивостью подчеркивал в характере Наливайко те черты, которые объединяли его с украинским народом и делали его выразителем самых заветных чаяний украинцев:

«Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине».

Взращенный самобытной культурой своего народа, Наливайко воспринял от него страстную волю к борьбе:

«Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
„Пора! — мне шепчет голос тайный,—
Пора губить врагов Украйны!“».

Как и Войнаровский, Наливайко живет мыслью об освобождении родины. Но в отличие от «Войнаровского», где эта проблема решалась ложно, в «Наливайко» ей было дано правильное историческое разрешение. Сын Украины, кровно связанный с народом, Павел Наливайко должен был явиться его защитником и мстителем за его попранную свободу.

Подобно Войнаровскому, Наливайко оказался побежденным в неравной борьбе. Но если поражение Войнаровского объяснялось прежде всего тем, что украинский народ не поддержал его и Мазепу, поскольку поднятый ими мятеж против Петра был резко враждебен национальным интересам Украины, то причины поражения Наливайко лежали в другой области. Родной ему народ забит, порабощен и не может еще подняться на борьбу со своими угнетателями. Наливайко — передовой борец, обреченный на гибель из-за слабости стоящих за ним сил.

Образ Наливайко был наделен Рылеевым многими привлекательными качествами — храбростью, вполне раскрывшейся в его схватке с чигиринским старостой, благородством и главное — безграничной преданностью родине. Герой Рылеева религиозен — Наливайко посещает Киевскую лавру; преклоняясь перед иконой Марии, он молится об «угнетенных земляках». Эта черта его духовного облика ни в какой мере не противоречит действительности: как мы знаем, шляхетская Польша стремилась уничтожить на Украине влияние православной церкви, которую ревностно защищали украинские патриоты XVI—XVII вв.

Картины истории в «Наливайко» многозначительно обращены непосредственно к декабристской борьбе. Эти отличительные особенности творческого метода Рылеева отразились в первую очередь в образе главного героя поэмы. Один из отрывков «Наливайко» является диалогом героя с его другом, Лободой, который полон сомнений в успехе украинского восстания. В ответ на упреки Наливайко в излишней осторожности, Лобода говорит:

«Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит,
Нередко дума сердце мучит,
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навек страною будет плача».

Мы не знаем, доподлинно ли испытывал полковник Лобода эти сомнения в успешном исходе восстания украинского казачества. Однако вопросы, поставленные им перед Наливайко, исключительно злободневны для 1824—1825 гг. «Не тщетно ли прольется кровь? Что, если снова неудача?» — так могли говорить (и, конечно, говорили) те члены тайных обществ, которые сомневались в успехе подготовлявшегося ими восстания против самодержавно-крепостнического режима.

Рылеев отвечал этим колеблющимся людям устами Наливайко:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—

Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

Этот ответ был правильным не только для времени, в которое жил Наливайко, но и для позднейших периодов освободительного движения, в том числе и для 1825 г. Победа не приходит сразу, ее надо завоевать в жестокой борьбе. Авангард революционной армии может оказаться в опасном положении, он рискует погибнуть. Но даже гибель, на которую обречены «судьбою» эти передовые борцы, не может устрашить тех, кто проливает кровь за свободу родины.

Сила этих стихов «Исповеди Наливайки» — и образа героя, и всей поэмы в целом — в том именно и состояла, что она раскрывала глубоко верную мысль об исторической прогрессивности даже неравной борьбы, если она ведется за передовые идеалы своего времени. Ни в одном произведении Рылеев не раскрыл этой идеи с такой силой и выразительностью, как в «Наливайко».

Наряду с образом героя здесь обращает на себя внимание и образ народа. Его покорность насильникам печалит Наливайко:

Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны,
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,
Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей.

Рабское состояние искажает национальный облик народа. Настала пора подняться и сбросить с себя «цепи невольничьего страха» (слова из послания Рылеева к Ермолову):

«А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх,
Все пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный лях
Ругается над казаками».

Рабская покорность обрекает народ оставаться жертвой «тирании». И наоборот, тот народ, который обретет в себе силу подняться на борьбу против угнетателей, обогатится в

процессе этой борьбы драгоценными чертами характера, утраченными им в рабском состоянии:

«Смотри,— он Лободе сказал,—
Как изменилось все. Давно ли
Казак с печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы;
Бессмертна к родине любовь,
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь».

Эти стихи «Наливайко» исключительно характерны для поэта-декабриста. Рылеев, как и его герой, с печалью видел черты смирения в облике родного народа. Однако он, как и Наливайко, не проникался пессимистическим неверием в силы народа. Борьба за свободу оживит народ, воспитает в нем новые черты национального характера. В этой борьбе с народным «терпением», в этих призывах к революционной борьбе, в этой глубокой вере в силу народного духа автор «Наливайко» является несомненным предшественником Некрасова.

По сравнению с «Войнаровским» в «Наливайко» гораздо большую роль играла масса, украинский народ. Однако народ не занимает и здесь центрального места: он только идет за Наливайко, вослед герою, ведущему его к освобождению.

В этой неоконченной поэме к числу образов, которые раскрыты более или менее подробно, помимо Наливайки, принадлежит лишь Лобода.

В «Войнаровском» Рылеев вынужден был прибегнуть ко многим сюжетным умолчаниям. Читатель не мог сочувствовать изменнику, и потому в поэме возник образ «ссыльного», ценою жестоких страданий искупившего свои давние прегрешения. В «Наливайко» нужды в подобных натяжках уже не ощущалось. Действие поэмы должно было развиваться последовательно, раскрывая перед читателем главные этапы жизни Наливайко, все основные фазы освободительной борьбы украинского народа в XVI в. — от первых решений его восстать до кровавого разгрома и жестокой казни руководителей казачества польскими панами.

Судя по программе и дошедшим до нас отрывкам, Рылеев должен был раскрыть перипетии этой борьбы, не избегая ее жестоких подробностей. Это явствует и из законченного им эпизода «Смерть Чигиринского старосты», и из дважды сделанных упоминаний о «притеснениях и жестокостях поляков».

В этом подчеркнуто «кровавом» духе изображен ночной кошмар польского гетмана Жолкевского:

Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспылал.
И над высокими домами
Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:
«Свершилось все... на вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий.
Погиб, но он погиб за братий».
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал,
И, головы бросая в пламень,
Назад в стенании бежал
И упадал на хладный камень.

Этот эпизод «Наливайко» изобилует мелодраматическими эффектами. Однако нельзя считать их типичными для поэмы в целом.

Занятый по преимуществу изображением Наливайко, Рылеев сравнительно редко обращается в поэме к быту и природе Украины. В поэме гораздо меньше пейзажей, чем в «Войнаровском». Те, что созданы, отличаются простотой и вместе с тем поэтичностью:

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Все отрясает зимний сон:
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкой,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкой,
Благоуханьем напоен.

Эта картина украинской весны должна была резче оттенить страдания людей:

Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны.

Повествование «Наливайко» отличается спокойным ритмом, одна картина неторопливо сменяется другой.

Поэтическая речь поэмы отличается стремлением к простоте. Здесь уже нет того неудержимого потока гиперболических эпитетов и сравнений, который свойствен языку «Войнаровского»:

Но Наливайко всех сильней
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на сердце таит;
Родных, друзей, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отрадно, сладко там,
Он грусть душевную отводит
В беседе там с самим собой,
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит.

Отрывок насыщен глаголами, точно и сжато характеризующими переживания Наливайко. Рылеев словно отказывается здесь от языковой расточительности предыдущей поэмы.

Возросшее мастерство поэта ярко иллюстрируется «Смертью Чигиринского старосты». Мы словно видим казацкого вождя, несущегося по степи на вороном аргамаке, видим приближающегося к нему вражеского всадника, их схватку, закончившуюся бегством «младого ляха»:

Летит, как ястреб, витязь вслед;
Коня измученного колет
Или в ребро, или в хребет,
И в дальний бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...

Читатели 20-х годов по достоинству оценили этот отрывок поэмы «Наливайко». «Смертью Чигиринского старосты» восхищался Дельвиг, отрывок этот понравился и Пушкину. Н. П. Огарев впоследствии писал: «В „Наливайке“ Рылеев становится мастером. Напомним для примера „Смерть Чигиринского старосты“» [21].

Традиция романтической поэмы подверглась в «Наливайко» дальнейшему обновлению. В центре поэмы стоит образ политического борца, сознательного и деятельного. Любовная интрига, оттесненная на периферию уже в «Война-

ровском», здесь отсутствует вовсе. Рассказ ведется от лица автора, чем достигнута бо́льшая, чем раньше, объективность повествования. Язык «Наливайко», свободен от диалектных слов, игравших в «Войнаровском» значительную роль.

IV

Критика 20-х годов с восторгом встретила эти отрывки из рылеевской поэмы. П. А. Вяземский в отзыве, напечатанном в журнале Н. Полевого «Московский телеграф», находил в «Наливайко» «сильные мысли и правильные, чистые стихи»[22]. Особенно сочувственной была пространная рецензия «Сына отечества»: «Отрывки из поэмы „Наливайко“, сочинение г. Рылеева, определяют меру его дарования и возбуждают пламенное желание, чтобы сия поэма скорее вышла в свет. В описании „Смерти Чигиринского старосты“ находятся такие подробности единоборства, такая быстрота в рассказе, такая пылкость в движении, что это место бесспорно могло бы украсить лучшую из эпических поэм. „Описание Киева“ можно назвать исторической панорамою местности. Поэт в тесных рамках представил всё прежнее его величие, всю красоту и богатство древнего русского града и всё его уничижение под игом чуждых властителей. Но самая цветистая ветвь в стяжанном автором венце есть „Исповедь Наливайки“. Здесь видишь отпечаток души великой, непреклонной, воспламененной любовью к родине. Наливайко мыслит как герой, говорит как неукротимый сын природы, чувствует как человек, не рожденный пресмыкаться под игом иноплеменных. Общий голос читающей публики согласно подтвердил мнение мое насчет отрывков из поэмы „Наливайко“. Должен заметить, что слог г. Рылеева с некоторого времени принял необыкновенную гладкость, которая, в соединении с отличительными качествами слога его, т. е. простотою рассказа, пламенными порывами чувства и быстротою действия, образует стихосложение, чрезвычайно приятное для слуха, оригинальное и ему одному свойственное»[23].

И Вяземский, и рецензент «Сына отечества» выделили в своих отзывах «Исповедь Наливайки», которая в самом деле представляла центральный по идейно-художественной значительности отрывок поэмы. Наливайко исповедуется «святому отцу», говорит о готовности отдать жизнь на борьбу с угнетателями и изменниками:

Уже давно узнал казак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк —

Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.

Эти полные решимости речи Наливайки характеризовали не только (и, может быть, не столько) украинского казака XVI в., но и передовых русских людей перед 14 декабря. Русские читатели легко распознавали здесь второй, скрытый сюжетный план. Они понимали, что «закона» не было не только в Варшаве, но и в Петербурге, что и тут, и там «вотще народный слышен глас», ибо самодержавие бесчувственно к страданиям закрепощенного народа. Мысль Наливайки становилась особенно напряженной в финале его исповеди, в знаменитых стихах о неизбежности гибели передовых борцов.

Эти стихи появились незадолго до восстания 14 декабря 1825 г., они в сильнейшей мере взволновали передовую общественность России. Успех «Исповеди Наливайки» должен был быть громадным, и он оказался именно таким.

В «Полярной звезде» «Исповедь Наливайки» снабжена была следующим примечанием Рылеева: «Буйство и утеснения поляков на Украине переполнили меру терпения казацкого. Мститель их Наливайко, убив чигиринского старосту, решается освободить отечество от ляхов, поправших святость договоров презрением к правам казаков, и чистоту веры мучительским введением унии. Перед исполнением сего важного предприятия он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдает исповедь печерскому схимнику».

Авторский комментарий имел целью замаскировать «сегодняшний», злободневный смысл «Исповеди». И он достиг этой цели: цензор Бируков пропустил отрывок в печать, рассматривая его, как «сочинение... историко-романтическое», которое «относится к бурным временам Польши». По мнению цензора, «Исповедь Наливайки» отражала только события далекого прошлого и с этой точки зрения была вполне «благонамеренным» произведением. «„Наливайко“,— писал Бируков, — не представляется в оном возмутителем народа против законной власти, но защитником ее прав и общего блага, попираемого чужестранною державою. Правда, иные чувствования описываемого в нем героя слишком преувеличены, гиперболические; но сие обыкновенно бывает во всех историко-

романтических поэмах. Он изображается в нем готовым пролить кровь врагов Украйны и свою, готовым, если бы то можно было, принять на душу свою преступления всех известных ему грешников, только бы возвратить поруганное вероисповедание и свободу родной земле; но сии выражения не показались мне несовместными с его положением»[24].

Бируков был формально прав: в «Исповеди Наливайки» речь шла об Украине и Польше XVI в. Он только не учел второго, скрытого плана, не увидел современной, актуальной тенденции этого отрывка, заключавшего в себе резкий протест против деспотизма русского самодержавия.

Именно этот протест и ценили в «Исповеди Наливайки» автор, а вместе с ним и все передовые читатели эпохи. Правда, в оценке этого отрывка Рылеев разошелся с Пушкиным. «Ты, — писал он Пушкину 12 мая 1825 г., — ни слова не говоришь о „Исповеди Наливайки“, а я ею гораздо более доволен, нежели „Смертью Чигиринского старосты“, которая так тебе понравилась. В „Исповеди“ мысли, чувства, истина, словом, гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя, наоборот, в удальстве более дела»[25].

Пушкина «Исповедь Наливайки» не удовлетворяла. Напряженная романтика высоких чувств, равно как и подчеркнуто агитационная установка этого отрывка, являлась для Пушкина уже пройденным этапом творчества. Он отвечал Рылееву: «Об Исповеди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать»[26]. Сдержанная оценка Пушкиным этого отрывка была исключением: большинство русских читателей 1820-х годов чрезвычайно высоко оценило «Исповедь Наливайки». Это ярко выразил украинский поэт Н. А. Маркевич, писавший Рылееву: «Примите нашу общую благодарность; вы много сделали, очень много. Вы возвышаете целый народ — горе тому, кто идет на унижение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением... Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой и кому народы целые должны воздавать благодарность. „Исповедь Наливайки“ врезана в сердцах наших...»[27].

Сами декабристы были изумлены успехом «Исповеди Наливайки» и видели в нем доказательство широты влияния идей Северного общества. Д. И. Завалишин, по его собственному признанию на следствии, «не мог... понять, каким образом Рылеев давно не был потребован к допросу. Сочинения его, а в особенности „Исповедь Наливайки“, напечатанная в последней „Полярной Звезде“, не оставляла никакого сомнения насчет его мыслей и духа — я недоумевал, каким образом

они выходили в свет и охотно поверил силе общества, обширности связей и участию важных особ» [28].

Николай Бестужев справедливо видел в «Исповеди Наливайки» отражение наиболее сокровенных и заветных помыслов участников декабристского движения. «Когда Рылеев писал Исповедь Наливайки, у него жил больной брат мой Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал, Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принес их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила.

— „Знаешь ли,— сказал он,— какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою. Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах".

— „Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении, — сказал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян"» [29].

Характернейшим выражением революционной идеологии Рылеева считал «Исповедь Наливайки» и Герцен, писавший: «Он (Рылеев.— *А. Ц.*) идет на каторгу или на смерть; он это знает, но спрашивает: „Где же вы видели, чтобы свобода завоевана была без жертв?" „— Я знаю, — говорит казак Наливайко исповедывающему его священнику, я знаю, что́ меня ожидает, но я благославляю свою судьбу с радостью!" В этом весь Рылеев» [30].

Царская цензура вплоть до 90-х годов прошлого века не разрешала «Исповедь Наливайки» к печати. Несмотря на это, популярность отрывка у русских и зарубежных читателей была исключительно большой. «Массовое распространение списков „Исповеди Наливайки" заменяло запрещаемые в течение почти полустолетия перепечатки этого отрывка, который не только для русского, но и для западноевропейского читателя оставался тем не менее едва ли не самым известным из произведений Рылеева... Как свидетельствует М. П. Драгоманов, „ще в 50-ті роки, я пам'ятаю, „Войнаровский" і „Исповедь Наливайки" переписувались в наших потайних тетрадках поряд з творами Шевченка і читались з одинаковим запалом..."» В. И. Засулич, характеризуя круг своих ранних революционных впечатлений, пишет, что в самом начале 60-х годов «откуда-то попалась мне „Исповедь Наливайки" Рылеева и стала одной из главных моих святынь» [31].

О том, как правительство относилось к «Исповеди Наливайки», свидетельствует рассказ Михаила Бестужева: «...великий князь Михаил Павлович, пробегая по офицерским дор-

туарам, увидел развернутую книгу на одном из столиков, помещавшихся между двумя кроватями. Он схватывает книгу — то была „Полярная Звезда". Смотрит, на чем она была развернута, — это была „Исповедь Наливайки". Столик принадлежал П. Бестужеву. Он был арестован и, после годичного заключения в Бобруйской крепости, сослан на Кавказ» [32].

V

Писатели-декабристы, всегда относившиеся с горячим сочувствием к борьбе порабощенных народов за свое национальное освобождение, неоднократно изображали Хмельницкого в своих художественных произведениях. Ф. Н. Глинка написал о нем роман «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия» (1819). Идейная концепция Глинки была раскрыта уже в первых строках этого романа: «Взошло прекрасное весеннее солнце и осветило грозные стены и прелестные окрестности Чигирина. Весело пробуждались гордые литовцы, но с прискорбием взирали на свет дневной сыны Малороссии: первые господствовали, другие стонали под игом рабства». Член Союза Благоденствия Ф. Н. Глинка восторженно рассказывал о юном Хмельницком, о его стремлении к подвигам. Герой, выдвинутый народом, Хмельницкий пользуется безграничным доверием восставших украинцев: «Является герой, вдохновенный небом, подкрепляемый счастием. Он велит — и тысячи малороссийские повинуются ему...» [33].

Вслед за романом Ф. Н. Глинки, написанным в духе революционного романтизма начала 20-х годов, созданы были стихотворные произведения о Хмельницком. Таковы в первую очередь историческая «дума» Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанная 1 марта 1822 г. в газете А. Ф. Воейкова «Русский инвалид». Связь этой «думы» с историческим романом Ф. Н. Глинки проявилась даже в языке, не говоря уже об их общей идейной концепции.

В начале 1825 г. «дума» Рылеева «Богдан Хмельницкий» была перепечатана в сборнике его «дум». Однако образ славного украинского гетмана продолжал занимать Рылеева. «Очень рад,— писал он Пушкину 12 февраля 1825 г.,— что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажешь» [34]. В поэме о Богдане Хмельницком Рылеев увидел новую возможность использовать героику украинского освободительного движения во имя пропаганды декабристских идей, на материале прошлого говорить о политической борьбе сегодняшнего дня и вместе с тем о будущем русского народа.

Выше уже приводилось письмо, с которым в сентябре 1825 г. обратился к Рылееву Н. А. Маркевич. «Примите,— писал Маркевич,— мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность... Будьте уверены, что благодарность наша искренняя, что мы от души чувствуем цену трудов ваших, которые вас и предков наших прославят» [35].

Письмо это было опубликовано еще в 1888 г. и уже давно заняло важное место в литературе о Рылееве, как выразительное свидетельство успеха украинских поэм Рылеева у прогрессивных читателей 20-х годов. Лишь в наши дни обнаружен был ответ Рылеева Маркевичу, датированный 18 октября 1825 г. Первая половина письма посвящена участию Маркевича в альманахе «Звездочка» (так должна была называться «Полярная звезда на 1826 год»), во второй же половине Рылеев писал: «Теперь позвольте поблагодарить вас за лестное окончание письма вашего. Я русский, но три года жил на Украйне: мало для себя, но довольно для того, чтобы полюбить эту страну и добрых ее жителей. Сверх того, Украйна наделила меня редкою, несравненною женою. Уже шесть лет моя добрая украинка счастливит меня; и так к привязанности моей еще присоединяется и благодарность душевная, вечная к Малороссии. Я писал, что чувствовал, и никогда не думал, чтобы слабые труды мои заслужили такое лестное внимание потомков Хмельницкого и Наливайко. Не одни вы, многие из соотечественников ваших подобным образом отзывались ко мне. Это такая награда, которая навсегда оставит меня в долгу перед вашим отечеством. Дай мне бог сил и возможности хотя несколько отблагодарить земляков ваших» [36].

Содержащиеся здесь признания в высшей степени характерны. Рылеев сообщает, что, живя в острогожской глуши в 1816—1819 гг., он горячо интересовался историей и бытом Украины. Чрезвычайно любопытна и его фраза о сочувственных оценках его произведений украинскими читателями: наличие таких оценок должно было, конечно, укрепить интерес Рылеева к украинской тематике. Что касается последней фразы, она, как мне кажется, содержит внутреннее обязательство отблагодарить украинских читателей новым поэтическим трудом. Вернее всего, Рылеев думал здесь о «Хмельницком», над которым он в сентябре — октябре 1825 г. усиленно работал.

Исторические источники и пособия для этого произведения оставались теми же, что и для поэм о Наливайко и Мазепе. Больше всего материала автор «Хмельницкого» получил из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. К этому многотомному труду следует присоединить также «Историю русов, или Малой России» Георгия Кониского (в наши дни она некоторыми исследователями приписывается перу Поле-

тики). «История русов» была напечатана лишь через 20 лет после смерти Рылеева, но уже в 20—30-х годах XIX в. ходила по рукам в списках. Посылая Рылееву отрывок из этого труда, А. Ф. фон-дер Бриген 21 октября 1825 г. сообщал, что он приложит старания доставить поэту «колико возможно материалы» из «Истории русов». Бриген предполагал сообщить поэту и другой материал, а именно: «Историю, писанную современником Кониского Худорбою; она неизвестна, ибо один токмо экземпляр оной существует в доме, в коем жил Худорба. Сия история ценится здесь наравне с „Историей Кониского“: ставят ей только в порок, что она очень вольно и против нашего правительства писана. Получив оную, я велю сделать из нее два списка, один для вас, другой для себя» [37].

Это сообщение должно было заинтересовать Рылеева, особенно ценившего книги с «вольными», противоправительственными тенденциями. Едва ли, однако, он успел получить список с «Истории» Худорбы: через полтора месяца после получения Рылеевым письма фон-дер Бригена произошли события на Сенатской площади. Во всяком случае у нас не имеется никаких данных о нахождении рукописей Худорбы в каком-либо из рылеевских архивов.

Как показывает изучение черновых автографов Рылеева, поэма «Хмельницкий» писалась одновременно с «Наливайко» и «Палеем» и чрезвычайно тесно переплеталась с ними.

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Лишь один Всеведец знает,
Что Хмельницкий замышляет...
И куда ведет полки.
Мчатся быстро казаки,
Грозно вьются бунчуки [38].

Упоминание имени гетмана в этом отрывке указывает на то, что он первоначально относился к поэме о Богдане Хмельницком. Это не помешало Рылееву зачеркнуть указанные стихи, введя затем в повествование иных людей:

Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было...

Отрывок этот, таким образом, был введен в состав поэмы «Наливайко». Знаменательно, однако, что в другом месте того

же рылеевского автографа фигурировало имя третьего гетмана:

Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как вихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сагайдашный,
С дружиной буйных удальцов[39].

Иначе говоря, Рылеев изображал поход и сражение, еще не решив до конца, в какую поэму эти эпизоды будут включены — в «Хмельницкого», «Наливайко», а может быть и в иную, не известную нам поэму, где должен был действовать гетман Сагайдачный, «низкий происхождением, но великий духом, ума чрезвычайного, храбрый, бодрый, проворный, малоречивый, враг роскоши, нрава жестокого». Такую характеристику давала Сагайдачному «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Нечего и говорить об идеализации этим историком более чем сомнительной в политическом плане фигуры Сагайдачного, в 1606 г. избранного гетманом и в 1611 г. участвовавшего в осаде Москвы войсками шляхетной Польши. Однако в глазах романтика Рылеева Сагайдачный представлял собою независимую Украину: в предисловии к «Думам» (1824) Рылеев называл этого гетмана «украинским героем».

Работа над поэмой из украинской истории, в центре которой мог находиться любой из этих трех героев — Наливайко (конец XVI в.), Сагайдачный (начало XVII в.) и Хмельницкий (середина XVII в.), — вполне характеризовала богатство поэтических замыслов Рылеева в ту пору.

Однако создание поэмы «Хмельницкий», задуманной необычайно широко,— в шести песнях,— шло крайне медленно. Что мешало работе Рылеева над новой поэмой, мы не знаем. Вернее всего, «Наливайко» и «Палей» вполне удовлетворяли Рылеева, стремившегося раскрыть в них свое горячее сочувствие национально-освободительной борьбе. К тому же внешние условия в 1825 г. для творческой работы не были удобными: у Рылеева было много хлопот по службе в Российско-Американской компании. Нечего и говорить о его революционной деятельности: в это время она брала у Рылеева больше сил и времени, чем когда-либо.

Вероятно, к середине 1825 г. замысел «Хмельницкого» претерпел существенные изменения жанрового характера: вместо поэмы Рылеев решил писать трагедию. Драматическая форма и ранее привлекала его внимание. Повидимому, в 1823—1824 гг. им писалась трагедия о Мазепе, которую поэт оставил

на раннем этапе работы над нею. Теперь ему представлялась возможность еще шире показать сильные характеры, столкновение страстей, изобразить картину политической борьбы на Украине в трудный и ответственный период ее национального освобождения.

К осени 1825 г. Рылеев не только утвердился в решении написать трагедию о Хмельницком, но и начал эту работу. Мы имеем на этот счет два определенных и очень авторитетных признания близких друзей поэта, вполне посвященных в его творческие замыслы. Уже давно известно свидетельство Ф. Н. Глинки, сделанное им в показании от 15 февраля 1825 г. «Рылеев,— писал Глинка,— был болен сильно опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его поэм, также о трагедии „Богдан Хмельницкий", которую начал писать и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению» [40].

Это свидетельство Ф. Н. Глинки имеет в виду последние недели жизни Рылеева на свободе, точнее — начало декабря, когда он был болен ангиной. Оно характеризует новые методы творческого труда, к которым Рылеев собирался теперь прибегнуть. Ему было незачем объезжать «разные места Малороссии» в период работы над «думой» «Богдан Хмельницкий», в которой не было еще ни малой доли «местного колорита». Теперь выезд на места, «где действовал сей гетман», оказался для поэта необходимым: он собирался придать своему повествованию историческое правдоподобие.

Второе свидетельство о Хмельницком принадлежит В. И. Штейнгелю. В его показании Следственному комитету от 9 февраля 1826 г. читаем: «Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылеевым к меньшому Ростовцеву на чтение отрывков из сочиненной им трагедии „Пожарский", изготовленного для помещения в „Полярную звезду", я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылеевым пролога к его трагедии „Хмельницкий", другого предмета разговора не было...» [41].

Признание Штейнгеля драгоценно. Из него ясно, что ко времени восстания Рылеев уже написал пролог к новой трагедии, т. е. что работа над пьесой «Хмельницкий» уже вышла к этому времени за границы собирания материала.

Оба декабриста, как мы видим, не противоречили друг другу, а давали взаимно дополняющие показания.

Что же мог читать Рылеев на вечере у Я. И. Ростовцева? Ответить на этот вопрос мы можем лишь теперь, базируясь на тексте «Пролога», найденном в одном из московских архи-

вов. Сообщение на эту тему опубликовано в 59-м томе «Литературного наследства».

Действие «Пролога» происходит на площади в Чигирине. Польский шляхтич Чаплицкий всеми средствами стремится получить подати с бедных украинских крестьян. Пока они не заплатят, все православные храмы в городе будут закрыты и никаких церковных треб в них не будет [42]. «Пролог» начинается с того, что возмущенные крестьяне просят арендатора Янкеля, выполняющего приказ Чаплицкого:

Юрко

Будь ласков, Янкель, дай ключи от церкви;
Лишь только хлеб сберем с своих полей,
Церковную мы подать всю внесем.
Теперь, ты знаешь сам, мы обнищали:
Кто лошадь, кто овцу, а кто пожитки
Последние из бедной хаты продал,
Чтоб только чинш Чаплицкому отдать.
Вот уж прошло шесть воскресений сряду,
Как в церковь нас ты не велел пускать;
Священникам в парафиях окрестных
Ты отправлять все требы запретил:
Недели три как бог послал мне сына;
Отец Карпо его крестить не смеет...

Начыпор

Мой сын уж целый год Настусю любит,
Ты обвенчать не позволяешь их!

Свырыд

А у меня мать при смерти лежит
И третий день все исповеди просит...

Настуся

Будь ласков к нам...

Грицько

Позволь нас обвенчать.

Свырыд

Позволь отцу Карпу на хутор съездить;
Божусь, внесем мы подать всю сполна.

Алчный арендатор, стремящийся нажиться на крестьянском горе, цинично заявляет:

Мне не слова, мне гроши ваши нужны.

Все крестьянское имущество «давно в закладе... иль отнято на пана подстаросту». Но арендатор неумолим, он отвечает крестьянину:

Ну, так займи... ведь твой сосед, Пылып,
Недавно в дом из Сечи воротился.
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне закопал.
Он даст тебе взаймы; он должен дать —
В нужде должно друг другу помогать;
А если он не даст, так ты...

Свырыд

Так что?

Янкель

Ну что?.. ты разве глух и не слыхал,
Что он зарыл свою добычу в клуне...

Возмущенные казаки хотят расправиться с арендатором; тот вызывает на помощь польского офицера, сотника, по приказу которого Свырыда связывают и уводят.

Сотник

Что ж стали вы? Связать его скорее.

Свырыд

Не смейте! Прочь! Он лях; я вам земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут.
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Жена арендатора уговаривает мужа бежать из Чигирина, ее пугает ненависть казаков. Тот отказывается бросить место, дающее ему значительные доходы. Оставшиеся на площади украинцы с негодованием говорят о гнете польских панов:

1-й малороссиянин

Ушли... Ну, вот, еще один погиб.
Эх, брат Юрко, прогневали мы бога,
Всем на Руси пришельцы завладели,
В своей земле житья мы не находим.
Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
Бегу за Днепр к удалым запорожцам,

Чтоб притупить об кости дерзких ляхов
От деда мне доставшуюся саблю.
Прощай.

Грыцько

И я с тобой; благослови
Меня, отец; прощай, не плачь, Настуся.

Юрко

За Днепр... И я туда, когда б не дети...
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Все отнято у нас: права, уряды,
Имения и даже церкви наши...

2-й малороссиянин

Уж, видно, так Создателю угодно...

Юрко

Нет, нет, поверь, Создатель зла не хочет,
Не он, не он виною бед Украйны,
Но мы с своим терпением воловьим.
Нет головы, нет гетмана у нас.
Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы и ляхам были страшны.
Теперь же все пошло у нас вверх дном,
И весь народ стал польским ясырем.

2-й малороссиянин

Опять католики без страха стали
Нас в унию насильно обращать,
И православную святую веру
Холопскою в глаза нам называть[43].

В приведенной выше программе «Наливайко» значилось: «Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков». Как уже отмечалось, эта часть программы не была раскрыта в «Наливайко» — о притеснениях украинцев читатель узнавал только из рассказа героя. В трагедии «Хмельницкий» картина религиозных гонений и жестокостей должна была получить более объективное изображение.

Для правильной оценки этой стороны тематики «Хмельницкого» следует припомнить замечание Ф. Энгельса о религиозной окраске, которую принимали «от XIII до XVII века включительно» исторические движения: «... эта окраска объясняется

не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью,— как думает Фейербах,— но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие». Энгельс доказывает, что в средние века «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму. Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде» [44].

Приведенные выше слова Энгельса вполне применимы и к украинским поэмам Рылеева, а также к его трагедии «Хмельницкий». Национально-освободительное движение на Украине XVII в. показано здесь в «религиозной одежде», которая была неизбежна для той поры.

В 1596 г. на правобережной Украине была введена уния, подчинявшая православных мощному влиянию католической церкви. Вот что писал об этом автор «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменский: «Униаты насильно присваивали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви, прочие разоряли, запечатывали; ловили, мучили священников; разгоняли народ... Войска польские, под предводительством коронного гетмана вступили в Малороссию» [45]. Под охраной войск польская шляхта, завладевшая лучшими землями на правобережной Украине, осуществляла жесточайшую эксплуатацию украинских крестьян: они «доведены были до совершенного разорения. Исправляли три дня в неделю барщину» [46], кроме того терпели многочисленные поборы деньгами и продуктами труда.

Действуя по испытанному рецепту «разделяй и властвуй», польская шляхта привлекла к эксплуатации украинского народа еврейских торговцев и арендаторов. Этот союз эксплуататорских слоев двух различных национальностей нашел отражение в повести Гоголя «Тарас Бульба». По справедливому замечанию советского исследователя этой повести, «реалистический историзм художника подсказывал ему необходимость сатирического изображения определенного социального пласта еврейства — хищнических торгашей, арендаторов, шинкарей, являвшихся бичом украинского и еврейского народов. Выгодное географическое расположение Сечи на центральных торговых путях, связывавших Крым с Севером, Турцию с Восточной Европой, делало ее приманкой для алчного еврейского купечества. Польские и украинские магнаты охотно предоставляли возможность ему поселяться на своих землях, непосредственно граничащих с Запорожьем, в качестве арендаторов и шинкарей. Этим предполагалось достигнуть двойной цели: не только ускорить процесс разложения Сечи, но и разжечь тот нацио-

нальный антагонизм, который мог бы отвлечь казачество от его борьбы против польской и украинской шляхты. Поэтому жертвами казацких восстаний, наряду с польскими и украинскими помещиками, оказывались нередко и эти социальные слои еврейства. Таким образом мотив национальный здесь неизменно вплетался в основную социальную проблему того времени» [47].

Эти замечания существенны не только для правильного понимания «Тараса Бульбы», но и произведений Рылеева на украинские темы. Он имеет в виду прежде всего тех еврейских торговцев, которые шли на Украину вслед за польскими войсками и эксплуатировали украинский народ с разрешения и по расчетам шляхетной Польши. Бантыш-Каменский дал Рылееву необходимый материал: он не раз говорил в своей книге об арендаторах церквей, взимавших определенную сумму за каждое отправление религиозной требы [48].

По некоторым намекам и указаниям, содержащимся в различных местах рылеевского «Пролога», мы с довольно большой точностью можем установить эпоху, в которую происходило его действие. Слова одного из украинцев

> Нет головы, нет гетмана у нас.
> Когда был жив наш гетман Сайгадашный,
> И крымцам мы и ляхам были страшны...

дают основание отнести время действия к 20-м годам XVII в.: после смерти Конашевича-Сагайдачного поляки посадили украинским гетманом своего ставленника. Украинский народ ответил на это новым восстанием.

Слова жены арендатора Рахили «Придет опять Тарасовская ночь» дают нам основание для нового уточнения. Как указывал автор «Истории Малой России», Переяславская битва была названа казаками «Тарасовской ночью». «Значительная часть Малороссии была очищена от поляков; более всех пострадали арендаторы тамошние» [49].

Переяславская битва произошла в 1628 г. и, стало быть, действие «Пролога» следует отнести к 1630-м годам. Мы можем сделать еще шаг по этому пути. То, что Рахиль, по указанию ее мужа, приводит «пана сотника», является новой подробностью, небезинтересной для хронологии трагедии, поскольку польские войска были введены в Чигирин лишь в 1632 г.

Вся эта совокупность указаний и намеков позволяет датировать действие «Пролога» к трагедии «Хмельницкий» концом 30-х годов XVII в. Герой трагедии Хмельницкий в эту пору находился еще в Субботове, где вел хозяйство по соседству с

подстаростою Данилою Чаплицким. Распря их произойдет восьмью—десятью годами позднее — в 1646 г., и почти одновременно с этим Хмельницкий поднимает Запорожскую Сечь.

Все сказанное выше убеждает в том, что автор «Хмельницкого» в значительной мере изжил свой прежний романтический псевдоисторизм, превращавший образы прошлого в своеобразные «рупоры» декабристских идей. То, что полностью характеризовало «Войнаровского» и в сильной мере присуще было «Наливайко», здесь явно отходило на задний план. В «Хмельницком» Рылеев заинтересовался историей, изображая ее гораздо вернее и глубже, чем в романтических поэмах. Он уже не искажал исторического материала в угоду декабристским идеям, приближаясь в обработке исторических фактов к реализму.

Об этом свидетельствуют, в частности, те упоминания о Запорожской Сечи, которые не раз встречаются в отрывке «Пролога». Автор трагедии показывает, что между Чигирином и Сечью существует постоянная связь. Сосед Свырыда недавно возвратился в свой дом из Сечи, привез много добычи, полученной им, очевидно, в удалых походах против ляхов и татар. Добыча эта закопана в «клуне» — по нынешним временам держать ее открыто небезопасно. Запорожская Сечь — верное пристанище для угнетенных украинских крестьян:

Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
Бегу за Днепр, к удалым запорожцам,
Чтоб притупить об кости дерзких ляхов
От деда мне доставшуюся саблю...

говорит в «Прологе» один из казаков. Грыцько, оставив невесту, присоединяется к нему. С ними хотел бы отправиться и Юрко: «за Днепр... и я б туда, когда б не дети..». Иначе говоря, побеги в Запорожье не исключение, а правило. Так изображал их Рылеев, такими эти побеги были и в действительности.

В «Прологе» поляки и еврейские арендаторы противопоставлены украинцам. Нужно сказать, впрочем, что в дошедшем до нас отрывке образы поляков еще не нашли раскрытия. Не выведен еще чигиринский подстароста Чаплицкий, крупный помещик, один из виднейших представителей интересов шляхетной Польши, не действуют «униаты», покорившиеся панам и предавшие свой народ. Однако и из того, что́ Рылееву удалось создать, видно, что люди этого лагеря связаны между собою. Арендатор эксплуатирует украинцев не для одного себя, но и для Чаплицкого: «Что мне велят, я исполняю только». Со своей стороны польская власть в Чигирине защищает арендатора от справедливого возмущения украин-

цев — «пан сотник» уводит в тюрьму непокорного Свырыда.

Фигура сотника показана совсем бегло, чего нельзя, однако, сказать об арендаторе и его жене. Янкель хитер, он подговаривает Свырыда украсть у соседа его вещи и передать их в заклад. Он корыстолюбив, его сознанием неотступно владеет забота «о грошах», которые он умножает, пренебрегая явной опасностью и даже перспективой гибели:

Все так; но я, чтоб ни было, решился
Еще скопить хоть тысячу червонных.

Очень интересен в прологе образ жены и пособницы арендатора. В течение своей жизни она научилась хорошо понимать мужа. Она сразу уясняет тревожную обстановку, угадывает скрытый смысл просьбы мужа «принести ключи» и бежит за сотником. Рахиль не только корыстолюбива, но и осторожна. Она отдает себе отчет в том, насколько сильно возбуждение украинцев, и стремится заблаговременно уехать, чтобы избегнуть опасности.

Всем этим образам «Хмельницкого» недостает еще реалистической многосторонности; однако они представляют собою определенный шаг вперед по сравнению с образами ранних рылеевских произведений, неизменно строившихся на одной господствующей «страсти».

Второй лагерь образуют в «Прологе» украинцы. Самым крупным достоинством этого отрывка является то, что Рылееву во многом удается дать конкретно-историческое изображение украинского народа. Характеризуя украинские национально-освободительные войны XVII в., Д. Н. Бантыш-Каменский писал: «Никогда малороссияне не претерпевали столько бедствий! Поляки испытывали терпение сего несчастного народа, принуждали его разными муками ощущать в полной мере бремя зависимости, ненавидеть тиранов, стремиться к свободе!..». Этот героический народ «бедствовал... но не унывал: насилия влекут к свободе!» [50].

Автор трагедии «Хмельницкий» показал это стремление украинцев к свободе уже в сравнительно небольшом по размеру отрывке «Пролога». Он достиг этого новыми, по существу своему реалистическими средствами. Столкновение завязывается самым обычным образом — арендатор не разрешает совершения религиозных треб. Таких случаев было, конечно, много в тогдашнем быту правобережной Украины, и именно из этого рядового и будничного столкновения и рождался драматический конфликт — донос арендатора, арест Свырыда, решение

возмущенных крестьян бежать в Запорожскую Сечь. Можно было бы сказать, что, еще не умея создавать такие типические характеры, каких требовал реализм, Рылеев уже сумел поставить свои образы в «типические обстоятельства».

Среди этих в большинстве своем не индивидуализированных представителей украинского крестьянства центральное место занимает Свырыд. Как и другие украинцы, изображенные в «Прологе», он вышел из самой гущи народа. Но Свырыд понимает то, что еще недоступно его товарищам. Он знает, что польские шляхтичи «рады беде украинца»:

Не смейте, прочь! Я ваш земляк,
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут.
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Эти слова Свырыда, обращенные к вяжущим его (хотя и «неохотно») чигиринцам, свидетельствуют, с какой ясностью воспринимает он создавшуюся ситуацию. Свырыд обладает политической сознательностью. Он знает, что «воловье терпенье» украинских крестьян мешает им подняться на борьбу. Наливайко восклицал:

Нет, нет! Мой жребий ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

Естественные в устах Наливайки, эти слова показались бы чересчур приподнятыми, если бы их произнес Свырыд. Рылеев и не делает этого: речи этого казака чужда какая-либо романтическая аффектация, но в том немногом, что он говорит, раскрывается суровая правда жизни. О Свырыде можно поэтому говорить, как об определенном характере, раскрытом, правда, только в политическом плане. Можно предполагать, что в трагедии Свырыду и подобным ему суждено было большое будущее: на таких людей и должен был в первую очередь опираться Богдан Хмельницкий.

Даже по небольшому отрывку видно, как далеко вперед ушел Рылеев от романтического повествования об исключительном герое, который вел бы за собою мгновенно воспламеняющийся народ. Таким изображал Хмельницкого Ф. Н. Глинка: в его романе национальный герой Украины был изображен передовым одиночкой. В «думе» Рылеева «Богдан Хмельницкий», написанной в начале 1822 г., повествование почти целиком посвящено страданиям и благородным чувствованиям

узника. Вот жена Чаплицкого освободила Богдана — и вот он уже на коне —

И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков...

И вот происходят решающие схватки сошедшихся друг с другом народов. Все дело в наличии героя, в его инициативе — как бы утверждал Рылеев в «думе».

Прошло всего три с половиной года, но как углубилась за это время рылеевская концепция исторического процесса! В «думе» все начинал и осуществлял герой, в отрывке из «Пролога» его в сущности нет. На протяжении почти 200 стихов ни разу не появляется та исключительная по своим дарованиям личность, без которой раньше не обходилась ни одна рылеевская «дума». Народ, правда, скорбит о том, что «нет головы, нет гетмана у нас», но он говорит именно о «голове», которая нужна для успеха украинского освободительного движения. Однако движение это существует, народная масса негодует и бурлит.

Герой в трагедии, конечно, должен был появиться. Но, во-первых, примечательно уже то, что Рылеев начал «Хмельницкого» с образов социального фона, чего вовсе не было в «думе», а в «Наливайко» было лишено конкретности. Во-вторых, даже и появляясь в ходе дальнейшего действия, герой должен был теперь уже выглядеть по-иному. Его выдвигала масса, он с нею спаян был кровной связью, и в этом заключен был залог грядущей победы.

Все это — лишь предположения, поскольку мы не знаем дальнейшего текста. Но предположения эти правдоподобны, ибо основываются на учете тенденций рылеевской работы. Ведь недаром же написан был «Пролог»; Рылеев создавал его, конечно, не ради изобличения арендатора и ему подобных (это было бы слишком мелкой задачей), а для того, чтобы, может быть, в первый раз в своих исторических произведениях подчеркнуть, что в центре восстания должен был стоять образ народа, его страдания, его нарастающий протест. Вождь должен был, конечно, появиться, но это появление теперь обусловливалось не обстоятельствами его личной жизни, не свойствами его характера, а ростом национального сознания украинцев.

Именно так, всего вероятнее, и должен был развиваться сюжет трагедии Рылеева. Примечательно, что действие начиналось в Чигирине, местопребывании украинских гетманов, и что любовная интрига должна была играть в ней подчиненную роль. Рылеев показал взаимную любовь Грыцько и Настуси

в связи с теми препятствиями, которые возникли перед влюбленными и привели их к неизбежной разлуке. Грыцько разлучается с Настусей во имя борьбы с национальными врагами Украины. Как это было бы изображено в самой трагедии, мы не знаем, но во всяком случае ясно одно: той преувеличенной роли, которую любовная интрига играла в одноименной «думе» Рылеева, теперь уже быть не могло.

Автор «Пролога» проявляет большой интерес к бытовым подробностям. Он указывает, что действие трагедии происходит летом: хлеб еще не собран, и крестьянам поэтому нечем заплатить за отправление церковных треб. Уже первые реплики украинцев полны бытовых подробностей. И отец Карпо, не имеющий разрешения арендатора крестить сына Юрко, и Нычипор, тщетно ожидающий позволения жениться Грыцько на Настусе, и умирающая мать Свырыда, третий день молящая об исповеди,— все эти образы словно выхвачены из повседневной жизни Украины той поры, овеяны колоритом среды и эпохи.

Отрывок «Пролога» не всюду одинаково обработан, что и естественно в этом наполовину черновом автографе. При всем этом он далеко не лишен внутренней напряженности. Первая же реплика Юрко вводит нас в самую гущу действия. Естественное раздражение Свырыда сразу обостряет возникший конфликт. Поведение арендатора нельзя не признать драматически выразительным: будучи вынужден ожидать, пока жена его приведет сотника, он притворно ласков со Свырыдом, почти оправдывается перед ним. Но вот сотник появился, и арендатор немедленно сбрасывает маску невинно обиженного.

Чрезвычайно любопытны черты новаторства и в языке «Пролога». Мы находим здесь немало вульгаризмов (например, «Ага! Скрутил свой хвост»), характерные для украинской речи той поры полонизмы (два раза повторяющееся обращение «Будь ласков, Янкель»). Следует отметить в языке и турецко-татарские слова (например, «ясырь»: «и весь народ стал польским ясырем». Слово это часто звучало в то время на Украине, где оно бытовало в результате непрерывных набегов крымских татар).

Но, пожалуй, всего характернее для речи этого драматического отрывка простота образных средств, лишенных какой бы то ни было приподнятости и декламационности:

> Мы терпим, как быки, но как быки же
> Рассвирепеть против врагов мы можем.

Рылеев едва ли прибегнул бы к подобному сравнению в период работы над «Думами». Однако теперь он начинает все более ценить грубоватую простоту и выразительность народной речи.

Пролог «Хмельницкого» написан нерифмованным, «белым» стихом; размер цезурованного пятистопного ямба заставляет вспомнить о «Борисе Годунове», писавшемся одновременно с трагедией Рылеева, но, конечно, неизвестном поэту-декабристу.

Таковы основные черты пролога к «Хмельницкому». Не подлежит сомнению, что в движении к реалистическому стилю и методу автор «Хмельницкого» опередил всех без исключения декабристских писателей, писавших на исторические темы: Ф. Н. Глинку, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, О. М. Сомова и др. Все они в общем ограничивались созданием образов, служивших рупором декабристских идей, тогда как в «Хмельницком» впервые начала говорить история.

Новаторство Рылеева станет еще более ясным, если мы учтем, что трагедия эта писалась им за восемь — девять лет до «Тараса Бульбы» Гоголя.

Ближайшие друзья Рылеева отдавали себе полный отчет в том, что «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта. Можно было надеяться, что опытность на литературном поприще, очищенные понятия и бóльшая разборчивость подарили бы нас произведениями совершеннейшими. Жалею, что слабая моя память не может представить ясного тому доказательства из начатков Мазепы и Хмельницкого. Из первого некоторые отрывки напечатаны, другой еще был, так сказать, в пеленах, но уже рождение его обещало впереди возмужалость таланта» [51].

Глава шестая

АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

I

В 1823—1825 гг. работая над романтическими поэмами, Рылеев в то же время написал в сотрудничестве с А. А. Бестужевым несколько сатирических песен.

Нельзя сомневаться в значении этого жанра для политической борьбы декабристов: оно было удостоверено даже Верховным уголовным судом. Среди многочисленных преступлений, вменявшихся в вину Рылееву, значилось, между прочим, и то, что он «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи...». Почти в тех же выражениях было сказано и об Александре Бестужеве: «...участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен» [1].

Агитационно-сатирическая песня представляет собою один из примечательных жанров русской поэзии, который пользовался несомненной популярностью у читателей и обладал большим общественно-политическим воздействием. Этому жанру отдали много внимания Пушкин («Ноэль», «Рефутация Беранжеру»), Денис Давыдов («Современная песня»), Добролюбов и ряд революционно-демократических поэтов во главе с Некрасовым. Известны случаи, когда сатирические песни писались даже такими русскими литераторами, которые вообще избегали стихотворного рода творчества: например, севастопольская песня Л. Н. Толстого. Сатирическая песня обладает многими достоинствами и преимуществами. Она остроумно и ядовито высмеивала реакционные явления жизни. Ее куплетная композиция отличается легкостью и простотой, язык и стих — выразительностью и напевностью.

Этот жанр достиг расцвета в начале XIX в., в период формирования и подъема движения дворянских революционеров.

Как справедливо указал еще Н. И. Тургенев, это была «подпольная литература, замечательная по силе эпиграмм и высоте политического вдохновения», жанр, который вполне характеризовал «господствующее направление умов в России» [2]. Известно, например, как популярны были в конце 1810-х и начале 1820-х годов так называемые ноэли, небольшие сатирические песни, певшиеся на мотив рождественских церковных песнопений. Зародившись во Франции в народной среде, ноэли в дальнейшем вошли в французскую художественную литературу, превратившись в острые сатирические обозрения. В русской поэзии начала XIX в. жанр ноэля разрабатывался Пушкиным, писавшим в десятой главе «Евгения Онегина»:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

Пушкинские ноэли воздействовали на членов общества «Зеленая лампа» наряду с революционными планами Лунина и Якушкина. Нам известен ноэль Пушкина «Ура! В Россию скачет кочующий деспот...». Кроме этого, мы имеем косвенные сведения о «святочной песенке», которая попала в руки какого-то «ветреного юноши», к явной досаде Пушкина, писавшего брату в конце 1824 г.: «С Рокотовым я писал к тебе — получи это письмо непременно. Тут я по глупости лет прислал тебе святочную песенку. Ветреный юноша Рокотов может письмо затерять — а ничуть не забавно мне попасть в крепость pour des chansons» [3].

Ноэль «Ура! В Россию скачет кочующий деспот...» обычно заслоняется от внимания исследователей политическими одами и агитационными стихотворениями Пушкина. Между тем это произведение заслуживало бы специального анализа. Все в нем примечательно — и хвастливые речи «кочующего» русского императора («О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен...»), и его лживые обещания дать отставку ненавистным русскому народу реакционерам и мракобесам:

«И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

Всего более ядовита последняя строфа:

От радости в постеле
Расплакался дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Уснуть уж время наконец,
Ну, слушай же, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Даже сам младенец — «спаситель» поверил обещаниям царя дать конституцию. Однако богоматерь знает цену посулам венценосного обманщика:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»

Необычайно выразительна структура стиха пушкинского ноэля, ямбический ритм которого вариируется от трех стоп в 1, 2, 3, 4, и 8-м стихах каждого куплета до четырех стоп в 6 и 7-м стихах и до шести стоп в 5-м стихе. Меткость сатиры, непринужденная простота композиции, разговорная легкость языка, гибкость ритма — все это способствовало тому, что ноэль Пушкина вошел в число его наиболее популярных сатирических произведений. Декабристы не раз называли песенку «Ура! В Россию скачет кочующий деспот...» в числе стихотворений, способствовавших укреплению в них вольнолюбивых идей. По авторитетному свидетельству И. Д. Якушкина этот ноэль «во-время оно все знали наизусть и распевали чуть не на улице» [4].

Сатирические песни писались в ту пору не одним Пушкиным, но и П. А. Вяземским и рядом других прогрессивных поэтов. Однако наиболее широкую разработку этот жанр получил в творчестве поэтов-декабристов.

Одним из ранних образцов этого жанра была песня П. А. Катенина; к сожалению, от нее до нас дошел только первый куплет:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами —
Вот клятва каждого из нас...

Эту песню слышал в 1820 г. реакционер Ф. Ф. Вигель, оставивший о ней такой полный злобы отзыв: «Я видел, как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в розово-красный... Раз случилось мне быть в одном

холостом, довольно веселом обществе, где было много и офицеров. Рассуждая между собою в особом углу, вдруг запели они на голос известной в самые ужасные дни революционной песни „Veillons au salut de l'Empire". Богомерзкие слова ее, переведенные надменным и жалким поэтом, полковником Катениным, по какому-то неудовольствию недавно оставившим службу. Я их не затверживал, не записывал, но они меня так поразили, что остались у меня в памяти»[5].

Агитационно-сатирическим песням уделили особенно много внимания К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, написавшие в течение трех лет не менее шести произведений этого жанра. Дооктябрьское литературоведение относилось к этим песням с пренебрежением, третируя их за мнимую художественную слабость. «С нашей стороны,— писал, например, Н. Котляревский,— было бы наивно требовать от таких песен литературной отделки или художественной ценности; их аляповатость была умышленная, так как они должны были походить на лубочную картинку, и в этом смысле они действительно имели шансы на успех» [6].

В советском литературоведении изучение агитационно-сатирических песен сводилось до самых последних лет к реконструкции текста и реально-историческому их комментированию. Марксистко-ленинскому литературоведению предстоит еще исследовать идеологию этих песен, их стиль, выяснить их связь с русским народным творчеством и сатирической традицией начала XIX в. Проблемы эти тем более актуальны, что круг известных нам сатирических песен Рылеева и Бестужева за последние годы начал сильно расширяться. Обследуя архив III отделения, ленинградская исследовательница Л. А. Мандрыкина обнаружила песню «Близ Фонтанки-реки», которая считалась безвозвратно утерянной. Вскоре после этого замечательные варианты песни о Фонтанке, а также тексты некоторых других сатирических песен разыскал в Государственном литературном архиве (Москва) М. А. Брискман. Есть надежда на то, что вслед за этими текстами будут обнаружены и другие, в частности песня «Подгуляла я, нужды нет, друзья! Это с радости», о которой с такой настойчивостью допытывался Следственный комитет. В девятом томе издания «Восстание декабристов» восстановлено было, на основании показаний М. И. Муравьева-Апостола, правильное чтение известного отрывка этой песни, а также опубликованы неизвестные ранее три стиха, замыкающие строфу:

Я — свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров.

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов.

«Если вспомнить, — писала об этих стихах М. В. Нечкина, — о проекте обращения декабристов в день восстания 14 декабря к сенату с требованием о подписании манифеста к русскому народу,— содержание восстановленной строфы приобретает вполне реальное историческое значение. Действительно, восставшие войска на Сенатской площади должны были, по замыслам декабристов, принудить сенат к изданию манифеста, так сказать, „развязать язык у сенаторов". Этот текст отчетливо перекликается с потаенной народной песней о декабристах „Царя требуют в сенат" и дает последней исторический комментарий» [7].

Помимо песни «Подгуляла я...», мы находим в этом томе «Восстания декабристов» и текст песен «Ах, тошно мне...» и, что особенно ценно, полный текст «Вдоль Фонтанки-реки». Публикация указанных выше материалов показала, что в этой области возможны еще самые неожиданные находки.

Касаясь сатирических песен Рылеева и Бестужева, В. А. Гофман указывал: «Сомнительно, чтобы эта сторона работы вообще получила сколько-нибудь широкое и планомерное развитие. Агитацию в массах декабристы почти не вели...» [8]. Это скептическое указание является необоснованным. Во-первых, нельзя преуменьшать работу декабристов над созданием агитационных и сатирических произведений, которые были адресованы демократической аудитории. О ней, каждый посвоему, заботились и член Союза Благоденствия Ф. Н. Глинка, и член Южного тайного общества Владимир Раевский. Ренегат Грибовский в своем доносе, относившемся ко времени возмущения Семеновского полка, указывал, что члены тайных обществ, «научивши простой народ и нижних воинских чинов одному только чтению, скорее подействовали бы приготовленными в духе и по смыслу их маленькими сочинениями, начав самыми невинными: сказками, повестями, песнями, краткими наставлениями и пр., чтоб их заохотить, чему и сделаны опыты» [9]. Грибовский в данном случае ничего не выдумывал: создавшаяся в начале 1820-х годов «легкая сатирическая литература сделалась орудием выражения мнений и осмеяния правительственных лиц и их орудий. Стали появляться стихи... и на самого царя» [10].

Следствие быстро установило участие Рылеева в создании этой «легкой сатирической литературы». Он был спрошен о том, взял ли он на себя обязательство написать «Катехизис вольного человека». Поэт-декабрист показал, что не обещал написать «Катехизис вольного человека», а «однажды, читая,

кажется, у Митькова, начало подобного сочинения Никиты Муравьева, ...сказал: напрасно вы не кончите. Такими сочинениями удобнее всего действовать на умы простого народа» [11].

Отрицательный ответ Рылеева объяснялся, однако, исключительно стремлением утаить хотя бы часть правды. «Перед выездом..., — показывал А. В. Поджио, — мы съехались к Митькову. Между прочими был здесь и Рылеев. Я в нем видел человека, исполненного решимости. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека, знаю, весьма преступного [содержания], и о мерах действовать на ум народа, как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных на подобие „Боже, спаси царя" — Пушкиным; пародировали и песнь „Скучно мне на чужой стороне"» [12]. Все эти факты признал затем и сам Рылеев.

Этой цели и должны были служить некоторые из песен, созданных Рылеевым и Бестужевым. Как признавал Е. П. Оболенский в показаниях на следствии, «пародии на русские народные песни были действительно предлагаемы как средство к раскрытию ума простого человека»[13]. Речь шла здесь, конечно, не о «пародиях» на народные песни в том смысле, какой имеет слово «пародия» в современном русском языке, а об использовании жанра народной песни в революционных целях.

К какому времени следует отнести начало работы декабристских поэтов над сатирическими песнями? А. Бестужев показывал на следствии: «Я не знаю, по наущению ли общества сделал сие Рылеев, только однажды в 1822 году, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню „Ах, скучно мне" написали мы вместе, а некоторые подблюдные я один» [14]. Есть основания сомневаться в правильности этой даты: в то время Рылеев и Бестужев только что познакомились друг с другом. К тому же песня «Ах, тошно мне...» была не такого содержания, чтобы можно было ее сочинять «в забавном расположении духа». В 1822 или в начале 1823 г. могли быть написаны «Ах, где те острова...» или «Царь наш, немец русский», но не песни «Уж как шел кузнец...», или «Ах, тошно мне...», выдержанные уже не в «либеральном», а в демократическом и революционном духе. Нетрудно понять, почему А. Бестужев на следствии так отдалял дату написания наиболее острой из сатир: он хотел уверить членов Следственного комитета, что его и Рылеева песни — «дела давно минувших дней», не имеющие ближайшего отношения к событиям 14 декабря. Датировка Бестужева имела, таким образом, тактическое обоснование. Повидимому, оба автора работали над этими сатирическими песнями в течение нескольких лет, может быть, до самых последних месяцев своего пребывания на свободе.

Песня «Ах, тошно мне...» была вскоре после ее составления переправлена членам Южного тайного общества. С. И. Муравьев-Апостол показывал на следствии: «Две народные песни, одна относящаяся к состоянию крестьян, на голос: „Скучно мне на чужой стороне“, другая — возмутительная, на голос подблюдных, были показываемы кн. Волконскому не братом, а мною, и были присланы ко мне братом, получившим их в Петербурге. Наверное не знаю, чьего они сочинения, а слыхал, кажется, что они сочинения Рылеева» [15]. Митьков показывал, что Рылеев дал ему «песню, прося доставить Матвею Муравьеву-Апостолу, которую я ему тот же вечер и отдал» [16]. О том же говорили на следствии Сергей Муравьев-Апостол, Ивашев и Волконский.

II

Обратимся же к анализу каждой из этих песен. Наиболее ранней из них была, повидимому, песня «Ах, где те острова...». В ее тематику входят общественные и литературные мотивы. Две строфы посвящены в. к. Константину Павловичу и царской фамилии:

Где наш князь — чудодей
Не бросает людей
В Вислу.
Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Однако в песне больше реалий, взятых из быта петербургских литераторов. Стихи о «Бестужеве — драгуне», не дающем «карачун смыслу», или о Булгарине, не страшащемся своей сварливой «танты», о «чудаке» — Измайлове, мечтающем ходить «в каждый кабак даром», отличались скорее юмором, нежели резкой сатирой. Тем не менее было бы ошибкой считать, что песня об островах лишена единства стиля. Ее общий смысл раскрывался уже в первых строках:

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!
Где читают Pucelle
И летят под постель
Святцы.

Речь здесь идет, конечно, не о Петербурге начала 20-х годов, а о некоторой сказочной стране, прямо противоположной аракчеевскому Петербургу. Что это за «острова», где «растет трын-трава»? Ответить на такой вопрос можно, лишь уяснив смысл этого выражения. Обращаясь за разъяснениями к

«Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, мы читаем: «Трын-трава, в значении сказуемого, кому-чему (простореч. фам.). Употребляется для обозначения отношения к чему-нибудь, как к ничтожному, пустому, не важному, не стоящему внимания, в значении всё нипочем, всё равно. „Теперь мне честность — трын-трава" (Пушкин). „Стала она приставать к живописцу, чтобы он поисповедался; а тому всё трын-трава" (Лесков)»[17].

В этой сказочной стране господствовало иное отношение к вещам. В противоположность аракчеевскому Петербургу, где процветают всевозможные виды религиозного мракобесия, там читают фривольную «Орлеанскую девственницу» Вольтера[18], а «святцы» забрасывают «под постель»; царский наместник не позволяет себе насилий над подвластными ему людьми, а редактор журнала не боится учинения над ним новой «секуции». Там вынуждены молчать реакционеры и могут говорить полным голосом лучшие люди, там верховная власть заботится о нуждах страны. «Острова, где растет трын-трава»,— это царство справедливости.

Заметим, что Пушкин понял эту песню именно так. В январе 1824 г. он писал брату из Одессы: «Святая Русь мне становится невтерпеж. Ubi bene, ibi patria. А мне bene там, где растет трин-трава, братцы»[19].

Песня «Ах, где те острова...» состоит из нескольких куплетов, каждый из которых посвящен тому или иному лицу. Такое построение объясняется не только общим замыслом песни, изображавшей представителей петербургского общества, но и условиями, в которых эти куплеты создавались. Уже А. Бестужев отметил, что эта и подобные ей песни являлись продуктом коллективного творчества: «... переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал»[20]. Это свидетельство одного из авторов песни подтверждалось Е. П. Оболенским: «О помянутых комитетом песнях я слышал; но не знаю оные наизусть и потому написать оных не могу. Сочинением же оных никто не занимался особенно (сколько мне известно), но каждый куплет имел своего автора, и вообще они были плоды веселых часов досуга поэтов и литераторов наших, членов и не членов Общества, во время свиданий их между собою»[21].

Из всех сатирических песен Рылеева и Бестужева песня «Ах, где те острова...» представляется мне наиболее коллективной. Это отразилось на ее композиции: строфы песни не связаны между собою органическим развитием основной темы. Она заканчивается стихами об «Измайлове-чудаке» и, таким образом, лишена острой, венчающей повествование концовки.

Песне «Ах, где те острова...» присущ ряд достоинств. Она

непринужденна, разнообразна в намеках. Она легка в своем ритме двухстопного анапеста с припевом в размере одностопного хорея. Однако самым большим достоинством песни является существование в ней второго плана, своеобразно завуалированного юмористической формой повествования.

Вторая песня Рылеева и Бестужева «Ты скажи, говори» в течение долгого времени рассматривалась как окончание первой. Редактор Полного собрания стихотворений Рылеева в издании «Библиотеки поэта» первым нарушил эту ложную традицию, справедливо указав на то, что «стихи „Ты скажи, говори...“ и пр., представляя собою совершенно законченное целое, не вяжутся с песней „Ах, где те острова...“ ни тематически, ни идеологически, ни конструктивно. В самом деле, в то время, как в песне „Ах, где те острова...“ дается злободневная сатирическая характеристика действующих на общественно-политической авансцене государственных людей и литераторов, — в строфах „Ты скажи, говори...“ очерчены дворцовые перевороты... В первой вещи автор в своих шутках ничем не нарушает традиций умеренно-либеральной лойяльности и политически совершенно не агрессивен; во второй — элементы политической агитки выступают на первый план, исторические справки подкрепляют прямой призыв к цареубийству. Песня „Ах, где те острова...“ имеет в виду замкнутую литературную аудиторию, вне которой целые строфы (например, о Бестужеве, Булгарине, Измайлове) и непонятны и не интересны. Наоборот, песня „Ты скажи, говори...“ рассчитана на массовое распространение; ее тематика и словарь отличаются предельной простотою и четкостью. Все строфы в „Ах, где те острова...“ синтаксически унифицированы (десятикратное где, где, где...); строфы „Ты скажи, говори...“ в этом отношении более свободны...»[22].

Песне «Ты скажи, говори...» свойственно гораздо более последовательное, чем в песне об островах, развитие основной политической темы. Здесь уже нет юмористических выпадов против тех или иных литераторов: объектом атаки являются «цари». В заключительных строфах песни выразительно очерчены дворцовые перевороты 1762 и 1801 гг.:

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней —
Горе!

Песня «Ты скажи, говори...» заключалась многозначительной концовкой:

Но господь, русский бог
Бедным людям помог
Вскоре.

Образ «русского бога» многократно использовался в охранительном смысле официозной публицистикой 1810-х годов (см., например, манифест к народу, составленный А. С. Шишковым в 1812 г.). В том же смысле небесного «провидения», покровительствующего русскому самодержавию, употреблялся этот образ и автором трагедии «Димитрий Донской», В. А. Озеровым: «Языки, ведайте, велик российский бог!».

Рылеев и Бестужев вложили в выражение «русский бог» совершенно новый смысл. Созданный ими резко сатирический образ не умрет в русской поэзии: мы вскоре встретим его в одноименном стихотворении Вяземского (1828), а также в дошедшей до нас строфе десятой главы «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль русский бог?

Рылеев и Бестужев пользуются этим образом, как символом политической и культурной отсталости страны, в которой цари правят, угнетая народ, и в которой с этими царями расправляются:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Отношение Рылеева и Бестужева к убийству Петра III и Павла I вполне соответствовало отношению к этим событиям других декабристов. Как вспоминал М. А. Фонвизин, «в Петербурге, Тульчине и в 3-м пехотном корпусе в Киевской губернии члены Союза (Благоденствия.— *А. Ц.*) собирались на дружеские беседы... Припоминая случаи русской истории, что императоры не раз умирали насильственною смертию (Петр III, Павел I), называли такие примеры радикальными средствами преобразования России, если только уметь ими воспользоваться» [23].

Характеристика царей во второй песне Рылеева и Бестужева носит еще ретроспективный характер: авторы имели здесь дело с событиями более или менее далекого прошлого. В следующей песне «Царь наш, немец русский» они сделали важный шаг вперед, избрав темой деятельность современного им самодержца.

Песня эта впервые была опубликована в «Полярной звезде» 1859 г. с неправильным чтением «Царь наш, немец прусский». Ю. Г. Оксман в специальной статье, напечатанной в 59-м томе «Литературного наследства», основательно доказывает неправомерность такого чтения первого стиха. Он указывает, что «прежде всего подлежит исправлению в общеизвестном тексте песни ее зачин... Предлагаемое нами исправление печатного текста песни базируется не только на авторитетных свидетельствах Завалишина, Смирновой и Головина, устанавливающих чтение „Царь наш, немец русский", но и на фактической несостоятельности варианта «Царь наш, немец прусский»: Александр I, сын императора Павла и принцессы Вюртембергской, внук герцога Гольштейн-Готторпского и принцессы Цербстской, был именно „русским немцем",— и характеристика его как „немца прусского" была бы ничем не мотивирована»[24].

Песня «Царь наш, немец русский» посвящена обличению правящей династии, ее низкопоклонству перед прусской военной организацией. Этой темы касался и Пушкин в ноэле «Ура! в Россию скачет кочующий деспот...», в котором Александр I объявлял своим подданным:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир».

В последних двух стихах помимо всего прочего содержался явный намек на реакционную сущность руководимого русским царем Священного союза самодержавных монархий — России, Австрии и Пруссии.

В эпиграмме Пушкин называл Александра I «воспитанным под барабаном» «фрунтовым профессором». Это отношение к царю вполне разделяли с Пушкиным декабристы. Якушкин писал о явном презрении Александра I к русским. Еще резче говорил на эту тему П. Каховский: «Пруссии обязаны мы и прочие государства Европы, страстию монархов к разводам и учению солдат. Фридрих Великий, будучи великим государем, был и страстным капралом; от него перешла страсть сия и распространилась»[25]. «Император,— читаем мы в другом письме Каховского, — занимается лишь солдатами, играет ими,

как игрушкой, не печется о благосостоянии нашем... иссушает источники богатства народного»[26]. Каховский же писал лично Николаю I: «...и самые люди к вашему величеству преданные не оправдывают в вас страсти к фрунту. Сие занятие государей наших в глазах всего народа уже сделалось ненавистно. Самые войска чрезмерно тяготятся им и ужасно ропщут. При учении солдат иногда вырываются такие изречения, которые, распространяясь по государству, вооружают сердца и умножают ропот»[27].

Рылеев презирал солдафонство Александра I. В 1820 г. он писал М. Г. Бедраге: «Любовь к воинским занятиям в крови царей наших столь сильна, что даже и Александр Николаевич (малолетний великий князь.— *А. Ц.*) по приказанию Михаила Павловича вытягивает уже руки по шву»[28].

Эта тема и получила специальное раскрытие в новой песне Рылеева и Бестужева.

Приведем текст этой песни по новейшей реконструкции, сделанной Ю. Г. Оксманом:

Царь наш, немец русский,
Носит мундир прусский.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

(Этим припевом сопровождается далее каждое двустишие).

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.

Прижимает локти,
Забирает в когти.

Царством управляет,
Носки выправляет.

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!

Князь Волконский — баба
Начальником Штаба.

А другая баба
Губернатор в Або.

А Потапов дурный
Генерал дежурный.

Трусит он законов,
Трусит он масонов.

Только за парады
Раздает награды.

А за комплименты —
Голубые ленты.

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.

Песня «Царь наш, немец русский» начинается с осмеяния парадомании Александра I, который — по негодующей характеристике И. Д. Якушкина — «был всякий день у развода» [29]. Несколькими штрихами здесь был очерчен тот, кого Пушкин назвал «лихим капитаном», сидящим на русском престоле. Нельзя сказать, чтобы это изображение царя не опиралось на уже существовавшую ранее традицию. Вспомним, например, о шуто-трагедии Крылова «Трумф» или «Подщипа» (1800), в которой язвительно высмеивались русские венценосные ревнители прусской муштры. Однако, развивая мотивы крыловской сатиры, Рылеев и Бестужев внесли в образ «русского немца» на троне новые и злободневные черты. Образ «узкого мундира» конкретизировал внешний вид царя, а слова «Царствует он где же? Всякий день в манеже» наполнены жалящей иронией. Третья и четвертая строфы песни содержат намек на связь любви к воинским занятиям с реакционностью Александра I: слова «Прижимает локти, Забирает в когти», являются образным выражением этой мысли. В двустишии «Школы все — казармы, Судьи все — жандармы» содержится выразительная характеристика суда и просвещения, этих двух важных гражданских институтов царской России.

Горький писал в «Истории русской литературы» об эпохе формирования декабристского движения: «В ту пор Александр, постепенно отдаляя от себя русских, заменял их немцами — во главе государства становились люди с именами Клейнмихель, Адлерберг, Бенкендорф и т. д. По свидетельству Якушкина и других декабристов, это явление тревожило дворян и сливалось с общим оппозиционным настроением молодежи.

Вспомните: они смотрели на себя, как на победителей Европы, а их ставили под команду немцев» [30]. Песня Рылеева и Бестужева «Царь наш, немец русский...» является превосходным подтверждением этих слов Горького.

Если в песне «Ах, где те острова...» в сущности не было постоянного рефрена, а лишь выделялось в отдельный стих

какое-либо короткое слово, то песня «Царь наш, немец русский...» имела уже такой постоянный припев, проходивший через все ее строфы. Этот припев полон злой иронии.

III

В бумагах судебного следствия по делу Критских в самое последнее время была обнаружена сатирическая песня Рылеева и Бестужева «Вдоль Фонтанки-реки». Следственный комитет по делу декабристов, не имевший в своем распоряжении ее текста, настойчиво расспрашивал о ней подсудимых. Рылеев ссылался на незнание, заявляя: «...песен „Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки“ и „Подгуляла я, нужды нет, друзья! Это с радости“ я ни Матвею Муравьеву, ни князю Волконскому никогда не давал» [31].

Прямого свидетельства Рылеева о том, что песня «Вдоль Фонтанки-реки» принадлежит ему, у нас нет; однако косвенные доказательства этого авторства имеются. Именно Рылеев, увлеченный мыслью о создании песен в народном духе, передал «Вдоль Фонтанки-реки...» М. И. Муравьеву-Апостолу, уезжавшему в южную армию, для ее распространения в войсках.

Рылеев отрицал свое участие в составлении песни о Фонтанке-реке, может быть, потому, что пытался в это время отвести от себя обвинение в подготовке «истребления царской фамилии». По тем же причинам А. Бестужев мог принять на себя единоличное авторство, не желая отягощать вины своего друга [32]. Как бы то ни было, песня «Вдоль Фонтанки-реки» не содержит ничего противоречащего политическим воззрениям Рылеева.

Песня о Фонтанке-реке обнаружена исследователями в показаниях канцеляриста Данилы Тюрина. Привожу ее текст:

Близ Фонтанки-реки
Собирались полки.
Слава.
Что ни свет ни заря
Для потехи царя.
Слава.
Разве нет у вас штыков
Для князьков-дураков.
Слава.
Разве нет у вас свинца
Для тирана-подлеца.
Слава.

В другом варианте, содержащемся в показаниях М. Муравьева-Апостола, текст песни был существенно видоизменен:

Вдоль Фонтанки-реки
Квартируют полки
Слава.
Квартируют полки
Все гвардейские
Слава.
Их и учат и мучат,
Что ни свет ни заря
Слава.
Что ни свет ни заря
Для потехи царя
Слава [33]

Нетрудно дать реально-исторический комментарий этой песне. Она посвящена смотрам, которые устраивались гвардейским полкам на Семеновском плацу, находившемся близ Фонтанки. «Князьки-дураки» — это, конечно, великие князья Михаил и Николай Павловичи, принимавшие самое деятельное участие в обучении гвардии и бывшие начальниками воинских частей и соединений. Как писал Н. И. Лорер, «оба великие князья, Николай и Михаил, получили бригады и тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм», соперничая между собою «в ученьи и мученьи солдат» [34].«Тиран-подлец» — это, разумеется, Александр I.

Сопоставление содержания песни с событиями, происходившими в Семеновском полку в октябре 1820 г., позволяет говорить, что в песне речь идет о восстании Семеновского полка. Восстание и причины, вызвавшие его, были широко известны в армии. Солдаты горячо сочувствовали семеновцам, понесшим тяжелые кары. Куплеты эти содержат призыв декабристов, обращенный к армии. Не покоряться злой доле! Действовать с оружием в руках против царя и великих князей. Семеновский полк, положивший начало открытой борьбе против «тирана-подлеца» и «князьков-сопляков», должен служить примером для солдат.

Песня о Фонтанке говорила о бесчеловечных истязаниях солдат их начальниками. По выразительной характеристике В. Ф. Раевского, «учебного солдата вертят, стегают, крутят, ломают, щипают и, черт возьми! иногда и кусают!» [35]. Истязания солдат безвозбранно осуществлялись и в гвардии: множество рекрутов было засечено насмерть командиром Семеновского полка, полковником Шварцем.

В главе «Сатира и лирика 1820—1823 гг.» было рассказано, как взволновали Петербург события в Семеновском полку. Октябрь 1820 г. был тревожным месяцем в столице. Ценой напряженных усилий военные власти Петербурга справились с волнениями: Семеновский полк был раскассирован, солдатский состав его полностью обновлен. Однако и после того как крамольные семеновцы были убраны из столицы, в ней продолжали оставаться другие полки гвардии.

Декабристов всегда интересовало политическое умонастроение петербургских гвардейских полков: на них предстояло опираться в готовящемся перевороте. В песне «Вдоль Фонтанки-реки...» нашла себе отражение и досада членов тайных обществ по поводу того, что солдаты гвардии еще сохраняют покорность царю, и вместе с тем надежды на то, что они скоро поднимутся на политическую борьбу. Отсюда тот решительный тон, какой свойствен этой песне. Гвардейские полки должны направить острые штыки на «князьков-дураков», которые стояли перед фронтом, послать меткие пули в самого «тирана-подлеца». В песне о Фонтанке-реке шла речь о расправе с царской семьей, расправе, в которой решающая роль должна была принадлежать не одиночкам-дворянам, а солдатской массе Петербурга.

Песня о Фонтанке-реке была известна многим членам тайных обществ. Характерно заявление И. И. Пущина о том, что он эту песню слышал (очевидно, на одном из собраний заговорщиков) [36].

Л. А. Мандрыкина разыскала в делах общества братьев Критских следующие варианты этой песни:

Там их учат и мучат,
Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.
Слава!
Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!
Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!
Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава! [37]

Замена слов «у вас» словами «у них» указывает на то, что эти варианты сочинялись через несколько лет после того, как был составлен основной текст песни о Фонтанке. Бо́льшая рез-

кость эпитета в третьей строфе (вместо «князьков-дураков»— «князьков-сопляков») объясняется, может быть, тем, что песня с течением времени начала бытовать в новой, более демократической среде.

Песня «Близ Фонтанки-реки...» имела любопытную историю. В распространении ее, в частности, принимал участие А. И. Полежаев. Привлеченный по этому делу «Петр Михайлов сын Пальмин...» «присовокупляет, что слышал оные [стихи] от тебя... во время прогулки на Тверском бульваре, где ты, Полежаев, встретившись с ним, не доходя немного примыкающего к Никитским воротам конца, начал после обыкновенных приветствий сими словами: „Знаете ли вы новые стихи Рылеева?" И когда он отвечал отрицательно, то ты, отведши его к лавочке, проговорил наизусть означенную песню»[38].

В докладе генерал-аудиториата по делу общества Критских читаем: «По состоянию Полежаева на службе в Бутырском Пехотном полку комиссия просила распоряжений г. генерал-адъютанта Храповицкого об отобрании от него показания по составленным ею вопросным пунктам. В ответах 27 сентября Полежаев отозвался: „Находясь в университете, я знал студента Пальмина; но стихов, начинающихся „Близ Фонтанки-реки..." и проч., не помню, чтобы ему или кому другому передавал, или имел их когда-либо при себе. Они были мне известны прежде по слуху; но не все сполна, и без имени сочинителя, которого не знаю". В отобранном по поводу сего от Пальмина 4 октября при священническом увещании ответе, он подтвердил прежнее свое показание и пояснил, что Полежаев читал ему те стихи наизусть в мае или июне месяцах прошедшего 1826 года при встрече на Тверском бульваре, объявляя, что они сочинены Рылеевым. Сии обстоятельства поставлены были на вид Полежаеву также в вопросном пункте. В ответ на оный Полежаев объясняет, что некогда ему те же стихи были известны, но от кого получил их и отдавал ли Пальмину, равно как и самих стихов ныне кроме двух начальных, не помнит»[39].

Эти документы из архива III Отделения чрезвычайно выразительны. Мы словно видим Полежаева, проходящего в форме унтер-офицера Бутырского полка по Тверскому бульвару. Май или июнь 1826 г. Следствие по делу декабристов к этому времени уже закончилось; в Москве, как и повсюду в России, ждут приговора. Он должен быть, конечно, особенно суровым в отношении Рылеева. Полежаев рисуется здесь собирателем и распространителем потаенной поэзии. Нам уже было известно об его участии в распространении песни «Ах, где те острова...»; теперь прибавляется текст о Фонтанке. Можно себе представить, с каким вниманием вчитывались следователи по делу братьев Критских в песню «Вдоль Фонтанки-реки»: она еще

так недавно интересовала их предшественников по делу декабристов. Тогда членам тайного общества удалось скрыть эту песню от тюремщиков. Теперь она сделалась им известной через признания обвиняемых из другой революционной организации.

Песня эта 130 лет была недоступна читателям. И только в наши дни архив политической полиции Николая I раскрыл эту тайну.

От насмешек по адресу царей, низложенных в результате дворцовых переворотов XVIII в., от обличения царствовавшего тирана естествен был переход к резкому отрицанию строя в целом. Рылеев и Бестужев осуществили это в песне «Уж как шел кузнец», относящейся к тому времени, когда оба ее автора уже перешли на республиканские позиции.

Уж как шел кузнец
Да из кузницы
Слава!

Нес кузнец
Три ножа
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож
Слава!
Второй нож
На попов, на святош
Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя
Слава![40]

Стилистически песня эта опирается на народную песню о кузнеце:

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Несет кузнец три молота.
Слава![41]

Однако в народной песне говорилось о свадебном обручении девушки. Политическая тема здесь отсутствовала.

Из всех песен Рылеева и Бестужева эта, конечно, самая «возмутительная». Она призывала к уничтожению важнейших устоев самодержавия, к расправе с дворянством и духовенством. Этого мало — она говорила об убийстве верховного носителя самодержавной власти. В песне о кузнеце уже не было ни ноты благодушия: она полна ненависти. Здесь немного слов, но каждое из них значительно и весомо: говорится не об отдельных лицах, а о сословиях и классах. Песня объединена

образом кузнеца, несущего ножи. Тема развивается в ней постепенно, на основе возрастающей градации.

В этой песне примечателен «простонародный» образ ножа, не случайно сменивший собою кинжал интеллигента-террориста. Кинжал пускали в ход заговорщики типа Брута или Лувеля; человеку из народа подручнее было пользоваться ножом. Замена эта кажется незначительной, однако она еще раз отражает собою поворот от романтической приподнятости к реалистической простоте. Нож в этой декабристской песне простолюдина как будто предвещает призыв революционных демократов: «В топоры зовите Русь!» Но это только на первый взгляд так. В действительности некоторые декабристы испугались даже применения кинжала террориста, не говоря уже о ноже кузнеца. Характерно, что Штейнгель в решительную минуту предостережет Рылеева от привлечения к восстанию народной массы, ибо «в одной Москве 90 000 одних дворовых, готовых взяться за ножи» [42]. Но это случится позднее.

В песне со всей резкостью обозначены два стана, и авторы «Кузнеца» полны сочувствия народу.

Соединение в песне Рылеева и Бестужева «попов» и «царя» заставляет нас вспомнить об известной эпиграмме, приписываемой Пушкину:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим [43].

Адам Мицкевич и его товарищи по польскому обществу филоматов и филаретов слышали в 1824—1825 гг. «жестокие» песни декабристов, приводившие их, по признанию самого Мицкевича, «в ужас» [44]. Этими песнями вероятнее всего и были «Вдоль Фонтанки-реки» и особенно «Уж как шел кузнец...». Польские заговорщики были смущены столь резким тоном своих русских друзей. Нужно отметить, что и среди декабристов далеко не все могли бы солидаризоваться с этой песней, явно опережавшей и стратегию декабристского движения и его тактику.

IV

Нам осталось проанализировать последнюю, шестую по счету песню Рылеева и Бестужева — «Ах, тошно мне и в родной стороне...», во многих отношениях самую примечательную. О принадлежности ее перу Рылеева 30 января 1826 г. свидетельствовали С. Г. Волконский и С. И. Муравьев-Апостол. Рылеев признал себя автором «Ах, тошно мне...»: «...песню, — указывал он,—написали мы вместе» (с Бестужевым.—*А. Ц.*) [45].

В этой песне обращает на себя внимание уже ее объем: он почти достигает величины четырех остальных вместе взятых песен (в ней 75 стихов, в тех в общей совокупности — 83 стиха). Столь значительный объем песни «Ах, тошно мне...» объясняется исключительной широтой охвата в ней действительности. Крепостное право, суд, церковь, налоги, винная монополия — все это нашло здесь яркое отражение.

С. И. Муравьев-Апостол указывал на то, что песня Рылеева была сочинена «на голос „Скучно мне на чужой стороне"» [46]. И действительно, песня «Ах, тошно мне...» возникла как антитеза любовному романсу Ю. А. Нелединского-Мелецкого, написанному еще в конце XVIII в. и получившему к 20-м годам XIX в. широкую известность:

Ах! скучно мне
На чужой стороне:
Все не мило,
Все постыло,
Со мной милыя нет.

Отметим, что еще в Царскосельском лицее этот романс был юмористически переиначен:

Ах, тошно мне
На чужой скамье!
И все мило,
Не постыло, —
Кюхельбекера здесь нет...[47]

Строфика и мелодика «Ах, тошно мне...» явно напоминают романс Нелединского-Мелецкого: пять стихов в строфе, укороченные 3-й и 4-й стихи. Но избрав сходную с Нелединским форму, Рылеев и Бестужев наполнили ее противоположным содержанием. Слащавой сентиментальности любовного романса здесь была противопоставлена ничем не прикрашенная правда социальной действительности. Перед нами — не влюбленный, жалующийся на разлуку с милой, а человек, угнетенный существующим в России режимом. Герой романса Нелединского томится потому, что он на чужбине, герою же песни «тошно», несмотря на то, что он «в родной стороне», и именно потому, что, живя на родине, он не может радоваться. В песне «Ах, тошно мне...» нет речи о любви. Можно было бы сказать словами В. Ф. Раевского:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой...

Рассказ в песне «Ах, тошно мне и в родной стороне...» вложен в уста крепостного крестьянина, который, однако, говорит не только о себе: рассказ явно ведется от лица народа:

Кто же *нас* кабалил...

И над *нами,*
Бедняками
Будто с плетью посадил...

По две шкуры с нас *дерут*...

Грабят *нас* без стыда...

Нас морочат
И волочат...

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь...

Да *мы* сами ведь с усами...

Класс людей, к которому принадлежит герой песни, не свободен, как не свободна и вся народная масса:

Ах, тошно *мне*
И в родной стороне...

Долго ль *русский* народ
Будет рухлядью господ...

Крестьянин говорит о страданиях народа, в котором крестьянство составляло подавляющее большинство; его взор прикован к разнообразным формам социального угнетения. На первом плане — самый институт крепостного права; его непосредственной характеристике посвящены вторая, третья, четвертая и шестая строфы песни. Поэты оттенили в этой характеристике самое важное и определяющее: народ для господ «рухлядь», людьми торгуют, «как скотами», баре сидят над народом «будто с плетью», с него дерут «по две шкуры», присваивая себе обманом «мошну» бесправных крестьян.

Упоминаниями о плети, с которой баре сидят над бедняками, о «двух шкурах», которые дерут с крестьян, Рылеев и Бестужев характеризовали ту барщинную систему хозяйства, против которой яростно восставали декабристские публицисты. «Взирая на помещика русского», Раевский «всегда воображал», что этот помещик «вспоен слезами и кровавым потом своих подданных; что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных...». Раевский приводил несколько примеров, он мог бы их привести «более тысячи», ибо «злодеяния помещиков превышали всякое вероятие» [48].

В прокламации, подкинутой в октябре 1820 г. на двор казарм Преображенского полка, говорилось: «Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных?» [49]. Эти строки были полны радищевской смелости, до которой не могла возвыситься большая часть декабристов. Общая картина, нарисованная в песне, ни в чем существенном не противоречила приведенным словам прокламации. Стихи

По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут,—

говорили о той же жестокой эксплуатации дворянами крестьянского труда. Стихи

И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

перекликаются с такими произведениями передовой литературы 1810—1820-х годов, как «Деревня» Пушкина и «Горе от ума». В сочинении «О рабстве крестьян» В. Ф. Раевский указывал: «Продажа детей от отцов, отцов от детей и продажа вообще людей есть дело, не требующее никаких доказательств своего ужасного и гнусного начала» [50]. Он же изображал этот процесс купли-продажи людей в полных гнева стихах:

Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
Ивана à rebours с Семеном гнет на двойку.
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворцов, на пуделя, на сойку.
И правом знатности везде уважен он!

«Лучшие люди из дворян» горячо переживали страдания крепостного крестьянства. Декабрист Беляев 1-й, по его показаниям на следствии, слышал «многие утеснения, кои претерпевают крестьяне от некоторых помещиков; и мне казалось их состояние самым беззащитным» [51]. В. К. Кюхельбекер говорил на следствии о том «угнетении истинно ужасном», в котором «находится большая часть помещичьих крестьян...» [52]. По признанию Борисова 2-го, «несправедливости, насилие и угнетение помещиков их крестьянам причиняемые... укрепляли в моем уме либеральные мысли...» [53].

Охарактеризовав основу угнетения крестьян — крепостное право, авторы песни переходили к характеристике современ-

ного им суда. Даже такие приверженцы самодержавно-крепостнического строя, как шеф жандармов Бенкендорф, отдавали себе ясный отчет в «достигшей высокой степени продажности правосудия...»[54]. Декабристы говорили на эти темы непрестанно. Они отмечали тяжесть для просителей гербового сбора и платежей, которые судебные чиновники взимали при приеме прошений. И. Д. Якушкин писал в своих записках о беззаконном бездействии земского суда[55], декабрист Беляев утверждал: «Всем... было известно, что в судах... господствовало кривосудие: взяточничество было почти всеобщим; процессы продолжались до бесконечности; кто мог больше дать, тот выигрывал...»[56]. В показаниях Кюхельбекера указывалось на «злоупотребления... в большей части отраслей государственного управления, особенно же в тяжебном судопроизводстве, где лихоимство и подкупы производились без всякого стыда и страха...»[57]. Эти пороки самодержавно-крепостнического государства Кюхельбекер считал настолько страшными, что именно они заставили его вступить в общество. Еще более резко говорил об этом автор уже цитировавшейся выше прокламации: «В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия»[58].

Препровождая Аракчееву письмо, полученное им от секретаря земского суда, В. Н. Каразин прибавлял, что секретарь, «не имея от родителей ни малейшего состояния и быв только четыре года у места, из двух сот рублей царского жалования, строит дом в 22 окна»[59]. Каховский в письме к Николаю I указывал: «Никто из служащих не дорожит своим местом, если оно не прибыльно, гражданская часть унижена; но секретарь, получающий 200 р. в год, проживает тысячи. Все это знают, все это видят, и правительство равнодушно терпит. Не значит ли это поощрять преступления и водворять разврат?»[60].

Знал ли об этих фактах Рылеев? Разумеется, знал: он писал о продажности чиновников еще в 1820—1821 гг. Булгарину и Тевяшовым. О продажности суда и административного аппарата прекрасно был осведомлен и А. Бестужев. Всего лишь через год-два после сочинения песни «Ах, тошно мне и в родной стороне...» он скажет в письме к Николаю I: «Лихоимство их (судебных мест.— *А. Ц.*) взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием ... в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал»[61].

Эти красноречивые свидетельства как бы воплотились в образы сатирической песни «Ах, тошно мне и в родной стороне...». Царскому суду посвящены 7, 8, 9 и 10-я строфы. Характеристика суда начиналась с того, что была установлена связь между судом и господствующими сословиями:

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат,
И волочат
По дорогам да судам.

Вторая строка этой строфы отражает критическое отношение некоторых декабристов к духовенству. Рылеев и Бестужев видели в сельском священнике пособника помещику-крепостнику. В сатирической песне о кузнеце первый нож направлен был «на бояр и вельмож», а второй — «на попов, на святош». Не следует забывать, что в начале 20-х годов «святоши» — религиозные мракобесы всех толков и калибров — пользовались громадным влиянием.

Вся строфа в целом отличается исключительной четкостью социальной оценки. Она указывает на основные факторы угнетения, облеченного в форму «правосудия». Вслед за этим в трех строфах изображена типическая картина дореформенного суда. Перед слушателями и читателями песни красноречивой вереницей проходили те люди, с которыми постоянно приходилось иметь дело просителям из среды крепостного крестьянства. Здесь был и сторож, которого нужно было «ублаготворить», прежде чем попасть в помещение суда, и судьи, которые были «глухи без синюхи» (пятирублевой ассигнации.— *А. Ц.*). Эти люди различны, но всех их объединяет общая черта — алчность:

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

11 и 12-я строфы песни посвящены налоговой политике самодержавно-крепостнической империи. В десяти строфах охарактеризованы разнообразные методы взимания налогов с населения. Тут и дорожный налог, и водочная монополия — и все это по приказу носителя верховной власти:

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь...

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином...

Налоговая политика правительства вызывала резкое осуждение декабристов. Каховский в письме к Левашову указывал на «совершенное несогласие выгоды казны с выгодами народа»: «Казна все отымает у граждан, не оставляя им ничего, кроме тягости и нищеты... Мы совершенно обнищали и не можем нести тяжелых повинностей. Если до сих пор уплачивали их, то какими изнурительными средствами!» [62].

То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

Дорожная повинность, писал П. Каховский, «превышает все прочие земские повинности, ни от одной столь многого не терпел народ». «Между повинностями — одна из тягостнейших — исправление дорог...» — указывал А. Якубович[63]. «Беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, часто в страдную пору, довершили их разорение», — отмечал Штейнгель [64]. И. Д. Якушкин подчеркивал, что «устройство больших дорог, по которым не было проезда, было повседневно разорительно для крестьян» [65].

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином...

Эти строки говорили о винной правительственной монополии, резко осуждаемой декабристами. В 1819 г. казенная продажа заменила винный откуп в 29 губерниях Великороссии. В. И. Штейнгель указывал, что «главный государственный доход основан на развращении и разорении народа...». В письме к Николаю I Штейнгель характеризовал «новый образ винной продажи», как «источник чрезмерно гибельного народного разврата и самого разорения» [66]. Декабрист Булатов свидетельствовал, что хотя продавцы в винных лавках «для береженья здоровья и берут предосторожности тем, что разводят вино водой, но в этом убыток народа: они пьют до пьяна и следовательно, платя и за воду то же, что и за вино, теряют вдвойне свои деньги» [67]. Отметим, что последняя формулировка почти совпадает со строками песни: «И народу лишь за воду велят вчетверо платить».

О тяжести правительственной монополии на продажу вина неоднократно говорили и авторы песни. Рылеев указывал на это в неопубликованной при его жизни записке об Острогожске. А. Бестужев писал из крепости Николаю I о том, что «запрещение винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размножение питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт» [68].

Так подчеркивается правдивость песни «Ах, тошно мне...». За каждым ее стихом стоит, как мы видели, бесконечная череда фактов русской жизни. Они были хорошо известны декабристам, говорившим на эти темы в показаниях на судебном следствии, в личных письмах к царю и позднее в мемуарах.

Песня «Ах, тошно мне и в родной стороне...» выражала острое недовольство декабристов режимом самодержавия и крепостничества, правдиво отражала катастрофическое положение, в котором находилось русское крепостное крестьянство. По характеристике современного нам историка, помещик в эти годы «усиливал крепостническую эксплуатацию: увеличивал барщину и оброк, расширял барскую запашку за счет крестьянской земли... Аграрный кризис 20-х гг. еще более ухудшил положение крестьян: затруднения в сбыте хлеба обострили нужду помещика в деньгах; чтобы получить недостающие ему денежные суммы, помещик усиливал эксплуатацию крестьян. Голодные 1820—1823 гг. сыграли свою роль в росте крестьянского движения. Требование освобождения от крепостной неволи было основным лозунгом крестьянского движения» [69].

Конец 1810-х и начало 1820-х годов ознаменовались бурным ростом крестьянского движения: в 1815 г. волнения происходили в 13 губерниях, в 1817 г. уже в 16, в 1818 г. — в 19. Происходившее в 1818—1820 гг. на Дону восстание охватило до 45 000 человек. По подсчетам историков, в 1813—1825 годах произошло не менее 540 волнений [70]. «Многочисленные возмущения барщин, — отмечал А. Бестужев, — ознаменовали три последние года царствования Александра I» [71]. Это возмущение крепостных явственно чувствуется и в написанной от их имени агитационно-сатирической песне «Ах, тошно мне и в родной стороне...».

Рылееву и Бестужеву удалось ярко раскрыть в песне социальную психологию крестьянина и, в частности, показать стремления крепостных:

А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.

И эти стихи правдивы: отсталое и политически неорганизованное крепостное крестьянство питало надежды на такую «старину».

В песне чувствуются бунтарские настроения крепостных, их сдержанная, но отчетливая ненависть к царю и угнетателям народа:

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами.
Так мотай себе на ус.

Песня «Ах, тошно мне...» — наивысшее достижение Рылеева и Бестужева в песенном жанре не только в социально-политическом, но и в художественном плане. Как мы уже видели, она насыщена выразительными образами, рисующими крестьянскую психологию: «Там же (т. е. в суде.— *А. Ц.*) каждая душа Покривится из гроша» или «Нас поборами царь Иссушил, как сухарь». Вся песня написана живым и метким языком народной массы, отличается непринужденной разговорностью. Мы находим здесь такие просторечные слова, как «рухлядь», «мошна», «синюха», «волочат», «морочат», «потчуют», такие морфологические особенности крестьянской речи, как «людями», «всех затеев», такие характерные народные обороты, как «век вековать», «ты за всё, про всё давай», «барство присудил», «силой выручим» и т. д. Видную роль играют здесь и пословицы: двумя из них в финале песни выражена угроза барам. Ни в одной из песен Рылеева и Бестужева народная речь не была представлена столь полно и ярко, как здесь.

В этой связи интересно указать на свидетельство одного из слуг Рылеева, отмечавшего, что поэт «в обращении прост и охотник прислушиваться на улице к народным речам. Бывало подслушает какое слово и, как воротится домой, запишет его на бумаге» [72]. Это характерное для последних лет жизни Рылеева внимание к народной речи полнее всего отразилось в его песнях и, в частности, в песне «Ах, тошно мне...».

Замечательна и стиховая организация песни. Каждый из ее 15 куплетов состоит из двух стихов по три стопы в каждом (два хорея и ямб), двух укороченных стихов (по две стопы хореического размера) и заключительного стиха подобного 1-му и 2-му:

Уж так худо на Руси
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Такая структура стиха отличается гибкостью и способствует выразительности его интонаций.

Заметим, что форма эта была взята Рылеевым и Бестужевым из народной, в частности, солдатской песни той поры. «Глас вопиющего в военных поселениях» начинался следующими стихами:

Жизнь в военном поселеньи
Настоящее мученье,
    Только не для всех.
Поселяне голодают,
Зато власти поживают
    Очень хорошо.

Эта солдатская песня подсказала Рылееву и Бестужеву также прием последовательного перечисления эксплуататоров народа:

Окружные, областные —
Все мошенники такие,
    Каких не найдешь.
Казначеи, авдиторы
И квартирместеры — все воры [73].

Как признавали сами авторы, песня «Уж как шел кузнец», а отчасти и другие песни писались «на манер подблюдных», т. е. обрядовых крестьянских песен.

Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева тяготели к реализму. Их авторы уже не витали в романтическом мире борьбы «свободы» с «самовластием»: в этих песнях раскрывалась действительная картина русской жизни. Картина эта отличалась выразительностью уже в песнях «Ах, где те острова...», «Ты скажи, говори...», «Царь наш, немец русский...», однако наибольшей реалистичностью отличалась песня «Ах, тошно мне...».

Образы действующих лиц в этих песнях резко противопоставлены друг другу. Один лагерь составляют нищие и бесправные крепостные крестьяне, в другом находятся все те, кто сидел на шее народа. Этот второй лагерь отличается разнообразием фигур: мы встретим здесь и крепостников-помещиков, и приходского сельского попа, и земский суд во всем его составе. Авторы песни указали и на роль правительства, которое опутало русский народ всевозможными налогами. Но этого мало: мысль авторов песни поднималась выше — к временщику, которому царь вверил управление Россией, и к слепо доверяющему этому временщику царю. Рылеев и Бестужев выступали в этой песне продолжателями революционной традиции Радищева. Они подчеркивали, что рус-

ские крепостные крестьяне томятся в ярме социального насилия.

Для русской поэзии начала XIX в. такая четкость концепции была явлением исключительным: мы не встретим ничего подобного ни в одном поэтическом произведении той поры. В частности, следует отметить, что авторам песни была чужда идеализация верховной власти. Изображенный здесь царь никогда, конечно, не освободит крестьян «манием» руки (ср. не лишенную конституционных иллюзий «Деревню» Пушкина). В песне «Ах, тошно мне...» изображен «подмахивающий» жестокие указы дворянский, помещичий царь, каким он, разумеется, и являлся.

Песни нужно рассматривать как стихийное движение Рылеева и Бестужева к реализму. Движение это было особенно сильным в песне «Ах, тошно мне...», в известной мере предвосхищавшей знаменитые «Размышления у парадного подъезда». Разумеется, в гениальных стихах Некрасова неизмеримо больше глубины и художественного синтеза. Широкая картина страданий крестьянской Руси насыщена свойственной Некрасову беспощадностью революционного отрицания. В песнях Рылеева и Бестужева все это было еще в зародыше. Однако именно они пошли путем, который 34 годами позднее привел к «Размышлениям у парадного подъезда».

Авторам песни «Ах, тошно мне...» не удалось избавиться от классовой ограниченности дворянских революционеров. Она проявилась в первую очередь в том, что Рылеев и Бестужев боялись пустить свои песни в крестьянскую среду. «Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались. Мы более всего боялись народной революции; ибо оная не может быть не кровопролитна и не долговременна, а подобные песни могли бы оную приблизить. Вследствие сего, дурачась, мы их певали только между собою»[74]. Этому категорическому заявлению Бестужева противоречило, однако, свидетельство его брата, который утверждал, что песни Рылеева и Бестужева проникали в солдатскую и матросскую массу. В воспоминаниях, написанных в ссылке Н. Бестужевым, читаем: «Кажется, трудно поверить, чтобы этот катехизис простого народа не распространялся все более и более». И в другом месте: «Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могло находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем. С другой стороны, одного преследования, без всякого

внутреннего достоинства, достаточно было для заманчивости сих легких творений, чтобы образованные люди пожелали сохранить их. Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками... В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция (т. е. оглашен приговор.— *А. Ц.*), и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артилерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева»[75].

В своих показаниях на следствии А. Бестужев намеренно преуменьшил круг распространения «возмутительных» песен в солдатской и матросской среде. В действительности члены тайных обществ нуждались в поддержке солдат и вели среди них пропаганду. Поддержка матросов и солдат была для них особенно необходима, и именно поэтому некоторые песни были отправлены не только в Кронштадт, но и в район южной армии. Связи с крестьянской массой у «северян» не было, да крестьянам были бы непонятны такие песни, как «Ах, где те острова» или «Ты скажи, говори». Что касается песен «Уж как шел кузнец» и «Ах, тошно мне...», то итти с ними в среду крепостных крестьян было опасно. Сильно и горячо раскрывая картину народного горя, Рылеев и Бестужев боялись призвать крестьян к восстанию. Было ли это парадоксом? Нет, здесь была заключена трагическая логика дворянского этапа русского революционного движения.

В песне «Ах, тошно мне...» Рылеев и Бестужев говорили о народе и с позиций народа, говорили народным языком. В этом их произведении были особенно рельефно отражены антикрепостнические настроения крестьянства, их надежды на жизнь «по старине», так, как жили они до введения крепостного права:

А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.

V

Таковы шесть дошедших до нас песен Рылеева и Бестужева. У каждой из них имелась своя тема: общественный и литературный быт русской столицы («Ах, где те острова...»), история дворцовых переворотов XVIII в. («Ты скажи, гово-

ри...»), облик русского самодержца («Царь наш, немец русский...»), жизнь гвардейских солдат («Вдоль Фонтанки-реки...»), революционная расправа представителя народной массы с ее исконными врагами («Уж как шел кузнец...»), наконец, безотрадная жизнь закабаленного и нищего крестьянства («Ах, тошно мне...»). Три первые песни или еще лишены политических выводов, или содержат их только в финальной части. В песнях о кузнеце и родной стороне поэты-декабристы осуществили резкую критику русской действительности, критику, из которой сами собой напрашивались революционные выводы.

Обострением политической тенденции песен определялась и их жанровая эволюция: от шутки и юмора Рылеев и Бестужев перешли к политической прокламации и памфлету.

Обращаясь к общей идейно-художественной характеристике этих песен, следует прежде всего отметить в них органическое сочетание «негативного», сатирического с «позитивным», агитационно-пропагандистским содержанием. В песне о кузнеце воспевалась народная месть «боярам», попам и самому царю. Чрезвычайно сильна агитационная заостренность песни «Ах, тошно мне...», призывавшей крестьян готовиться к отпору насильникам («А что силой отнято, силой выручим мы то»). Рылеев и Бестужев создали широкую по жанровому диапазону песню, которая включила в себя и живое отражение ряда фактов современного им быта («Ах, где те острова...»), и четкую социальную характеристику коренных основ русской жизни («Ах, тошно мне...»).

Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева опираются на русское народное творчество — на мотивы и приемы русских сказок («Ах, где те острова...»), на «подблюдные» припевы русской лирической песни, на простонародный, крестьянский язык. Этим песням свойственна простота и сжатость композиции, выразительность эпитетов и других средств языка, мелодичность, разнообразные типы припевов.

По справедливому указанию А. М. Новиковой, на художественную манеру агитационно-сатирических песен Рылеева и Бестужева оказали несомненное влияние песни «Плач холопов» и «Как за барами житье было привольное», солдатские стихи «Глас вопиющего в военных поселениях», «Жизнь солдатская», народные песни об Аракчееве и т. п. «Значительное количество таких народных произведений... указывает на то, что, наряду с развитием дворянской революционности в эпоху декабризма, глухое, но сильное недовольство накапливалось и в крепостных массах... Тем большей является заслуга Рылеева, который при создании своей песни смог не только наиболее глубоко понять социальные страдания и стремления наро-

да, но и приблизиться к языку и стилю народных сатирических песен и стихов» [76]. Но Рылеев и Бестужев пошли далее народных песен: не довольствуясь изображением отдельных «тяжестей народной жизни», они вынесли приговор всей самодержавно-крепостнической системе.

Современники-читатели и слушатели этих песен почти не оставили нам своих оценок, но их было немало и до и после 14 декабря 1825 г. «Эти вольные разговоры, пение не революционных, а сатирических песен и т. п. было дело очень обыкновенное, и никто не обращал на то внимания. Однажды Булгарин (тогда еще холостой) давал нам ужин. Собралось человек пятнадцать. После шампанского давай читать стихи, а там и петь рылеевские песни. Не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренно смеялись. Помню антилиберала Василья Николаевича Берха, как он заливался смехом. Только Булгарин выбегал иногда в другую комнату. На следующий день прихожу к Булгарину и вижу его расстроенным, больным, в большом смущении. Он струсил этой оргии и выбегал, чтобы посмотреть, не взобрался ли на балкон (это было в первом этаже дома) квартальный, чтобы подслушать, что читают и поют» [77].

Это свидетельство принадлежит Н. И. Гречу; рассказу его нельзя отказать в колоритности: в нем так и видишь Булгарина, который еще до 14 декабря 1825 г. готовился перейти в стан реакции. Ему Рылеев обещает, когда произойдет революция, отрубить голову на издаваемой Булгариным газете «Северная пчела» и скажет: «Ты не Пчелу, а Клопа издаешь!»[78].

Но, отпугивая будущих врагов и даже порою союзников (например, Адама Мицкевича и его друзей, слышавших эти песни под новый, 1825-й год на квартире Рылеева), песни Рылеева и Бестужева нравились передовым людям той поры. Их ценил Пушкин, с некоторой демонстративностью предпославший первой главе «Пиковой дамы» песню «Так в ненастные дни...», написанную по образцу песни «Ах, где те острова...». Пушкин же любил напевать песню «Царь наш, немец русский» [79].

Песни Рылеева и Бестужева пелись прежде всего участниками тех «русских завтраков» на квартире Рылеева, во время которых «беседа была оживлена... предметами чисто литературными», но не ограничивалась ими [80]. Здесь «то там, то сям вырывались стихи с оттенками эпиграммы или сарказма» [81].

Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева обрели после 14 декабря 1825 г. новых читателей из среды демократической интеллигенции. Песни «Вдоль Фонтанки-реки» и «Ах, где те острова» были известны в кружке Критских,

которые распространяли их среди студентов [82]. Известны они были и в школе армейских подпрапорщиков в Калуге.

Читатели агитационно-сатирических песен вводили при их переписке и при дальнейшем чтении новые варианты, приспособляли их к изменившимся политическим условиям. Так, в песне о Фонтанке-реке появляется такое двустишие: «Да Семеновский полк покажет им толк». Песня «Ты, скажи, говори» обогащается куплетами о Павле I:

Как курносый злодей
Сел на троне за ней
Вскоре,
И немецкий мундир
Он надел на весь мир
Горе! [83]

В списке песни «Ах, тошно мне...» из архива Вяземского есть также плоды творчества новых читателей:

Глупость прежних крестьян
Стала воля в изъян.
Они кожу с нас дерут...
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.
Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
Поселенье
Разоренье
Православным на беду [84]
и т. д.

Появляются новые варианты песни «Ах, тошно мне...». Их содержит, например, список М. А. Бестужева, хранящийся в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в котором читаем:

Чем мы хуже господ?
У нас тот же нос и рот.
По рассудку
И желудку —
Братья мы, и по кресту.
А на деле-то не так.
Нас меняют на собак,
И для фарту,
Так на карту
Ставят всю семью в раздробь.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
То налоги,
То дороги
Разорили нас в конец.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

И заплакал народ,
Но ему зажали рот...
и т. д.

Эти варианты замечательны гораздо более резкой характеристикой издевательств бар над крепостными, очень выразительной оценкой поведения царского войска в крепостной деревне и, наконец, указанием на военные поселения. Оценка последних особенно примечательна, поскольку эти строфы ранее известны не были.

Существенно изменяется у этих читателей и песня о кузнеце; общий смысл ее остается тем же, но вводятся новые образы, становится несколько иной и строфика песни:

Как идет кузнец из кузницы, слава!
Что несет кузнец? Да три ножика;
Вот уже первой-то нож на злодеев вельмож.
А другой-то нож на судей, на плутов;
А молитву сотворя: третий нож на царя!
Кому вынется, тому сбудется,
Кому сбудется, не минуется. Слава! [85]

Все эти изменения с неоспоримостью свидетельствуют о бытовании этих песен в новой читательской среде.

Жанр агитационно-сатирических песен Рылеева и Бестужева сыграл немаловажную роль в формировании соответствующей традиции в русской поэзии. В первую очередь здесь должен быть назван А. И. Полежаев, как автор солдат-

ской песни «Ах, ахти, ох, ура», написанной вскоре после 14 декабря.

От стальных тесаков
У нас спины трещат.
От учебных шагов
У нас ноги болят!
День и ночь наподряд,
Как волов наповал,
Бьют и мучат солдат
Офицер и капрал.

В этих стихах очевидно воздействие не только народной солдатской песни, но и песни «Ах, тошно мне...», которое проступало в гневных жалобах человека, угнетенного деспотизмом самодержавно-крепостнического строя, и в самой народной форме этой песни.

Воздействие рылеевско-бестужевской песни и пушкинского «Ноэля» чувствуется и в сатирической песенке В. И. Соколовского:

Русский император
В вечность отошел.
Ему оператор
Брюхо распорол.

Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к нам на царство
Константин-урод.

Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.

Грамотку читая,
Сжалился творец,
Дал нам Николая,
Сукин сын, подлец!

В 60-х годах Н. П. Огарев написал листовку под заглавием «Размышления русского унтер-офицера перед походом», в которой читаем:

Душит нас генеральчик с полчишком,
Душит нас и чиновник с крестишком,
Душит нас что ни есть господин,
Сукин сын, сукин сын, сукин сын [86].

Традицию декабристской песни продолжил в 60-е годы и Василий Курочкин, автор песни «Долго нас помещики душили»:

Суд Шемякин — до бога высоко,
    До царя далеко:
Царь сидит там в Питере, не слышит,
    Знай, указы пишет.
А указ, как бисером нанизан,
    Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь,—
    Все не понимаешь.

Песня Огарева близка рылеевской приемом перечисления эксплуататоров, сидящих на шее трудового народа и душащих его (у Рылеева: «И свобода У народа Силой бар задушена»). Песня В. Курочкина перекликается с «Ах, тошно мне...» образом царя, пишущего указы, народной пословицей «до бога высоко, до царя далеко», наконец, тем же размером разностопного хорея.

Продолжением декабристской традиции являются и другие образцы русской сатиры второй половины XIX и начала XX в. Развивая мотивы песни «Царь наш, немец русский», неизвестный автор писал:

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
    Волю обещал!

Ритмическая структура песни «Ах, где те острова...» была использована и в сатирической песне конца XIX в., высмеивающей Николая II:

Как у нас в городке,
На Неве на реке,
    Ника.
Из себя вышел вон,
Ножкой топает он,
    Дико,

И кричит: Ей же ей,
Им не дам, хоть убей
    Воли!..

Открытое подражание песне «Царь наш, немец русский...» представляет собой революционная песня 1906 г.:

Царь наш с виду жидок,
Да на пакость прыток.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Пакостит при свете,
А живет в секрете...

Да за комплименты
Шлет кресты и ленты...

В горсти зажимает
Подати сдирает...

А чтоб скрыть проказы,
Знай, строчит указы.

Пишет он их гладко —
Жить по ним не сладко [87].

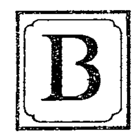
Так на протяжении почти столетия жили и воздействовали на русскую политическую сатиру песни, сочиненные в 1823—1824 гг. поэтами-декабристами. Роль их коллективных творений в истории русской сатирической поэзии значительна и почетна.

Глава седьмая

ЛИРИКА И САТИРА

1824—1826 гг.

I

1824—1825 гг. продолжала развиваться не только эпическая поэзия Рылеева («Наливайко», фрагменты неоконченных поэм), но и его лирика, отражавшая переход поэта на новую ступень идейно-художественной зрелости. Правда, гражданские тенденции сочетались с вторжением в его лирику не свойственных ей ранее мотивов интимной поэзии. Таковы его элегии «Исполнились мои желанья» и «Покинь меня, мой юный друг». Однако в основном лирика Рылеева сохранила свой общественный, гражданский характер.

Центральное место в рылеевской лирике 1824—1825 гг. занимал цикл дружеских посланий. Все они прямо или косвенно были адресованы ближайшему другу и единомышленнику поэта А. А. Бестужеву. Именно к нему обращены «Стансы», в которых критики без всяких на то оснований усмотрели рецидив байронических настроений. Так, критик «Сына отечества» Д. Р. К. (повидимому, Княжевич) отнес «Стансы» «к тому роду поэзии, которую г. Кюхельбекер весьма удачно обозначил в 3-й части „Мнемозины“ под именем *тоски о погибшей молодости*». «Хорошо,— писал далее Д. Р. К.,— но я не люблю жалоб молодого человека на человечество» [1].

Но только с первого взгляда могло казаться, что «Стансы» полны этих чисто литературных, условных, оторванных от жизни мотивов. Поэт говорил о несбывшихся «пророчествах» своей «пылкой юности», о «горьком жребии одиночества», выпавшем на его долю, о его разочаровании «в сердцах» окружавших людей.

Что это за разочарование и какого оно рода, можно было только догадываться, пока в самое последнее время не была найдена третья строфа «Стансов». Содержание ее касается характеристики людей, окружающих поэта.

Все они, с душой бесчувственной
Лишь для выгоды своей
Сохраняют жар искусственный
К благу общему людей.

Причины, по которым эта строфа была устранена из «Стансов», не вполне ясны. То ли Рылеев не хотел еще нападать на политически малоактивную часть «северян», против которой направлены «Стансы»; то ли эта строфа смущала его в цензурном отношении — она могла поставить под удар «Полярную звезду», в которой «Стансы» были напечатаны. В последнем убеждает как автограф «Стансов», написанный рукою Рылеева, так и копия, снятая с него рукою А. Бестужева. В автографе приведенная выше строфа имеется, в бестужевской копии ее уже нет; надо думать поэтому, что устранение этого четверостишия произошло еще до отсылки «Стансов» в цензуру [2].

Новонайденная строфа совершенно меняет смысл «Стансов», переводя их тематику из личного в общественно-политический план. Поэт полон «тяжкой грусти» и «черной думы» не потому, что, заразясь «байронической» модой, разочаровался в людях, а потому, что эти люди думают лишь о своих выгодах, имеют душу, бесчувственную к «общему благу». «Хандра» Рылеева — это тоска передового человека 20-х годов, болезненно переживающего то, что русское общество не стоит на высоте требований, предъявляемых к нему современностью. В сущности уже здесь частично был предвосхищен один из важнейших мотивов «Гражданина». Люди «с искусственным жаром» в душе — это то «племя переродившихся славян», которое стремится «в постыдной праздности влачить свой век младой».

Обращаясь к другу во втором стихотворении бестужевского цикла, Рылеев противопоставлял себя этим «холодным» людям:

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Не даром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

Написанное весною 1825 г. в связи с неблагоприятной оценкой, которую Пушкин дал «Думам», послание это содер-

жит сжатую характеристику эстетики Рылеева. Его творчество движимо «высокими думами» и пламенными «восторгами», которые рождаются в служении поэта передовым идеалам своего времени:

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

Эти стихи перекликались с написанным в 1824 г. посвящением А. Бестужеву «Войнаровского». О стихах своей поэмы Рылеев писал:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

Все эти послания к Бестужеву были объединены общей темой служения передовым идеям века, темой создания такого искусства, которое воспитывало бы в людях не «искусственный», а подлинный жар революционного патриотизма.

Пропаганда гражданского искусства содержалась и в траурной оде Рылеева «На смерть Бейрона». Передовая русская молодежь относилась к Байрону с глубоким уважением. В его романтическом протесте против буржуазной Англии декабристы и близкие к ним люди распознавали дорогие им тенденции. А. Бестужев славил «неизмеримого Байрона», который «гордо сбросил с себя золотые цепи фортуны, прозрел всеми замашками большого света» и тем завоевал «вечный день славы». Вяземский противопоставлял «мятежного» Байрона «тишайшему» Жуковскому, у которого «все душа и все для души» [3]. Он видел в Байроне такого поэта, который был всего нужнее в борьбе порабощенных наций за свое освобождение.

Байрон умер 7 апреля 1824 г., в разгар своей самоотверженной борьбы за независимость Греции. Весть об этом произвела тяжелое впечатление на передовую русскую общественность. В мае того же года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Какая поэтическая смерть!.. Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, у бeждал из темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину... Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый — это океан поэзии!» [4].

Декабристы оплакивали Байрона-поэта, как боевого соратника в борьбе с международной реакцией. В неопубликован-

ном письме А. Бестужева к Вяземскому говорилось: «Мы потеряли брата... в Байроне, человечество своего бойца, литература — своего Гомера мыслей. Он завещал человечеству великие истины в изумляющем даровании своем и в благородстве своего духа пример для возвышенных поэтов» [5].

В стихотворении «Смерть Байрона» Кюхельбекер воспел скончавшегося поэта, всемерно подчеркивая в его облике черты политического вольнолюбия:

Бард, живописец смелых душ,
Гремящий, радостный, нетленный,
Вовек пари — великий муж,
Там, над Элладой обновленной!
Тиртей, союзник и покров
Свободой дышащих полков!

Это стихотворение Кюхельбекера ярко запечатлело декабристский идеал поэта, воспламеняющего соотечественников ненавистью к тиранам.

Почти одновременно с Кюхельбекером поэтический некролог Байрону написал Рылеев. Его ода начинается с изображения «тоски» и «погребального траура», которым охвачены «священной Греции сыны», с картины гроба, стоявшего перед алтарем храма в Мисолонгах. От этой картины «скорбной» Греции естествен был переход к изображению Англии. Декабристский поэт равнодушен к «гигантской силе» этой державы, в которой народ находится в «тяжелом рабстве от аристократии» (именно так говорил поэт Г. С. Батенькову) [6]. Рылеев считал Байрона величайшим сыном своего народа именно потому, что поэт не имел ничего общего с «тиранами», что он «увянул» в святой борьбе за национальное освобождение угнетенного народа.

Для революционного романтизма Рылеева характерно, что поэт считал Байрона «победителем Шекспира», что он наделял романтического поэта добродетелями величайших героев античного мира. Рылеев указывал на то, что имя Байрона возбуждает не только любовь, но и ненависть. Человечество раскололось в оценке его на два враждебных стана:

Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Даже такие умеренные в политическом отношении исследователи, как Стороженко и Котляревский, поняли, что Рылеев учился у Байрона «мужеству и гражданской доблести, а не

хандре и человеконенавистничеству, как многие из наших тогдашних байронистов. Английский бард был для него не мрачным гением и певцом сатанинской гордости — он был эмблемой свободы...» [7].

II

1825-й год был годом деятельной подготовки декабристов к революционному выступлению. Александр Бестужев в письме к Николаю I из Петропавловской крепости следующим образом охарактеризовал это преддекабрьское время: «Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомерную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что им не дают учить, молодежь на препятствия в ученье. Словом, во всех углах виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили, к чему это приведет? Все элементы были в брожении». Правительство Александра I, по выражению А. Бестужева, «беззаботно дремало над волканом» [8]. «On conspirait ouvertement»,— удостоверял живший в ту пору в Петербурге Адам Мицкевич [9]. Это общее «брожение», эта «открытая конспирация» не могли не сказаться на усилении политической остроты рылеевской лирики. Декабристский поэт теперь более чем когда-либо говорил во весь голос. Он бичевал прогнивший строй самодержавно-крепостнической империи, со всей страстью проповедуя «высокие» истины декабристской революционности. Перемену тона, усиление его резкости мы находим уже в послании Рылеева к В. Н. Столыпиной, опубликованном в мае 1825 г. в газете «Северная пчела»; еще более решительным стал тон поэзии Рылеева к осени 1825 г.

Поводом для послания к В. Н. Столыпиной послужила, как известно, смерть А. А. Столыпина, прогрессивно настроенного русского сенатора. Как оппозиционный государственный деятель, высокое гражданское мужество которого было особенно необычно в условиях последних лет александровской реакции, А. А. Столыпин должен был, конечно, весьма импонировать Рылееву. Со слов последнего, Н. А. Бестужев показал 26 декабря 1825 г. Следственной комиссии, что «покойный сенатор А. А. Столыпин одобрял [тайное общество], и потому верно бы действовал в нынешних обстоятельствах вместе с ним» [10].

К этим доводам можно в настоящее время прибавить

еще одно свидетельство. В показании В. И. Штейнгеля Следственной комиссии читаем: «...Рылеев не однажды вспоминал об обер-прокуроре Столыпине: Вот был человек, говорил он; как жаль, что умер!»[11].

Послание Рылеева невелико по своему объему,— в нем всего 12 стихов,— но полно большого общественного значения:

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя; ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

Если в основе «Видения» и «Гражданского мужества» лежали идеализированные образы «просвещенного царя» и «мудрого вельможи», то теперь центр тяжести перенесен был на воспитание «юных исполинов» — молодого поколения, готового «пасть за край родной», в борьбе за политическое раскрепощение отчизны. Рылеев не договаривал этой мысли до конца, но, конечно, имел в виду не войну, а гражданские доблести передовой молодежи: недаром он тут же говорил о ненависти пламенных душ к «неправде».

И еще один образ нарисован в этом коротком послании — это образ передовой женщины, воспитательницы духовно «прекрасных чад». Этот «священный долг» превосходно выполнила Рогнеда, вложившая в душу Изяслава ненависть к тирании. Та же задача поставлена поэтом и перед В. Н. Столыпиной.

Послание к Столыпиной мажорно по тону; в нем нет и тени той тоски, которая чувствовалась в элегиях 1824 г., а отчасти и в «Стансах». Русские люди должны служить отчизне и быть готовыми отдать ей жизнь, говорил Рылеев своим посланием: таковы Мордвинов и Столыпин, такими же должны быть их жены и дети, «прекрасные чада» русского народа. Проблема отношения «детей» к наследству «отцов» решалась здесь поэтом в последовательно декабристском духе.

В послании к В. Н. Столыпиной Рылеев говорил почти открыто, без умолчаний и аллегорий, стремясь поднять на борьбу новые кадры борцов.

Голос поэта еще более окреп в стихотворении «На смерть К. П. Чернова», написанном Рылеевым в связи с трагическим окончанием дуэли между декабристом Черновым[12], заступившимся за оскорбленную честь своей сестры, и аристократом, царским адъютантом Новосильцевым. Некоторые исследователи считают, что это послание написано В. Кюхельбекером; в числе их — Н. И. Мордовченко, исключивший это послание из второго издания сочинений Рылеева в Малой серии «Библиотеки поэта»; на этой же точке зрения стоят В. Н. Орлов и Б. С. Мейлах. Однако точка зрения этих исследователей не может быть признана основательной. Известно, что это стихотворение впервые было опубликовано в «Полярной звезде на 1859 год» (кн. V) как произведение В. К. Кюхельбекера; однако уже П. А. Ефремов оспорил его авторство, указав на то, что «сохранился листок с этими стихами, писанный рукой Рылеева. Перечерки и поправки указывают, что Рылеев был автором, а не переписчиком этого стихотворения»[12].

Обращаясь к этому автографу, мы видим, что первые четыре стиха этого произведения (деления на строфы в автографе нет) перечеркнуты, а пятый стих в связи с этим изменен: вместо «Не суть отечества сыны» написано «Нет, не отечества сыны». Купюра и поправка в пятом стихе очень любопытны. Б. С. Мейлах полагает, что «этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение»[14].

Довод этот ничем не подкреплен, поскольку у Рылеева не могло быть намерения напечатать стихотворение на смерть Чернова. Он не мог питать иллюзий, что это удастся: даже будучи лишено первой, наиболее острой строфы, послание все же было политически нецензурным. Ни Бируков, ни какой-либо иной цензор никогда не пропустили бы стихов, где русские аристократы аттестовались, как «питомцы пришлецов презренных», как среда, в которой «святую ненавидят Русь».

Я не вполне согласен и с Ю. Г. Оксманом, редактором Полного собрания стихотворений Рылеева, полагающим, что «первое четверостишие в автографе зачеркнуто, возможно, не самим Рылеевым и лишь в порядке самой примитивной симуляции отказа от революционного заострения произведения, в случае его находки при обыске»[15]. Дело здесь не в заботах о печатании и не в опасениях обыска, а в том, что В. К. Кюхельбекер предполагал их прочесть на могиле Чернова, во время его похорон, причем прочесть *без первой строфы.* По воспоминаниям Д. И. Завалишина, стихотворение, которое Кюхельбекер заучивал перед тем, как отправиться на кладбище, начиналось именно стихом «Не суть отечества сыны».

«Бойкая особа, но с чересчур заносчивым воображением», как аттестовал его А. Бестужев, Д. И. Завалишин создал специальную версию о создании этого стихотворения В. К. Кюхельбекером. Если верить ему, Кюхельбекер самолично решил эти стихи «продекламировать», а так как «не в видах тогдашнего тайного общества было возбуждать какую-либо рознь ни между сословиями, ни между национальностями», то решено было «воспротивиться какой бы то ни было демонстрации против аристократии». Кюхельбекер будто бы отдан был под специальный надзор Завалишина, который очень искусно помешал ему явиться на кладбище своевременно и пробиться к могиле через плотно сомкнутую толпу [16].

Говоря о Кюхельбекере, Завалишин обратился к обычному для него хвастовству: Кюхельбекер будто бы «всегда расположен послушать меня скорее, чем другого!». Рассказ о том, как Завалишин удерживал Кюхельбекера от чтения стихов, любопытен, но из него ни в коем случае не следует вывод, что Кюхельбекер намерен был прочесть свое произведение, а не стихотворение, данное ему для прочтения Рылеевым.

Очень подробный рассказ Д. И. Завалишина нисколько не убедителен в основном. В процессе сочинения стихов «На смерть К. П. Чернова» он не участвовал и кто их написал знать не мог. Кюхельбекер мог готовиться прочесть на могиле чужие стихи, поскольку Рылееву как родственнику Чернова и секунданту на только что состоявшейся дуэли, наконец, как фактическому руководителю Северного общества выступать с чтением было и неудобно, и опасно.

Вот почему это стихотворение в сознании некоторых современников оказалось связано с именем Кюхельбекера. А. Е. Измайлов писал М. Л. Яковлеву 16 ноября 1825 г.: «Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так хороши, но писаны от всей души» [17]. Письмо это, конечно, не может опровергнуть ни наличия рылеевского автографа, ни всех тех связей, которые стихотворение «На смерть К. П. Чернова» имеет с другими произведениями Рылеева.

Утверждая, что автором стихотворения был Кюхельбекер, В. Н. Орлов привлек для доказательства «некоторые характерные черты стиля и фразеологии». Ему кажется, например, что слова «Ликуй, ты избран русским богом» находятся в органической связи с тем, как Кюхельбекер употребляет выражение «русский бог» в одном письме из-за границы: «русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудесные способности» и т. д.[18].

Выражение «русский бог» кажется В. Н. Орлову типично кюхельбекеровским. Как быть, однако, с агитационно-сатири-

ческой песнью Рылеева и Бестужева «Ты скажи, говори», в которой

...господь русский бог
Бедным людям помог...

Как быть с «думой» «Дмитрий Донской», в которой Рылеев употребил выражение «русский бог» на два с лишним года ранее, чем автор стихотворения «На смерть К. П. Чернова»:

Враги смешались — от кургана
Промчалось: Силен русский бог!

Стилистические соображения не могут и не должны быть односторонними. Язык Кюхельбекера и язык Рылеева во многих отношениях сходны, и черты сходства обусловлены принадлежностью обоих поэтов к декабристскому крылу русской литературы. И у Кюхельбекера, и у Рылеева найдем мы архаически «затрудненный» синтаксис и иные сходные элементы стиля. Однако стиль Рылеева далеко не во всем совпадает со стилем Кюхельбекера, и как раз эти различия и заставляют нас считать стихотворение «На смерть К. П. Чернова» принадлежащим именно Рылееву.

Поэтическому творчеству Рылеева было в высокой степени свойственно обращение к «злобе дня». Поэт не раз избирал объектом изображения современных русских политических деятелей — Аракчеева, Ермолова, Мордвинова и других. Он клеймил позором тиранов, он окружал ореолом идеализации героев.

Особенно часто Рылеев создавал апофеоз исторического героя, павшего за народ в трудной и неравной борьбе. Именно так погибают герои многих из его «дум» — Михаил Тверской, Ермак, Сусанин и Наливайко. Рылеев всегда стремился связать судьбу своего героя с историей освободительной борьбы. В обоих «именных» стихотворениях 1825 г. — «В. Н. Столыпиной» и «На смерть К. П. Чернова» — апофеоз павшего героя совмещался с резкими сатирическими инвективами против тиранов.

По всем этим разнообразным соображениям стихотворение «На смерть К. П. Чернова» следует считать принадлежащим перу Рылеева. Обращаясь к характеристике произведения, мы должны прежде всего подчеркнуть резкий тон поэта и широту его политических обобщений.

Для того чтобы понять идейно-художественное своеобразие стихотворения «На смерть К. П. Чернова», нужно припомнить, в какой обстановке оно создавалось. Кончина Чернова возмутила русскую общественность и побудила ее к первой

в России уличной политической демонстрации. Гроб погибшего провожало до кладбища «множество» народа (Оболенский)[19]. Штейнгель справедливо отмечал, что похороны Чернова были «в каком-то новом, доселе небывалом духе общественности»[20]. Е. И. Якушкин свидетельствовал, что на похоронах Чернова «присутствовали все бывшие в Петербурге члены тайного общества. Это была их первая открытая манифестация, первый публичный протест»[21].

Декабристы осмысляли конфликт Чернова и Новосильцева, как столкновение «слабых» и «сильных». «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души»,— так писал в предсмертном письме сам Чернов. Е. П. Оболенский вспоминал: «...все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал и сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого»[22].

В отличие от Чернова и Оболенского, Рылеев с исключительной силой подчеркнул политический смысл гибели Чернова. Убит не только брат, вступившийся за честь сестры, убит верный сын родины, герой, самоотверженно борющийся с пороком. С первых слов Рылеев установил глубокую пропасть, разделяющую оба стана:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

Поэт не жалел красок, чтобы заклеймить этот лагерь тиранов и рабов. Как политический памфлет звучала вторая строфа стихотворения о «питомцах пришлецов презренных», о тех, кого Лермонтов двенадцатью годами спустя назовет «жадною толпой», стоявшей вокруг царского трона. «Цари», казалось бы, не действовали во время столкновения Новосильцева и Чернова; но они молчаливо защищали верных им «любимцев счастья». В стихотворении Рылеева клокотала ненависть к насильникам, которым поэт грозил народным мщением. Стихотворение содержало в себе открытый призыв к народной расправе над преступниками:

И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам,
Клянемся дщерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье.

Эти глубоко памфлетные по своему тону строфы сменялись прочувствованным апофеозом погибшего. В двух заключительных строфах этого стихотворения Чернов прославлялся как национальный герой, защитник чести русского народа:

Ликуй, ты избран русским богом
Нам всем в священный образец,
Тебе дан праведный венец,
Ты чести будешь нам залогом.

Семь строф этого стихотворения полны разнообразных эмоций — гнева, презрения, восторга; оно сочетало в себе сатиру и пламенный лиризм.

Ни в одном своем произведении Рылеев не противопоставил с такой силой «тиранов» и народ, «трепещущих рабов» и героических борцов с деспотизмом. Стихотворение «На смерть К. П. Чернова» являлось подлинной прокламацией в стихах. Резкость ее тона, сила ее ударов предвещали приближающееся восстание.

III

Самым значительным лирическим произведением Рылеева в 1825 г. было, вне всякого сомнения, стихотворение «Я ль буду в роковое время...», обычно называемое «Гражданином». В нем была поставлена такая важная проблема русского революционного движения, как отношение дворянской интеллигенции к народу. Стихотворение это отвечало на вопрос о политическом облике и моральном уровне передового борца. «Я ль буду в роковое время...» с исключительной силой запечатлело противоречия преддекабрьской поры, очертило «межу-предел», разделявшую тех, кто готовился к восстанию, и тех, кто «позорил гражданина сан». Рылеев во многих произведениях рисовал образ «гражданина», однако он нигде не говорил о его обязанностях так повелительно, как в этом стихотворении, по праву занимающем место в первом ряду русской революционной лирики, рядом с посланием «К Чаадаеву», «Думой», «Поэтом и гражданином». Вместе с Пушкиным, Лермонтовым и Некрасовым Рылеев говорил о долге политического борца перед народом, бичевал пороки своего поколения.

Время написания стихотворения «Я ль буду в роковое время...» не установлено. Сам Рылеев указывал, что стихотворение это вместе с песнью «Ах, тошно мне...» было им передано Муравьеву-Апостолу перед отъездом последнего из Петербурга в августе 1824 г. Однако некоторые декабристы, и среди них ближайшие друзья поэта, относили написание

«Гражданина» к более позднему времени. И. Д. Якушкин указывал, что стихотворение, начинающееся стихами «Я ль буду в роковое время...», «кажется, должно считаться последним, написанным им на свободе» [23].

По словам И. И. Пущина, в бумагах которого сохранился подлинник этих стихов, они были написаны в декабре 1825 г. В том же смысле высказывался и Н. Бестужев, который отмечал, что эти стихи были написаны Рылеевым «в последнее время для юношества высшего сословия русского» [24].

Нельзя, конечно, оспаривать значения авторского признания; но мы склонны присоединиться в этом вопросе к Пущину и Бестужеву. Содержание стихотворения «Я ль буду в роковое время...» свидетельствует о чрезвычайной накаленности политической обстановки. «Роковое время», о котором говорил Рылеев, было временем приближавшегося восстания. К этой фразеологии декабристский поэт обращался и ранее:

«И настанет часъ решительный,
Час для граждан роковой», —

говорил он устами Вадима в одноименной «думе», имея в виду восстание новгородцев против тирании Рюрика.

Декабристы пользовались той же многозначительной фразеологией. Член Северного общества Кожевников был приглашен к Сутгофу и там узнал, что «настал роковой час возмущения» [25]. Этот же эпитет — «роковой» находим и в речи самого Рылеева. Оржицкий рассказывал: «Вечером 13 декабря, когда пошел я к Рылееву, не знал я совершенно ничего об их плане, а так как он имел доверенность по делам моим и в шестимесячное отсутствие мое не писал мне ни разу, то я хотел узнать, сделал ли он что-нибудь для меня или нет? Пришедши к нему, не застал его дома, а выходя, встретил его на дворе. Первое его слово было: „в какой роковой день ты приехал“». Несколько ранее, в показаниях того же Н. Оржицкого значится: «13-го числа вечером взошел я к Рылееву, который сказал мне, что я приехал в день роковой, что они на другой день действуют...» [26]. «Роковой час», «роковой день» — этот многозначительный эпитет не идет к августу 1824 г.; но он как нельзя более уместен в применении к ноябрю — декабрю 1825 г., когда дело шло к быстрой развязке.

Почему же Рылеев датировал стихотворение 1824 годом? На этот вопрос можно дать лишь предположительный ответ. Следствию могло стать известно, что в стихотворении «Я ль буду в роковое время...» речь шла о революционном восстании («Они раскаются, когда народ, восстав, Застанет их в

объятьях праздной неги...»). Зная об этом, Рылеев предпочел хотя бы несколько отодвинуть это послание в прошлое и тем самым затушевать его политическую злободневность.

Непосредственным адресатом рылеевского стихотворения было «изнеженное племя», не готовящееся «для будущей борьбы за угнетенную свободу человека». Это «племя» действительно существовало в 1820-х годах. Процесс отпадения колеблющихся сказался уже в среде членов Союза Благоденствия после подавления волнений в Семеновском полку, он должен был, конечно, развиваться и позднее, в Северном обществе. Изучая протоколы следственных дел, мы знакомимся с процессом политической дифференциации в среде членов тайных обществ, которая шла быстрым темпом. Северное общество пополнялось в преддекабрьские месяцы новыми членами, включавшимися в деятельную подготовку восстания. Однако не все готовились к борьбе: в тайных обществах были и такие члены, которые сомневались в успехе восстания и были готовы «отпасть». Чем более приближалось время восстания, тем резче обозначались противоречия между левым флангом организации, быстро переходившим с конституционно-монархических на республиканские позиции, и умеренным его флангом, с которого как раз в эти месяцы усиливался отход колеблющихся и испуганных. Чем более приближались «северяне» к тому «роковому времени», когда должна была пролиться кровь «тиранов», тем больше в их среде становилось нерешительных, сомневающихся, отстающих. Революционные организации декабристов не оставались безучастными к людям этого типа. Законоположение Союза Благоденствия относилось с неодобрением к «малодушным, влекущим жизнь почти растительную» (кн. 2, гл. 1, § 18). Правда, «взирая на болезненное таковых несчастных положение», оно относилось к ним с известным мягкосердечием. В Северном обществе в 1825 г. на это реагировали гораздо более непримиримо.

К числу «малодушных» принадлежал, например, фон-Моллер, полковник лейб-гвардии Финляндского полка. Трубецкой назвал его членом общества. Оболенский пояснил, что «со времени производства (весною 1824 г. — *А. Ц.*) Моллера в полковники, он удалился от общества и, быв предварен о намерении на 14-е декабря, отказался участвовать в оном... 13-го декабря Пущин 1-й, между прочим, сказывал, что Моллер отказался от всякого содействия, сказав: „С чего вы взяли полагаться на меня, что я соглашусь?“»[27]. Не всегда политическое «малодушие» раскрывалось задолго до событий 14 декабря: иногда это происходило в самый день восстания. Корнет Кавалергардского полка Депрерадович в свое время дал Пестелю «клятву с жаром действовать» и готов был даже уча-

ствовать «в истреблении императорской фамилии». Но вот подошел «роковой день» и настроение Депрерадовича резко изменилось. «Во время присяги 14-го декабря Александр Муравьев сказал ему, что теперь настала минута, в которую они должны уговаривать солдат, но он не согласился на сие. Из сведений, доставленных командующим корпусом, видно, что Депрерадович присягнул вместе с полком и все время находился при оном у дворца. Вскоре после происшествия 14 декабря он сознался отцу своему в принадлежности к обществу и был им представлен государю императору. Его величество, во уважение поступка отца, не предал Депрерадовича суду»[28].

Разумеется, не все «раскаявшиеся» поплатились так легко, как Депрерадович, сын генерал-адъютанта и в будущем сам генерал-майор. И, конечно, далеко не у всех «северян» был в жизни такой крутой поворот. Но колебания и измена характерны для многих.

Депрерадович-младший и Моллер — люди, игравшие в Северном обществе третьестепенные роли. Но вот гораздо более влиятельный член общества, адъютант Морского штаба Торсон, следующим образом аттестованный в «Алфавите декабристов»: «Предположение начать открытые действия в 1826 году и намерения на 14-ое декабря были ему известны; но, не одобряя оные, от участия отказался и в предварительных совещаниях не присутствовал; на площади не был»[29].

Колебания, доходившие до прямого отхода от Северного общества, характеризовали поведение Андреева 2-го («явясь в роту, уговаривал солдат не присягать, но потом все время находился с полком на своем месте»)[30], корнета Арцыбашева и многих других.

Могли ли эти, зачастую еще окончательно не оформившиеся колебания, укрыться от взора Рылеева? Конечно, нет. Руководитель Северного общества знал, что Союз Благоденствия предпринимал решительные меры для того, чтобы очиститься от ненадежных в политическом отношении членов, лишь засорявших его ряды. Именно в этом смысле надо понимать свидетельство В. И. Штейнгеля на следствии: «Однажды... в 1824 году г. Рылеев мне сказывал, что общество давно уже составилось, но семеновская история расстроила: некоторые испугались и объявили, что не хотят принадлежать к Обществу. Рылеев заключил сей рассказ сими словами, кои остались у меня в памяти: да оно и лучше, знаешь, что которые послабее характером, вышли, тем безопаснее»[31].

В ту пору, когда писалось «Я ль буду в роковое время...», Рылеев был фактическим вождем Северного общества и находился в самом центре этой организации. С волнением и тревогой должен был он наблюдать за тем, как, наряду с притоком

в Общество новых сил, в нем росло число «праздных» людей, которые еще до схватки с самодержавием склонялись к мысли о капитуляции перед ним. Эти наблюдения становились особенно частыми в пору непосредственной подготовки восстания. Они в известной мере отразились уже в «Стансах» 1824 г.

Выдающемуся политическому поэту Рылееву было в высокой мере свойственно умение откликаться «на злобу дня». Сатира «К временщику» явно связана с волнениями в военных поселениях, послание к Ермолову — с греческим восстанием, «На смерть К. П. Чернова» — с дуэлью члена декабристской организации с «аристократом». Лирика Рылеева обращена была к тому, что волновало русское общество 20-х годов. Мог ли поэт не выразить тревоги, которая владела им накануне решающей схватки с самодержавием? Нет! Горечь презрения к колеблющимся и покидающим ряды общества отразилась в стихотворении «Я ль буду в роковое время...».

Рылеев писал о том, что он знал из своих горестных наблюдений, и о том, что он с такой тревогой предчувствовал. Из этих наблюдений и предчувствий родился один из центральных образов произведения — образ «изнеженных юношей», которые отвратились от славных традиций предков и отдались во власть низких, эгоистических «страстей».

Нетрудно обнаружить в этом стихотворении звучание характернейших струн рылеевской лиры. Оно обращено к «юношеству высшего сословия русского», к которому были адресованы и «Думы». В «Зеленой книге» воспитанию юношества посвящен был специальный раздел, включавший 18 параграфов. Законоположение Союза Благоденствия требовало от каждого члена этой отрасли утверждать людей «в правилах нравственности» «и с особенной энергией так поступать с молодыми людьми, кои, не получа совершенно основательного воспитания и вступая на поприще общественной жизни, с равной алчностью готовы принять как худые, так и хорошие впечатления». Рылеев пишет «Я ль буду в роковое время...» именно для этого слоя «молодых людей», стремясь утвердить их в способности воспринимать одни только «хорошие впечатления».

В одиннадцатом параграфе второго раздела Законоположения говорилось о необходимости «воздвигнуть ту нравственную стену, которая как нынешние, так и будущие поколения оградила бы от всех бедствий порока, и через то на вечных и незыблемых основаниях утвердить величие и благоденствие российского народа». Рылеевское стихотворение воздвигает эту «нравственную стену», отделяющую молодое поколение дворянской интеллигенции «от всех бедствий порока».

Для автора «Я ль буду в роковое время...», как и для создателей «Зеленой книги», главной целью было «во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости». Последние слова Законоположения были особенно применимы к стихотворению «Я ль буду в роковое время...»; оно насыщено глубоким презрением к тем, кто не понял «предназначенья века» и изменил делу революционной борьбы.

«Унижая порочных» и «презирая ничтожных людей» («Зеленая книга»), поэт бичевал тех, кто «отступает от своих обязанностей». Называя этих людей «изнеженным племенем переродившихся славян», Рылеев возвращался к одному из самых характерных мотивов своих ранних произведений. Эти люди не потомки Вадима или Рогнеды, не преемники тех, в ком воплощался исконный русский героизм. Скорее — это духовные потомки тех «византийцев», против которых шел походом Олег Вещий:

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

Борьба с «негой», с «изнеженностью» была равно присуща и декабристской публицистике, и поэзии. Устав Союза Благоденствия требовал «не расточать попустому время в мнимых удовольствиях большого света». Именно так говорил и Рылеев, отвергавший даже глубокое личное чувство во имя общего дела.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! Моя отчизна страждет.

Тем более он был беспощаден к неге чувственных наслаждений, которые были сатирически заклеймены еще в «Пустыне». Всей своей поэзией Рылеев старался дать надлежащее направление молодежи, состоявшее «не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего». «Сладострастье» им всегда решительно осуждалось.

На наших дев, на наших жен
Дерзнет ли вновь любимец счастья
Взор бросить, полный сладострастья,
Падет, перуном поражен.

Наряду со «сладострастьем» поэт изобличал и праздность. Он не с теми, кто готов «в постыдной праздности влачить свой

век младой». И здесь он, как и во всех иных случаях, не расходился с воззрениями прочих декабристов.

Устав Союза Благоденствия критиковал тех, кто мог бы «трудолюбием... принести пользу отечеству, но вместо того... только тяготят отечество, возбуждают в других охоту к праздности...». Это требование было особенно повелительным в отношении революционных борцов, обязанных действовать.

Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

Рылеев с замечательной четкостью устанавливал три разновидности духовного рабства. В состав его носителей входили люди развратные, праздные люди и люди, покорные «тиранам». Одно здесь переплеталось с другим: погруженность в эгоистические и чувственные удовольствия и праздность «изнеживают» человека и делают его неспособным противостоять «игу самовластья».

Наши частые сопоставления текстов Рылеева с программой декабристской организации имеют своей целью показать, какая органическая близость существовала между поэтом и политическим движением — не только в содержании освободительных идей, но и в самой фразеологии.

Противопоставление передового человека эпохи тем, кого Лермонтов вскоре назовет «пред властию презренными рабами», столь ярко раскрытое в стихотворении «Я ль буду в роковое время...», делалось Рылеевым не в первый раз. Мы найдем его еще в первой редакции «думы» «Вадим»:

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.

Революционный романтик, Рылеев понимал, что инициатива передовых борцов должна быть подкреплена нравственной поддержкой народа, которая, по его мысли, выражается прежде всего в морально-политической солидарности потомков с делом их предков.

Как и раньше (например, в сатире «К временщику»), для Рылеева понятие «народ» означало «нацию», без деления на классы и сословия. Как и раньше, Рылеев знал, что гнев этого народа будет страшным. Но теперь еще более резко, чем раньше, Рылеев говорил о «народе» как о справедливом мсти-

теле, несомненно развивая здесь традицию радищевской «Вольности». Радищев говорил о народной расправе над тираном, Рылеев — о народной расправе и над отступниками, и над духовными рабами. Конечно, радищевская тема была раскрыта в стихотворении «Я ль буду в роковое время...» далеко не с той широтой и последовательностью, с какой ее развернул революционный русский просветитель XVIII в. Радищев. Тем не менее созвучность рылеевского стихотворения «Вольности» несомненна.

Мастер ясной и отчетливой поэтической композиции, Рылеев сумел придать произведению черты глубокой внутренней логичности. В первых же двух стихах послания сжато сформулирована основная тема: «Я ль буду в роковое время Позорить гражданина сан?» Следующие два стиха вводили характерную для Рылеева историческую аналогию, которая перебрасывала мост между героическим прошлым и низменным настоящим: «И подражать тебе, изнеженное племя Переродившихся славян». В итоге уже в первом четверостишии с полной ясностью и четкостью поставлена была важная проблема.

Второе четверостишие содержит категорический ответ поэта на поставленный вопрос: «Нет, не способен я...» и т. д. Далее поэт развивает основную тему стихотворения. Два следующих четверостишия посвящены тому, что́ отделяет «изнеженную» часть современной молодежи от подлинных борцов за свободу. Эта развернутая характеристика завершается пятым четверостишием, в котором нарисовано грядущее мщение революционного народа.

Четкости композиции стихотворения «Я ль буду в роковое время...» вполне соответствует выразительность его языковых средств. Характерно, что Рылеев избегал здесь развернутых сравнений: естественные в поэме (например, в «Войнаровском»), здесь они только отвлекали бы в сторону мысли читателя. Тем не менее стихотворению Рылеева присуща яркая образность:

...народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги...

Этот образ замечателен своей экспрессивностью. Большую роль играют в стихотворении эпитеты: «роковое время», «изнеженное племя», «кипящая душа», «бурный мятеж», «постыдная праздность» и пр. Рылеевское стихотворение насыщено глаголами: «позорить гражданина сан», «подражать тебе, изнеженное племя», «влачить свой век младой», «изнывать кипящею душой» и т. д.

Каждое сложное предложение разделено на составные части; например, в восьми стихах третьего и четвертого четверостишия четыре предложения. Соединительный союз «и» встречается в стихотворении Рылеева много раз, всегда способствуя синтаксической четкости:

И подражать тебе...

И изнывать...

И не готовятся...

И не читают...

И в бурном мятеже...

Центральная часть стихотворения содержит уступительный период:

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются...

Характеризуя стихотворный размер «Я ль буду в роковое время...», следует прежде всего отметить в нем комбинирование четырех- и шестистопного ямба, придающее разнообразие ритму (этого разнообразия недоставало, например, стиху сатиры «К временщику», сплошь написанной шестистопным ямбом). Выразительности стиха способствуют пиррихии:

За угнетенную свободу человека..

И справедливые потомков укоризны.

Стихотворению присуща ораторская приподнятость интонаций. Она выражается в риторических вопросах поэта, в восклицаниях, которыми изобилует его взволнованное повествование. Стилю стихотворения присуще сочетание ораторской напряженности с неподдельным лиризмом. Поэт далек от выспренной риторики. Обращаясь к молодому поколению, Рылеев, как всегда, раскрывает свои самые заветные мысли и чувства в лирическом, внутренне сосредоточенном монологе. Его лиризм выражается во всем богатстве эмоций стихотворения —

в спокойном презрении, постепенно переходящем в гнев и ярость.

Вся лирика Рылеева 1825 г. была выдержана в форме воззвания к современникам, зажигательной прокламации в стихах. Это объединяет стихотворение «Я ль буду в роковое время...» с январским посланием к В. Н. Столыпиной и сентябрьскими стихами «На смерть К. П. Чернова». Но органически спаянное с этими предшествующими ему произведениями лирического жанра, стихотворение «Я ль буду в роковое время...» превосходило их зрелостью политического мышления. Здесь больше чем где-либо Рылеев развернул положительную программу дворянской революционности, боролся за создание фаланги верных «сынов отечества», утверждал характерную для декабристов идею неразрывности личного и общественного блага.

«Я ль буду в роковое время...»— произведение, написанное в духе революционного романтизма. Об этом свидетельствует и некоторая абстрактность в изложении ситуации, и образы, которые, как почти всегда у Рылеева, взяты в пределе их положительных или отрицательных качеств, и резко экспрессивный стиль стихотворения. Однако при романтичности основной коллизии (поэт, служащий народу, и «юноши», изменившие делу его освобождения) в стихотворении отразилась глубокая жизненная правда.

Именно это дало декабристам возможность воспользоваться стихотворением Рылеева для выражения своих заветных дум. Член Северного общества, полковник А. М. Булатов показывал: «Прощаясь очень хладнокровно с моим братом Александром, имел несчастье похвастать брату моему, что если я буду в действии, то и у нас явятся Бруты и Риеги, а может быть и превзойдут тех революционистов... Имена сии я не так хорошо знаю по их деяниям, как по беспрестанным произношениям меньшого брата моего... меньшой брат мой, начитавшись вольных стихов, поминутно твердил: „Не будет у нас ни Брута, ни Риеги“»[32].

Излишне доказывать, что это сочетание двух имен «тираноборцев» представляло собою фразеологическую формулу, которая пришла к Булатову и его брату из стихотворения «Я ль буду в роковое время...». Характерно, что формула эта припомнилась А. М. Булатову и тогда, когда он писал Николаю I: «...Знайте, ваше императорское высочество, что из всей партии двух самых отчаянных человек государь имел подле себя и если бы искали славы Брута и Риеги, то нашли бы ее...» [33].

Эти две цитаты подтверждают, что стихотворение «Я ль буду в роковое время...» было хорошо известно членам тайного общества. Булатовы, конечно, не были исключением.

Мичман Беляев 1-й, по его собственному признанию, знал эти стихи наизусть [34]. Мичман В. А. Дивов показывал: «Вскоре после смерти государя приходит ко мне лейтенант Акулов и между разговорами сказал мне: вот ваши сочинители свободных стихов твердят: „Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан“,— а как пришло роковое время, то они и замолкли... После ухода Акулова я сделал подобный же вопрос и мичману Беляеву. Он мне отвечал: „Погодите, еще, может быть, и не ушло время“» [35].

Итак, в самые драматические дни перед восстанием, во время восстания и даже после него стихотворение Рылеева было на устах действовавших.

Цензура Николая I не дозволила бы, конечно, напечатать «Я ль буду в роковое время...». В России стихотворение частично было опубликовано лишь в 1872 г. в результате больших мытарств, а в полном виде только в 1893 г. Почти семь десятилетий прошло между написанием стихотворения и его полной публикацией — так опасалось царское самодержавие поэтической агитации Рылеева.

Значительно место, которое это стихотворение занимает в истории русского освободительного движения. Его недаром цитировали Н. В. Шелгунов в революционно-демократической прокламации «К молодому поколению» и С. Г. Нечаев в первом номере «Народной расправы».

«Я ль буду в роковое время...» находится на столбовой дороге развития русской политической лирики. Оно подготовило «Думу» Лермонтова — его тему молодого поколения, неспособного к борьбе, его обличение тех, кто «перед властию презренные рабы», его «презрительный стих», которым потомок «с строгостью судьи и гражданина» оскорбит прах трусливых и неспособных к действию людей. Через лермонтовскую «Думу» преемственность идет к «Поэту и гражданину» Некрасова.

IV

Приближалось 14 декабря 1825 г. Рылееву принадлежала ведущая роль в подготовке вооруженного восстания. По верной характеристике А. Бестужева, автор «Наливайки» был «главной пружиною предприятия, воспламеняя всех своим поэтическим воображением и подкрепляя своею настойчивостью» [36].

В эти немногие дни, оставшиеся до решающих событий, Рылеев проявлял кипучую энергию, стремясь объединить вокруг себя всех тех, кто мог быть полезен восстанию. Он принимает в члены тайного общества М. П. Малютина и А. М. Булатова, убеждает А. Д. Кожевникова во время единственного

с ним свидания в конце ноября «на ревностное содействие столь благова предприятия» [37].

В эту пору — да и ранее — Рылеев оставался опытным конспиратором, осторожным даже с близкими друзьями. Он решительно отказал Завалишину в его просьбе открыть фамилии главных руководителей тайного общества и предупредил товарищей, чтобы они «были с Завалишиным весьма осторожны»[38]. Как свидетельствовал В. И. Штейнгель, которого приняли в члены общества в Москве при посредстве Рылеева, «о их действиях мне ничего не было открыто» [39]. Наставления быть осторожным Рылеев давал и П. Каховскому [40]. Понятна и оправдана та высокая оценка, которую воздал Рылееву-организатору деятель революционно-демократического этапа русского освободительного движения, А. А. Слепцов, назвавший его «опытным заговорщиком», свободным от болтливости [41].

В тревожные дни междуцарствия Рылеев не изменил политическим целям, сформулированным еще в «Исповеди Наливайки»: он неустанно призывал членов тайного общества к выступлению. Возникавшие осложнения не могли заставить Рылеева переменить это решение. В. И. Штейнгель сообщал: «Накануне, 13 числа он (Рылеев.— *А. Ц.*) мне объявил, что Ростовцев предварил государя и показал мне его готовое письмо и самый разговор его с государем, кои Ростовцев ему доставил, вероятно, для того, чтобы их остановить. Я спросил, что вы теперь думаете: неужели действовать? — „Действовать непременно,— отвечал он. Ростовцев всего, как видишь, не открыл, а мы сильны, и отлагать не должно“» [42].

Надеясь на победу, декабристы вместе с тем считались с возможностью поражения. Н. Бестужеву Рылеев говорил: «Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо; тактика революций заключается в одном слове *дерзай,* и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других»[43].

В сущности эти слова представляли собой перифраз того, что говорил один из самых близких Рылееву его героев, Наливайко:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Однако признание возможности поражения не мешало Рылееву делать все от него зависящее, чтобы придать выступлению декабристов возможно более решительный характер. В этом плане характерна отповедь Трубецкому, данная Рылее-

вым на последнем заседании 13 декабря. По свидетельству М. Бестужева, «Трубецкой... говорил: не надо начинать решительных мер, ежели не будете уверены, что солдаты вас поддержат, на что Рылеев сказал: „Вы, князь, все берете меры умеренные, когда надо действовать решительно“» [44].

По свидетельству Д. И. Завалишина, Рылеев не раз говорил: «Улучшать что-либо в настоящем правлении есть преступление: его должно только разрушить» [45]. Действительно ли были сказаны эти слова, мы не знаем, в показаниях Завалишина немало сомнительного и просто лживого, но думал Рылеев в 1825 г. именно так. Отсюда — его курс на истребление царя и всей царской фамилии, которое Рылеев считал необходимым [46].

Страшась ужасов новой пугачевщины, декабристы, однако, предпочли остаться в рамках военного заговора. Народ, волнующийся на площади, не был привлечен декабристами на свою сторону. В этот решающий момент особенно отчетливо проявилась слабость декабристской стратегии, далекой от народа, не доверявшей народному движению и потому замкнувшейся в узком кругу заговорщиков.

В день восстания Рылеев проявил исключительную энергию. Он буквально рыскал из конца в конец по Петербургу. Он разыскивал Трубецкого и объезжал полки и части, которые ожидались, но не прибыли на Сенатскую площадь, он слушал написанное Штейнгелем предисловие к манифесту, он направился с Пущиным к Сенату (им было поручено предъявление Сенату текста манифеста декабристов и, повидимому, состава временного правления для утверждения и обнародования) [47].

Н. Оржицкий виделся с Рылеевым тогда, когда восстание было уже подавлено и Петербург целиком был во власти Николая I. «Желание узнать, жив ли он... привело меня к Рылееву 14-го декабря в 7-м часу вечера». Оржицкий сообщал, что застал Рылеева в «смущении и почти отчаянии и, тронутый его положением, обещал ему не оставить его семейства. Тут подтвердил он просьбу свою отыскать Муравьева и сказать ему, что они полагали нужным действовать, но что все пропало, что Трубецкой и Якубович им изменили, что он ему советует оставить это, но что впрочем пусть делает как заблагорассудит, он, Рылеев, ни во что уже не вмешивается» [48].

Несколькими часами позднее Рылеев был арестован. «В это мгновение ко мне привели Рылеева,— это — поимка из наиболее важных»[49],—записал в половине двенадцатого вечера Николай I. Допрос Рылеева был недолгим [50] — уже в полночь он был отослан царем в Алексеевский равелин с распоряжением коменданту «дать ему бумагу для письма и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно» [51].

От Рылеева ожидали откровенных признаний и, нужно сказать, что, находясь в состоянии глубокой психической депрессии, он оказался в них излишне откровенным. В письме к Николаю I, написанном 16 декабря, Рылеев рассказал о целях, преследуемых тайными обществами, о своих разногласиях с «южанами», о плане «северян» совершить государственный переворот. Правда, вся эта откровенность могла до известной степени преследовать тактические цели: Рылеев, может быть, желал внушить новому царю, как значительно было движение декабристов. Однако одновременно с этим в письме были названы фамилии почти всех руководителей восстания 14 декабря, об аресте которых Рылеев в это время не мог еще знать [52].

В дальнейшем на Рылеева действовал инквизиционный дух допросов Следственной комиссии и коварная тактика Николая I, осыпавшего семью Рылеева рядом своих «милостей». Однако Рылеев не мог бы повторить вслед за декабристом А. Л. Кожевниковым: «Тюрьма разрушила меня» [53]. Первоначальная депрессия мало-помалу прошла, и Рылеев начал бороться. Он маневрировал до марта 1826 г., когда Следственной комиссии удалось, наконец, выяснить руководящую роль Рылеева в вопросе об истреблении царя и всей царской фамилии, что вызвало у членов последней беспредельную злобу [54]. С этого момента участь Рылеева была решена: он должен был погибнуть.

В течение семи месяцев, которые были им проведены в Алексеевском равелине, Рылеев почти не занимался поэтическим творчеством. Рылеевым, как и некоторыми другими узниками, овладели религиозные настроения. В этом смысле характерна его запись на письме Н. М. Рылеевой, где набросано было одно из посланий Е. П. Оболенскому. Рылеев перечисляет разнообразные пороки, свойственные человеку: «Самолюбие, Гордость, Высокомерие, Богохуление, Безбожие, Слепота (разумеется, духовная слепота,— *А. Ц.*), Глупость, Зависть, Ненависть, Вражда, Убийства, Сластолюбие, Блуд». Всем этим порокам противостоят четыре добродетели «Самоотвержение, Смирение, Кротость, Любовь» [55].

В религиозно-нравственном духе были выдержаны и стихотворные послания к Е. П. Оболенскому, представляющие собою в большей своей степени переложение библейских псалмов. Поэт полон в них мыслей о переходе в иной мир. Нужно сказать, однако, что и в этих посланиях слышатся несомненные ноты политического протеста:

И плоть, и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,

Торжественно вас будут убивать.
Но тщетный страх не должен вас тревожить,
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
Но этим зла вам причинить не может.

«Вас будут гнать и предавать, Осмеивать и дерзостно бесславить, Торжественно вас будут убивать...» — эти стихи писались через несколько месяцев после декабрьской катастрофы (в которой — Рылеев это хорошо знал — предательство сыграло свою роль) и за несколько месяцев до казни на эшафоте Петропавловской крепости. И в высшей степени характерно, что в этом биографическом, хотя и построенном на библейском материале стихотворении, нет полного отречения от целей борьбы. Сквозь религиозный колорит этого стихотворения явственно проступает жертвенность умирающего бойца.

Н. Р. Цебриков рассказал в своих воспоминаниях о четверостишии, которое Рылеев написал в крепости на оловянной тарелке:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну.

Работая в 1933 г. над Полным собранием сочинений К. Ф. Рылеева, я без достаточных к тому оснований сомневался в достоверности рассказа Цебрикова. Приводимое им четверостишие вполне соответствует духу всего творчества Рылеева, его любимым темам, образам, а также его поэтической фразеологии. «Политический деятель, брошенный в тюрьму или в ссылку, но сильный сознанием правоты дела, которому он служил и служит,— стержневой образ „дум" и поэм Рылеева („Богдан Хмельницкий", „Артемон Матвеев", „Волынский", „Войнаровский", „Наливайко", „Палей"). Тематически же и стилистически стихи „Тюрьма мне в честь, не в укоризну..." особенно близки сентенциям узника в „Волынском" („Повсюду честный человек, Повсюду верный сын отчизны. Он проживет и кончит век, Как друг добра, без укоризны")»[56].

Четверостишие, записанное Рылеевым на оловянной тарелке, звучит как сжатый итог всего творчества поэта-декабриста.

Глава восьмая

РЫЛЕЕВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1

После рассмотрения основных этапов творческого пути К. Ф. Рылеева обратимся к характеристике важнейших сторон его творческого облика. Каким было мировоззрение Рылеева и каковы были, в частности, его литературно-эстетические воззрения? Каков был творческий метод Рылеева и его поэтический стиль? И, наконец, какую роль сыграл Рылеев-поэт в формировании сознания русских читателей, в развитии передовых течений русокой поэзии?

Мировоззрение Рылеева, как и большинства декабристов, сформировалось под влиянием революционного просветительства XVIII в., которое признавало «разум» и «просвещение» ведущей силой исторического процесса. Как писал Ф. Энгельс, «великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце [наступило царство разума], и с этих пор суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» [1].

Учение о «разуме» наложило сильный отпечаток на мировоззрение дворянских революционеров. Как и их исторические предшественники, герои 14 декабря верили в то, что «миром управляет общественное мнение». Не умея понять подлинного существа исторического процесса, они трактовали его идеалистически. Однако русские революционеры 20-х годов, борющиеся за низвержение феодально-крепостнического строя, не могли верить в царство разума так безраздельно, как это делали французские просветители перед революцией 1789—1794 гг. Жизнь все настойчивее демонстрировала декабристам прочность «суеверия и несправедливости», господство в русской действительности «привилегий и угнетения».

Конфликт между убеждениями и поправлявшей их жизнью со всей силой сказался в мировоззрении Рылеева. В заметке «Дух времени, или судьба рода человеческого», написанной в начале 20-х годов, Рылеев сделал попытку наметить основные вехи мировой истории. Он выделил две эпохи. До распространения христианства «человек от дикой свободы стремился к деспотизму; невежество причиною тому», во вторую эпоху, длившуюся в течение восемнадцати столетий, «человек от деспотизма стремится к свободе; причиною тому просвещение». Основой исторического процесса, таким образом, объявлялся все тот же разум; им объяснялась, в частности, и «борьба народов с царями» после свержения Наполеона [2].

Было бы излишним доказывать идеалистичность этой исторической концепции. Однако нельзя в то же время забыть и того, что для декабристов история была путеводителем «в высокой области политики». Смысл заметки Рылеева заключался в подчеркивании действия так называемого духа времени, означавшего у него, как и у других декабристов, состояние умов передовой общественности, понимание ею очередных задач исторического развития. Это ходовое у декабристов выражение [3] — «дух времени» — наполнялось у Рылеева глубоко прогрессивным содержанием:

> Заплатимте тому презрением холодным,
> Кто хладен может быть к страданиям народным.
> Старайтесь разгадать цель жизни человека,
> Постичь дух времени и назначенье века.

Эти стихи свидетельствовали о том, что Рылеев вступал на путь преодоления просветительской веры во всепобеждающую роль человеческого разума.

Как и другие декабристы, Рылеев в начале своей литературной деятельности солидаризовался с теориями «общественного договора». Согласно конституции Н. Муравьева, «источник вер-

ховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»[4] Возникновение монархической власти и даже крепостного права объяснялось декабристами тем, что народ уступил часть своих верховных прав. В. Ф. Раевский писал: «Поселяне русские всегда были свободны, но необходимость порядка и недостаток прав сделали их на время рабами»[5].

Чем более международная реакция ополчалась против национально-освободительного движения, тем настойчивее приходили декабристы к выводу, что «общественный договор» между народами и царями грубо попран последними. Каховский писал из крепости: «...с царями народам делать договоров невозможно. Противно рассудку винить нации перед правительством. Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно, ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее буйством, народы своей вотчиной, стараются разорвать самые священные связи природы»[6].

Смысл этих заявлений о попранном договоре заключался в разоблачении самодержавия, в утверждении его оторванности от народа. Рылеев придал этим утверждениям обобщенную и глубоко революционную форму:

Нет примиренья, нет условий
Между тираном и рабом,
Здесь надо не чернил, а крови,
Нам должно действовать мечом.

Идиллическое представление о царстве разума уступало здесь признанию революции, как высшего проявления народного гнева. В этом смысле исключительно характерен прозаический отрывок Рылеева о Наполеоне, набросанный им в 1824—1825 гг. «Твое могущество захватило все власти и пробудило народы. Цари, уничиженные тобою, восстали и при помощи народов низвергли тебя. Ты пал — но самовластие с тобою не пало. Оно стало еще тягостнее, потому что досталось в удел *многим.* Народы это приметили, и уже Запад и Юг Европы делал попытки свергнуть иго деспотизма. Цари соединились и силою старались задушить стремление свободы. Они торжествуют, и теперь в Европе мертвая тишина, но так затихает Везувий»[7]. Эти строки содержат признание прав порабощенных народов на восстание против деспотизма.

В высшей степени интересно и характерно, что в процессе своего идейного развития Рылеев склонен был отказаться даже от присущей ему религиозности. Этого еще не было в юношеской заметке «Причина падения власти пап» (1813—1814)[8].

Клеймя в ней изуверство католической инквизиции, юный Рылеев в то же время явно идеализировал «Мартына Лютера и его последователей». Прошло десять лет, и в песнях Рылеев поднял голос уже против православного духовенства как фактического пособника господствующих классов России в эксплуатации народа:

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат,
И волочат
По дорогам да судам

(«Ах, тошно мне...»).

Первый нож
На бояр, на вельмож
Слава!

Второй нож
На попов, на святош
Слава!

(«Уж как шел кузнец...»).

Осуждение морально-религиозных принципов с наибольшей полнотой раскрылось в элегии «Ты посетить, мой друг, желала...» (1824), в которой Рылеев писал:

Прощаешь ты врагам своим,
Я не знаком с сим чувством нежным,
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Эти стихи содержат отрицание «всепрощения», являющегося одним из устоев христианской морали, утверждение права отмщения врагам отчизны.

Все сказанное выше приводит нас к выводу о существенных сдвигах, происшедших в мировоззрении Рылеева в 1820—1825 гг. Если в начале этого периода он был склонен верить во всепобеждающую силу «разума», то чем дальше, тем больше он убеждался в зияющих противоречиях между «деспотизмом» и «свободой», в необходимости вооруженной борьбы с тиранами.

Характерные особенности мировоззрения Рылеева отразились на системе его эстетических взглядов. Он, как и другие декабристы — Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев и др.— много думал о задачах и художественных средствах искусства, неоднократно писал на эту тему в своих поэтических произведениях, письмах к друзьям, а также в теоретической статье 1825 г. «Несколько мыслей о поэзии».

Литература декабристов создавалась в эпоху бурного подъема национально-освободительной борьбы в Европе. «Гром отдаленных сражений одушевляет слог авторов и пробуждает праздное вниманье читателей...»,—многозначительно указывал в 1824 г. А. Бестужев [9]. В этих условиях перед литературой были поставлены ответственные задачи общественного воспитания и политической пропаганды. Они были четко сформулированы уже в Законоположении Союза Благоденствия.

Передовое искусство должно было доказывать, что «истинное красноречие состоит не в пышном облечении незначущей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений.

...убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих.

...что описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии» [10].

Эстетическая мысль декабристов обращена была против всех антиобщественных, эпикурейских, религиозно-мистических течений в русской литературе.

Декабристские литераторы отвергли сентиментализм за его слащавую чувствительность. А. Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» (1823) решительно принял в этом случае сторону не Карамзина, а Шишкова: «когда слезливые полурусские иеремиады наводнили нашу словесность, он (Шишков.— *А. Ц.*) сильно и справедливо восстал противу сей новизны в полемической книге „О старом и новом слоге“» [11]. Не следует истолковывать эти строки, как солидарность Бестужева с позицией Шишкова в вопросах развития русского литературного языка: декабристский критик выступал здесь против «расслащенного вертеризма», против праздной и расслабляющей чувствительности тех писателей, которые «все завздыхали до обмороков, все кинулись ронять алмазные слезы на ландыши, над горшком палевого молока, топиться в луже».

Декабристская эстетика отвергала натурализм, который сводил задачи искусства только к точному изображению повседневной жизни. В своих заграничных письмах Кюхельбекер критиковал фламандскую живопись за отсутствие в ней «высоких чувств»: «В поэзии слова есть род, приближающийся к земной, обыкновенной жизни, к прозе изображений и чувств; писатели, посвятившие себя этому роду, бывают стихотворцами, но не поэтами, между ними есть таланты, но нет гениев» [12]. В программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» Кюхельбекер указывал, что лирика «тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными...» [13].

Ратуя за высокое, насыщенное идейностью искусство, декабристы опирались на классицизм в его передовых, просветительских течениях. Они высоко ценили Ломоносова и Державина как великих художников. Классицизм привлекал декабристов целеустремленностью идей и строгостью форм. Стремление опереться на это направление отчетливо ощутимо у Глинки и Катенина, В. Раевского и К. Кюхельбекера; совершенно неоспоримым было оно и у Рылеева.

Однако классицизм XVIII в. уже не мог удовлетворять насущных потребностей декабристской литературы. Являясь средоточием всего архаического в литературе, он далеко не всегда помогал «живости писаний»; декабристским литераторам было гораздо более созвучным направление, возникшее уже в начале XIX в. в ожесточенной борьбе с классицизмом.

Со всей энергией ратуя за романтизм, который определялся Бестужевым как «стремление бесконечного духа человеческого», критик-декабрист признавал его «потребностью века», выражением «жажды ума народного». Однако, указывая на то, что «мы живем в веке романтизма», Бестужев принимал далеко не все его течения. Ему «чужды были мистические и реакционно-реставраторские тенденции немецкого романтизма с его идеализацией феодализма, с уходом от действительности в вымышленный фантастический мир, в мистическую отвлеченность (Новалис, Тик и др.)... Понимание романтизма как прогрессивного течения в литературе, обращающегося к национальной, народной почве и выдвигающего на первое место творческую свободу писателя, объединяло Бестужева с другими представителями декабристского круга — Рылеевым, Кюхельбекером, Сомовым, — свидетельствуя о тесной связи русского романтизма с декабристским движением» [14].

Кюхельбекер сурово критиковал камерную, антиобщественную лирику романтических эпигонов. «Чувств у нас давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережи-

ваем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях». Кюхельбекер оговаривал при этом, что он отнюдь не противник личных и даже «печальных» тем в лирике, «но что сказать о словесности, которая вся почти основана на сей единой мысли?» Критик «Мнемозины» саркастически рисовал картину поразительного однообразия в этой камерной и индивидуалистической «отрасли» русского романтизма. «Сила? Где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? У нас все *мечта* и *призрак,* все *мнится* и *кажется,* и *чудится,* все только *будто бы, как бы, нечто, что-то* ...Картины везде одни и те же: *луна,* которая — разумеется — *уныла* и *бледна,* скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря... в особенности же — *туман:* туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя» [15]. Кюхельбекер метил прежде всего в Жуковского, родоначальника этой «туманной» поэзии.

Бестужев хвалил Жуковского за его мечтательность и романтическое тяготение «к таинственному идеалу». И в то же время Бестужев отмечал, что Жуковский «дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще наклонность к чудесному»[16]. Рылеев решительно поддержал эти упреки, резко подчеркнув чуждость романтического метода Жуковского задачам передового искусства. «Неоспоримо,— пишет он Пушкину в феврале 1825 г.,— что Жуковский принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не *за влияние его на дух нашей словесности,* как пишешь ты. К несчастию, влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали» [17]. В этой оценке Жуковского выражена одна из характерных черт декабристской эстетики — ее враждебность всему туманному и мистическому.

Приговор Рылеева суров, но принципиален; он продиктован интересами декабристской литературы. Народу — утверждали декабристы — нужна поэзия, выполняющая задачи общественного воспитания. «Тоскливые немцеобразные рапсодии» [18] вождя консервативного романтизма наделали «много зла». Русским читателям нужны не «унылые мечты», отражающие «утомление жизнью». Читатели нуждаются в боевом искусстве, воспитывающем гражданские чувства, закаляющем политическое сознание и ведущем на борьбу. Им нужна «поэзия

больших общественных масштабов, мужественная, активная к внешнему миру» [19].

Декабристы вели борьбу не только с мистикой, но и с унылой и также «расслабляющей» человека элегичностью. Против нее протестовали и Сомов, и Бестужев, и Кюхельбекер, указывавший, что «семнадцати лет у нас начинают рассказывать про свою отцветающую молодость».

Поэзия для декабристов не просто воспроизведение жизни, но прежде всего «средство ее идеального преобразования» [20]. Она может быть такой, лишь проповедуя «высокие», т. е. прогрессивные чувства и мысли. Для того, чтобы возвысить поэзию до этого ее назначения, нужны романтические поэты, глубоко проникающие в душу человека, верно и ярко отображающие его «страсть».

Ты вечно будешь их учить,
Творец грядущих дарований,
Вселенная картин и знаний,
Всевидец душ, пророк сердец...

Эти стихи Кюхельбекера утверждали героический образ поэта-борца, поэта-пророка, «всевидца душ» и их вдохновенного воспитателя. В стихотворении «Пророчество» (1822), написанном за несколько лет до пушкинского «Пророка», Кюхельбекер от имени бога обращался к бездействующему поэту:

«Ты дни влачишь в ленивом сне,
В мертвящей душу вялой неге!
На то ль тебе я пламень дал,
И силу воздвигать народы? —
Восстань, певец, пророк свободы!
Вспрянь, возвести, что я вещал!»

Рылеев был вполне согласен с этим представлением о поэте и о задачах поэзии. Еще в юношеском переводе польской сатиры «Путь к счастью» он славил поэта, который «стал истины жрецом».

Подобно героической симфонии звучали те стихи первоначальной редакции думы «Державин», в которых изображался гражданский поэт:

Греметь грозой противу зла
Он чтит святым себе законом,
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред троном.
Ему неведом низкий страх,
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает.

Ему ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.
Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы

Нигде в декабристской поэзии не был с такой рельефностью очерчен идеальный образ революционного поэта, бесстрашно выполняющего свой долг, неподкупного, правдивого, чуждого суетности служителя правды и пламенного поклонника «добра». Созданный Рылеевым образ передового поэта полностью созвучен образам, созданным другими поэтами-декабристами. Кюхельбекер в послании Ермолову восклицал: «О, сколь презрителен певец, ласкатель гнусный самовластья...». Он славил певцов «и смелых и священных, пророков истин возвышенных» («Певцы», 1820). Среди них на первое место Кюхельбекером был также поставлен «Державин, дивный исполин». В этих истинных поэтов пламенно «верует народ», и они остаются с ним даже в самых тяжких испытаниях.

Так утверждался декабристами образ поэта, «пророка свободы», служащего делу раскрепощения своего народа.

Незадолго до восстания, в ноябре 1825 г., в прогрессивном в то время журнале «Сын отечества» была опубликована теоретическая статья Рылеева «Несколько мыслей о поэзии». Статья была написана в связи с теми спорами о романтизме и классицизме, которые завязались вскоре после появления поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В этом споре приняли участие Н. Полевой, Веневитинов и др.

Считая, что главное назначение искусства заключается в воспитании «высоких помыслов» и «благородных чувствований», Рылеев должен был, конечно, занять особую позицию в споре романтиков и классиков. Многое в искусстве тех и других было для него приемлемо, с другой стороны, оба враждовавших между собою течения имели свои недостатки. Вот почему Рылеев отвергал самый предмет спора, с его точки зрения грешивший формально-схоластической постановкой вопроса: «...обе стороны спорят, как обыкновенно случается, более о словах, нежели о существе предмета, придают слишком много важности формам». «На самом деле,— утверждал Рылеев,— нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же».

Отмечая достоинства древней классической поэзии, Рылеев в то же время указывал на то, что признание ее единственно образцовой привело к слепому подражанию, «и сие-то несчастное предубеждение, сделавшееся общим, было причиною ничтожности произведений большей части новейших поэтов. Образцовые творения древних, долженствовавшие служить только поощрением для поэтов нашего времени, заменяли у них самые идеалы поэзии». Отвергая искусство, опутанное «веригами чужих мнений», Рылеев высказывается за «поэзию романтическую... оригинальную, самобытную», к представителям которой он причисляет Гомера и Эсхила. Он особенно ценил «поэмы и трагедии Шиллера, Гете и особенно Байрона, в коих живописуются страсти людей, их сокровенные побуждения, вечная борьба страстей с тайным стремлением к чему-то высокому, к чему-то бесконечному». Говоря так, Рылеев характеризовал прогрессивный романтизм, убежденным сторонником которого он являлся в своей поэтической практике.

Статья Рылеева была примечательна заключавшимися в ней зачатками исторической критики, притом с явно политической тенденцией. Обратим внимание, например, на объяснение им «трех единств в сочинении драматическом» особенностями жизни Эллады: «Для Афин, для Спарты и других республик древнего мира чистое народоправление было удобно, ибо в оном все граждане без изъятия могли участвовать... Все почти деяния происходили тогда в одном городе, или в одном месте; это самое определяло и быстроту и единство действия. Многолюдность и неизмеримость государств новых, степень просвещения народов, дух времени, словом, все физические и нравственные обстоятельства нового мира, определяют и в политике и в поэзии поприще более обширное».

Это рассуждение чрезвычайно характерно: оно обнаруживает уважение республиканца Рылеева к классической литературе, создававшейся в условиях «чистого народоправления», и вместе с тем понимание того, что в современных, совершенно изменившихся условиях следование старым законам искусства уже невозможно.

Отвергая «наименование классиками без различия многих древних поэтов неодинакового достоинства», которое «принесло ощутительный вред новейшей поэзии», Рылеев считал, что отделение романтиков от классиков имело целью разделить две эпохи в истории всемирной литературы. «Истинная поэзия в существе своем всегда была одна и та же, равно как и правила оной. Она различается только по существу и формам, которые в разных веках приданы ей духом времени, степенью просвещения и местностию той страны, где она появлялась».

Ф. Н. Глинка писал в 1826 г. В. В. Измайлову: «Я не классик и не романтик, а что-то, сам не знаю, как назвать»[21]. В сущности нечто подобное мог бы о себе сказать и Рылеев. В классицизме Рылееву особенно дороги были высокая гражданская патетика и строгость, художественная целеустремленность поэтической формы. В романтизме он особенно ценил изображение «страстей» людей, их сокровенных побуждений и, главное, «стремления к чему-то высокому» и «бесконечному». Оба эти направления нужны были искусству дворянских революционеров. Глубоко характерен для декабристской эстетики заключительный вывод статьи Рылеева: «...оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания, и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных».

Утверждение этого «идеала высоких чувств» имело глубоко прогрессивный смысл, поскольку Рылеев и другие поэты-декабристы стремились мобилизовать все силы русской литературы на священную борьбу с самодержавием и крепостничеством. Однако Рылеев не принимал реалистического искусства, в котором главным было всестороннее и глубоко правдивое изображение действительности. В непризнании реализма, в явном непонимании его исторической прогрессивности и заключалась слабая сторона эстетики декабристов. Она с наибольшей силой сказалась в отношении виднейших декабристских литераторов к Пушкину. «Посмотри, как шагает Пушкин! Мы пигмеи перед ним»,— писал Рылеев В. И. Туманскому в середине января 1825 г. И тогда же говорил Пушкину: «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца»[22]. В эту пору Рылеев еще не знал «Евгения Онегина» и восхищение его гигантскими шагами Пушкина основывалось на таких произведениях, как «Цыганы». В этой романтической поэме Пушкина Рылеева особенно должны были пленять обвинения Алеко по адресу «душных городов», яркие картины девственной природы, чистые, неиспорченные цивилизацией нравы ее детей — цыган. Появление «Евгения Онегина» несколько разочаровало Рылеева: здесь, как он считал, не оказалось «идеала высоких чувств и мыслей». «Когда Бестужев писал к тебе последнее письмо, я еще не читал вполне первой песни „Онегина“. Теперь я слышал всю: она прекрасна; ты схватил все, что только подобный предмет представляет. Но „Онегин“, сужу по первой песне, ниже и „Бахчисарайского фонтана“ и „Кавказского пленника“»[23]. Месяцем позже Рылеев повторяет: «Не знаю, что будет „Онегин“ далее: быть может, в следующих песнях он будет одного достоинства с „Дон-Жуаном“,

чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже „Бахчисарайского фонтана" и „Кавказского пленника". Я готов спорить об этом до второго пришествия» [24].

Как отличаются от этой сухой оценки реалистического романа в стихах отзывы Рылеева о пушкинских романтических поэмах! «...Как благодарить тебя, милый поэт, за твои бесценные подарки нашей „Звезде"? от „Цыган" все без ума, „Разбойникам", хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались» [25]. Рылеев не был одинок в своих суждениях: Бестужев-Марлинский в обзоре русской словесности также поставил «Цыган» выше «Евгения Онегина» [26]. Он остался верен неприятию реализма и после 14 декабря.

Как и другие писатели-декабристы, Рылеев славил русский народ за силу его духа, за мужество, с которым переносил он величайшие испытания, выпавшие на его долю в прошлом. Рылеев понимал, что этот народ должен подняться на борьбу с угнетателями и что революционное искусство представляет собою мощную силу, ускоряющую пробуждение народа. Отсюда то революционное качество рылеевского патриотизма, которое он, как и другие декабристские литераторы, унаследовал от Радищева.

Революционный патриотизм декабристов привел их к новой постановке проблемы народности русской литературы. Шишков и «Беседа любителей русского слова» идеализировали консервативные черты в психике русского крестьянства: его якобы постоянную верность самодержавию, религиозность, покорное терпение, патриархальную простоту и проч. В сущности, от них недалеко ушел и Карамзин с возглавлявшейся им школой сентиментализма. Декабристы не оставили камня на камне от этой псевдонародности. Они энергично боролись с космополитическими тенденциями дворянской литературы во имя сближения с национальной русской культурой. «Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски?» — спрашивал А. Бестужев в одном из своих критических обзоров. «Мы,— писал он там же,— всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народною гордостию, вместо того, чтобы возбудить рвение сотворить то, чего у нас нет, старается унизить даже и то, что есть» [27]. Рылеев был вполне согласен с этим утверждением своего друга и с презрением говорил в статье «Несколько мыслей о поэзии» о тех, кто окутал себя «веригами чужих мнений» и обессилил себя подражанием.

Убежденные в духовной мощи русского народа декабристские писатели неустанно подчеркивали, что художественная ли-

тература должна опираться на богатейшие источники русской народной поэзии. В статье «О направлении нашей поэзии» Кюхельбекер заявлял: «...не довольно... присвоить себе сокровища иноплеменников. Да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [28]. Опора на героическое прошлое русского народа должна была содействовать его великой освободительной борьбе. В статье О. М. Сомова «О романтической поэзии» читаем: «Герои русские твердили славу отчизны на полях брани, мужи твердого духа ознаменовали ее летописи доблестями гражданскими; пусть же певцы русские станут на чреде великих певцов древности и времен позднейших не заимствованными, новыми красотами поэзии! Пусть в их песнях высоких отсвечиваются, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного, способного в самих звуках передавать и громы победные, и борение стихии, и пылкие порывы страстей необузданных, и молчаливое томление любви безнадежной, и клики радости, и унылые отзывы скорби» [29].

Декабристская литература в целом и сам Рылеев, как ее виднейший представитель, поставили своей основной задачей борьбу за национальное освобождение русского народа. Все свои силы Рылеев и декабристы отдали возвеличению основного героя своего времени — передового борца за освобождение нации. Наконец, они неуклонно стремились к тому, чтобы эта борьба велась средствами, понятными народу, чтобы у русской литературы и русского литературного языка была своя «настоящая физиономия».

По справедливому замечанию В. Н. Орлова, понимание народности писателями-декабристами носило на себе печать исторической ограниченности. «Самый принцип народности сводился в их представлении лишь к протесту против подражательности и к разработке материала нравов, обычаев и поэтических преданий русского народа. Существо же проблемы народности, как правдивого изображения исторического бытия народа и верного отражения его мыслей, чувств и настроений, могло быть раскрыто лишь средствами реалистического искусства, что и было осуществлено Пушкиным и Грибоедовым» [30]. Однако реалистическое раскрытие народности было бы невозможно без борьбы за утверждение принципов народности, которую с такой энергией вели поэты-декабристы и в первую очередь Рылеев.

Характерна последовательность, с какой эстетические взгляды Рылеева и Бестужева отражались на их редакторской

работе в «Полярной звезде». Не касаясь здесь общего содержания этих трех альманахов и не давая их общей характеристики[31], остановимся именно на принципах отбора редакторами литературных произведений. Возьмем первый из этих альманахов — «Полярную звезду на 1823 год». В нем помещено послание Пушкина «К Овидию», в котором сосланный русский поэт многозначительно вспоминал о ссыльном римском поэте, в отличие от Овидия отказываясь просить деспота о помиловании.

Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други! Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните...».

Суровый славянин, я слез не проливал..

Вольнолюбивая поэзия Вяземского была представлена здесь посланием к И. И. Дмитриеву, полным резких выпадов против «читателей-глупцов»:

В слепом невежестве их трибунал всемирной
За карточным столом иль кулебякой жирной
Венчает наобум и наобум казнит;
Их осужденье — честь, рукоплесканье — стыд.

Поэзия Жуковского была представлена в «Полярной звезде на 1823 год» переводом отрывка из трагедии Шиллера («Прощанье Иоанны со своей родиною»), полного патриотических раздумий о «роковом часе отчизны». Дельвиг принял участие в альманахе стихотворением «Вдохновение», которое восхваляло возвышенного, гонимого «светом» служителя искусства

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

Декабристские литераторы отдали в этот альманах свои наиболее примечательные произведения: Бестужев-Марлинский — критический обзор русской литературы и «новгородскую повесть» «Роман и Ольга», Рылеев — такие программные «думы», как «Рогнеда», «Борис Годунов» и «Иван Сусанин». Перу Ф. Глинки принадлежит «Плач плененных иудеев», алле-

горическое значение которого не вызывало никаких сомнений:

Немей, орга́н наш голосистый
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!

Увы! Неволи дни суровы
Орга́нам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

Басня была представлена в альманахе Рылеева и Бестужева одной из самых язвительных по своей сатиричности басен Крылова — «Крестьянин и овца»; к ней примыкали сатирические «притчи» Остолопова «Дитя и бритва», «Арап и белый» и др.

Уже эти примеры показывают, что в отборе Рылеевым и Бестужевым произведений для своего альманаха скрывалось намерение собрать на страницах «Полярной звезды» революционно-патриотические произведения. Этому принципу редакторы оставались верны и в работе над «Полярной звездой на 1824 год», в которой помещен был отрывок из обличительного стихотворения Вяземского «Петербург», и в работе над «Полярной звездой на 1825 год», когда были опубликованы такие произведения, как «Родина» (неизвестного поэта, возможно, Языкова), басни Крылова «Мельник» и «Ворона», с ее демократической моралью:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися...

Знаменательным было также помещение зажигательной «Исповеди Наливайки» Рылеева.

Так настойчиво воспитывали редакторы «Полярной звезды» своих читателей в направлении, отвечавшем нуждам декабристского движения. Это принесло свои плоды: популярность альманаха у передовых читателей 20-х годов была исключительно велика. Политическая подоснова этого альманаха была очевидна и для консерваторов. Карамзин недаром писал И. Дмитриеву о подавлении восстания 14 декабря в следующих характерных выражениях: «Новый император оказал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с „Полярною звездою“ — Бестужевым, Рылеевым и достойными их клевретами» [32].

III

Литература декабристов представляет собой один из самых значительных — после Радищева — памятников политической агитации. Поэты этого движения — и в первую очередь Рылеев — смело подчинили литературу политике: «Я не Поэт, а Гражданин»,— писал Рылеев.

По верному замечанию Н. Бестужева, «единственная мысль» Рылеева, «постоянная его идея была пробудить в душах своих соотечественников чувствования любви к отечеству, зажечь желание свободы»[33]. Эта «постоянная идея» Рылеева вызвала к жизни все его сочинения, проникнутые духом тенденциозности в лучшем и благороднейшем смысле этого слова. Литература в глазах Рылеева была оружием освобождения, и он с исключительной настойчивостью пользовался этим оружием.

Только в редких случаях он мог говорить с читателями без обиняков — так написаны лишь сочинения, «презревшие печать»: все агитационно-сатирические песни, «На смерть К. П. Чернова», «Я ль буду в роковое время...» и некоторые другие. В большинстве же случаев поэту-декабристу приходилось считаться с цензурой. Стремясь парализовать ее попечительное вмешательство, Рылеев пользовался методом исторических аналогий и прозрачных намеков. Читатели оказывались перед необходимостью «перевода» рылеевского текста на понятный для них язык. Как отметил еще Н. Бестужев, «во всех публично изданных сочинениях, как то „Думах“, „Войнаровском“, „Гражданском мужестве“ и других, цель Рылеева обнаруживается в приноровлении, которое может сделать сам читатель...»[34].

В системе стилевых средств Рылеева исключительно большая роль принадлежала положительному и героическому образу. Это объяснялось не только тем, что борьба за права личности, за ее социально-политическое раскрепощение легла в основу идеологии русского революционного романтизма, но и характерными особенностями декабристской стратегии и тактики. Недооценивая возможности борьбы «простого народа» и явно опасаясь его гегемонии в освободительном движении, декабристские литераторы должны были особенно большое внимание уделять борьбе выдающихся, передовых личностей. Отрасль «распространения правил нравственности» Союза Благоденствия в числе прочих мероприятий занималась «повременным изданием», в котором «предполагаемы» были «рассуждения о нравственных предметах, о добродетелях великих мужей». Эта установка определяла собою структуру образов декабристской литературы. Декабристам было еще недоступно

понимание движущих сил исторического процесса. Они понимали жизнь народов, как «непрерывную моральную борьбу свободы с властолюбием»[35]. Эта «моральная борьба» раскалывала людей на два стана, резко противостоявших друг другу в нравственном отношении. Образы декабристской литературы полны сильных страстей, в одном случае добродетельных, а в другом — порочных. Тот, кто был одержим низкими страстями, становился рабом или тираном; тот, кто умел подчинить эти страсти высокой цели, делался защитником народа, «истинным сыном своего отечества». По убеждению Ф. Глинки, «нередко и добродетельнейший человек изменяется и страждет от чуждых страстей». Еще один шаг, и он может превратиться в «тирана», чью преступную грудь грызут «строптивы страсти». Между этими категориями людей не могло быть связующих нитей: ведь «в мире нравственном не может быть равенства» (из послания В. Раевского к Приклонскому). Этот принцип моральной неравноценности людей был руководящим для всей декабристской литературы, судившей о человеке прежде всего по его личному моральному облику.

В поэзии Рылеева это деление людей на «добродетельных» и «порочных» нашло наиболее широкое выражение. «Тиранами», по Рылееву, являются те, кто, будучи одержим преступными страстями, попирает законы и угнетает свободолюбивые народы. Среди тиранов немало реакционно-настроенных «иноплеменных пришлецов»; они чужды интересам народа и одержимы помыслами эксплуатировать его. Рылеев, как и другие декабристские поэты, презирал этих людей. В «Волынском» читаем: «Ковать ли станет на граждан Пришлец иноплеменный цепи...». В «Вадиме»: «До какого нас бесславия Довели вражды граждан! Насылает Скандинавия Властелинов для славян». В «Богдане Хмельницком»: «А ты, пришлец иноплеменный, Тиран родной страны моей, Мучитель мой ожесточенный, Чаплицкий! трепещи, злодей!». С наибольшей силой эта вражда к «иноплеменным тиранам» выразилась в стихотворении «На смерть К. П. Чернова».

По мысли Рылеева, тирания имеет успех потому, что она опирается на рабскую покорность. «Тираны» и «рабы» — это две стороны одного и того же явления. Рабы питают своей покорностью тиранию и, наоборот, тираны порождают рабов. Те и другие страшатся «закона», основывающегося на народной свободе. Рылеев не раз изобличал душевную порочность тиранов (см., например, «думу» о Святополке, убившем своего брата).

Тиран — «раб страстей», властвующих над ним и превращающих его в труса. Тиран всегда трепещет при мысли о приговоре народа. Злодей не способен раскаиваться: он боится

возмездия. Эта гамма презренных чувств с наибольшей полнотой раскрыта в «думе» «Димитрий Самозванец». В то самое время, когда этот «тиран» готовился к новым актам насилия, началось восстание народа. Рылеев изображает восстание, как естественное и закономерное следствие деспотизма.

Устав Союза Благоденствия гласил: «...люди развращенные, порочные и низкими чувствами управляемые, от участия в Союзе отстраняются». Рылеев не раз раскрывал этот образ духовного раба, человека, обуреваемого «низкими чувствами»: «Не тот отчизны верный сын... кто раб презренного тщеславья»,— заявлял он, например, в «думе» «Волынский». Такие рабы «низких страстей» фактически поддерживают тиранов:

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы, в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя

Эти слова из ненапечатанной при жизни Рылеева «думы» «Голова Волынского» замечательны. У «рабов» есть «тоска», возникающая из их тайного сочувствия борцам; но она глубоко запрятана в их «презренной душе».

Устав Союза Благоденствия настоятельно рекомендовал своим членам «изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего». Истинные борцы, утверждал Рылеев, закаляют свое «нравственное существо», тогда как рабы пребывают «в объятьях праздной неги». Сопоставим с этим стихи Ф. Н. Глинки о «чертогах», где «нега лелеет рабов» («Отрывки из „Фарсалии“»). О противниках Олега поэт говорил:

Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

Политический документ декабризма и его поэтическое слово, как мы видим, говорили одно и то же.

«Добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной...»,— гласило Законоположение. Рылеев противопоставлял безнравственным «рабам» «сынов отечества», носителей передовой нравственности эпохи.

Декабристская публицистика и литература много потрудились над созданием образа героя, который бы «во всех поступках своих оказывал благородство и высокость души, добродетельному человеку свойственные» («Зеленая книга»). «Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание... Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного; клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие — святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. С мечом в руках достигну цели, нами назначенной». В этой клятве, дававшейся при вступлении в Общество соединенных славян, с исключительной отчетливостью очерчивался положительный образ декабристкого движения — самоотверженность героя, его верность долгу, неустрашимость. Все эти качества должны были, естественно, раскрыться и в декабристской литературе. Тиранам противостояли, их должны были победить люди, обладающие богатством души — «с пылким воображением, с горячим сердцем, с пламенною душою, при чистых и великодушных чувствованиях...» [36]. Этих идеальных людей с увлечением изображала уже ранняя декабристская поэзия. Герой Ф. Глинки звал с собою в изгнание лишь тех, —

Кто крепостью духа превыше судьбы,
В ком силы душевны с бедами растут! [37]

Этот идеальный образ полнее всего был раскрыт Рылеевым Твердый ум и стальная воля позволяют этим героям бестрепетно переносить тяжкие испытания. Несмотря на то, что Хмельницкий лежал «средь мрачной и сырой темницы», скованный цепями, —

В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.

Узник меньше всего думал о себе: его мысли нераздельно принадлежали восстанию угнетенных, мести за народ. Подстать Хмельницкому и Наливайко. Личное у него постоянно подчинено общему.

Рылеевский герой не знает внутренних противоречий, ибо для него нет антагонизма между собственным и «общим благом». Член Союза Благоденствия, утверждал его устав, должен стараться показать «нëразрывность собственного блага с общим и ничтожность так называемых личных выгод». Именно этим и были сильны рылеевские герои. Их историческая миссия заключалась в осуществлении «подвига». Борьба с тиранами неравна, но герой добивается нравственной, моральной победы. Хотя Михаил Тверской и Волынский являются жертвами «злодейства», они победили своих палачей в моральном плане:

Князь скончался жертвой мщенья
С той поры он всюду чтим...

(«Михаил Тверской»)

Неукротимое стремление героя к подвигу проявлялось и в чертах его внешности, в его портрете, всегда ярко эмоциональном.

Особое место среди героических образов Рылеева занимают образы женщин. Раскрывая эти образы, поэт пошел значительно далее тех требований, которые утверждались «Зеленой книгой». «Женский пол в Союз не принимается», — гласило Законоположение Союза Благоденствия. Оно отводило, однако, женщинам специальное место в воспитании юношества. В разговорах о воспитании член Союза Благоденствия должен убеждать, «сколь сильно действие воспитания на целую жизнь человека... главный предмет в воспитании должен быть нравственность и... никакое средство к возбуждению в юноше любви ко всему истинно доброму и великому не должно быть при оном отметаемо». Эта декабристская программа нравственного и, разумеется, революционного воспитания нашла выражение в творчестве Рылеева. Припомним разговор Рогнеды и Изяслава в «думе» «Рогнеда». Мальчик просит мать рассказать о славных деяниях его деда, князя Рогволода. Мать соглашается исполнить его просьбу, стремясь этим рассказом пробудить в сыне «любовь к стране твоей родной И к притеснителям презренье...». Она вполне добивается своей цели: воспламененный ее рассказом, юный Изяслав решается на протест против тиранических действий своего отца.

Но женщины Рылеева не только воспитывают молодых героев — они сами совершают героические поступки, рвут со средой ради мужей — борцов против деспотизма. Так поступила Наталия Долгорукова:

«Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность».

Так же поступает и жена Войнаровского, которая отправляется к мужу в якутскую ссылку. В отличие от Долгоруковой, которая умела только с твердостью переносить испытания, жена Войнаровского нарисована человеком с оформившимися политическими убеждениями, подлинной подругой мужа.

Женщины Рылеева не довольствуются тем, что отдают жизнь любимым ими людям, — они рвут узы, связавшие их с тиранами, они фактически помогают героям. Таковы «младая, робкая жена» Чаплицкого и особенно Рогнеда, женщина-тираноборец.

Образ героя у Рылеева претерпевает процесс органического развития: от «просвещенного монарха» и передового по своим убеждениям вельможи поэт перешел к образу убежденного тираноборца, вступающего на путь борьбы с «самовластием». Эволюция этих образов отражала логику развития декабристского движения.

Рылеевские герои борются за свой народ; об этом говорит каждый из них, и именно таков объективный смысл их действий. Личные мотивы в их поступках играют несущественную роль— главное здесь то, что имеет общественное значение.

Народ не был и не мог быть изображен дворянским революционером Рылеевым как основная и решающая сила восстания. Однако Рылеев не устранял его из борьбы. Духовное величие народа — одна из очень важных тем рылеевской поэзии.

Декабристы понимали под народом тот авангард нации, который идет за «героем», поддерживая его в борьбе. Понятия народа и нации трактовались ими еще не исторически. Декабристам было недоступно представление о классовой дифференциации нации и о ее историческом развитии. Не могли они разрешить и проблему национального характера, показать его формирование в определенных исторических условиях. Все это осуществил лишь реализм Пушкина и Гоголя, до которого романтики-декабристы еще не могли подняться. Однако декабристы вместе с молодым Пушкиным и вслед за Радищевым закрепили в русской поэзии тему национального свободолюбия, неукротимого стремления народов к освобождению от деспотизма.

Рылееву было свойственно пламенное сочувствие всякому национальному движению: Кассий и Брут изображались им мстителями за попранную свободу своего народа; и не только

Кассий и Брут, но даже и древляне в «думе» «Ольга при могиле Игоря». Картина переговоров древлян с Игорем и совещания древлянского князя со своим народом имеет явно модернизированный характер; но дело, конечно, не в этом. Существенно то, что и Ольга, и сам поэт — на стороне древлян, боровшихся против ига чужеземцев. На этом примере отчетливо видно отсутствие у декабристского поэта воинствующего национализма. Приветствуя справедливые войны, которые в прошлом вела Россия, Рылеев в то же время защищал права народов, порабощаемых русским самодержавием.

Рылеев утверждал, что победа в этой борьбе достанется не надменным завоевателям, а народу, отстаивающему свою национальную независимость. Этот восставший народ низложил ставленника польской шляхты, Димитрия Самозванца:

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат,
Волны шумные народа
Ко дворцу, стремясь, кипят

Рылеевский герой мечтал о народном восстании, когда «настанет час решительный, час для граждан роковой» («Вадим»), когда народ, восстав, будет искать «свободных прав». Рылеев демонстрировал единство народа с героем, ведущим его по пути освобождения. Правда, Вадим у Рылеева одинок — его окружают духовные рабы, полные «убийственного хлада» к «правам своим». Но Вадим это исключение: в большинстве случаев народ идет за руководящим им героем. И всего победоноснее это движение вперед раскрывается в национально-освободительной войне.

«Высокие» образы Рылеева действовали в «высоких» по своему содержанию сюжетах. Вместе с другими поэтами-декабристами, он отрицал любовную тематику, отвлекающую поэзию от задач общественного воспитания. В стихотворении «Ты посетить, мой друг, желала...» поэт говорил близкой ему женщине:

Мне не любовь твоя нужна.
Занятья ждут меня иные,
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум
Увы! Моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет

Отрицательное отношение Рылеева к чисто любовной тематике нашло полное соответствие в произведениях других декабристских поэтов, которые склонны были упрекать даже Пушкина за его, как им казалось, преувеличенное внимание к личным переживаниям, к теме наслаждения.

А сколько потребно для смерти трудов?
И сколько деяний для истинной славы?
Почто же восторги священных часов
Ты тратишь для песней любви и забавы?..
Пусть бьются другие в волшебных сетях
Ревнивых прелестниц, — пусть ищут другие
Награды с отравой в их хитрых очах!
Храни для героев восторги прямые!
Согрей их лучами возвышенных дел
И стройной красою изящного мира,
И доблести строгой дай лиру в удел,
И доблестью строгой прославится лира!

Этим советам А. Бестужева «К сочинителю поэмы „Руслан и Людмила“» вполне соответствовало обращение к Пушкину В. Раевского: «Оставь другим певцам любовь!» (послание «К друзьям», 1822).

Характерно, что тема любви постоянно сочетается у Рылеева с темами гражданского служения отчизне. Когда тиран Владимир напоминает жене о долге супруги, о любви, она отвечает ему: «Любовь! К кому!.. К тебе, губитель?..». Крепка и достойна человека лишь духовная любовь, основанная на родстве убеждений. Такова любовь казачки в «Войнаровском» Наталии Долгоруковой, которая

...бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной

В основе рылеевских сюжетов лежит не узко личная, а общественная тема героической, освободительной борьбы за независимость отчизны. Отсюда у него тяготение к темам борьбы Руси с татарским игом, «вольной» жизни древнего Новгорода, войны украинцев со шляхетной Польшей, тираноборческой деятельности древнеримских республиканцев, борьбы греков и испанцев, к теме современной ему борьбы русского народа с самовластьем.

IV

Автору «Войнаровского» пришлось творить в условиях уже осуществившейся карамзинской языковой «реформы», завоевания которой декабристы, несомненно, ценили. Как отмечал

А. Бестужев, Карамзин «блеснул на горизонте прозы, подобно радуге после потопа. Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчалый в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков»[38]. Однако Бестужев, как и Рылеев, вовсе не был удовлетворен «приятностью» и «легкостью» карамзинского языка. Ратуя за «высокий» слог, который органически соответствовал бы «высоким» мыслям, декабристские писатели хотели бы видеть в нем больше «важности, силы и ясности». Отсюда возникало в общем вполне положительное отношение декабристов к славянизмам, принимавшимся ими в той мере, в какой это способствовало усилению «звучности» повествования. «Язык славянский, — писал А. Бестужев, — служит теперь для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих бычачьею кожею, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова... „вертоград“, „ланиты“, „десница“, но оставляем червям старины „семо“ и „овамо“, „говяда“ и тому подобные»[39]. Ф. Н. Глинка еще в «Замечаниях о языке», напечатанных в «Русском вестнике» (1811), восклицал: «Какое возвышение и какие величественные красоты в наречии славянском! И при том какое искусное и правильное сочетание слов, без чего и лучшие мысли теряют силу и красоту...»[40]. П. А. Катенин был согласен с Глинкой и подкреплял его аргументацию указаниями на то, что господствовавшая в русской поэзии 1810—1820-х годов школа Батюшкова и Жуковского не могла оказать помощи в создании ряда важных жанров. «Знаю, — писал Катенин, — все насмешки новой школы над славянофилами, варягороссами и пр., но охотно спрошу у самих насмешников: каким же языком писать эпопею, трагедию или даже всякую важную, благородную прозу? Легкий слог, как говорят, хорош без славянских слов; пусть так, но в легком слоге не вся словесность заключается: он даже не может занять в ней первого места; в нем не существенное достоинство, а роскошь и щегольство языка»[41].

Рылеев был в этом отношении солидарен со своими предшественниками. Сатира «К временщику», оды «Видение», «Гражданское мужество», «На смерть Бейрона» и ряд «дум» были написаны «высоким», торжественным и намеренно архаическим языком:

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя

Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде,
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

В этой строфе оды «Гражданское мужество» связь с классицизмом XVIII в. проявлялась не только в таких словах, как «глас», «деяния» и т. п., но и в обилии отвлеченных понятий («страсть», «зависть», «дерзость», «свобода», «мужество»), в усеченных окончаниях, в затрудненном, изобилующем инверсиями синтаксисе и проч. Лишь со второй половины 1824 г. архаические элементы в языке Рылеева начали уменьшаться. Однако в его политической лирике они жили до самого конца. «Высокий», витийственный строй речи нетрудно обнаружить в послании к В. Н. Столыпиной, в стихотворениях «На смерть К. П. Чернова», «Я ль буду в роковое время...» и др.

Не следует, конечно, рассматривать эти славянизмы, как проявление солидарности декабристов с «теорией» Шишкова. Утверждая, что «язык славянский служит теперь для нас арсеналом», А. Бестужев вовсе не становился на позиции шишковистов. Он и его литературные друзья «пользовались не каноническими церковными выражениями с реакционным содержанием, а словами широкой семантической емкости, придававшими поэтической речи ораторскую интонацию, обогащавшими литературную речь»[42].

Отличительным признаком литературного языка декабристов вообще и языка рылеевских произведений в частности была семантическая многозначность слова. Грибовский в своем доносе обращал внимание правительства на характерные для декабристской литературы «напоминания и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях неволи, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр.». Эти напоминания, «врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен»[43].

Декабристы в показаниях на следствии указывали на характерную особенность своей фразеологии — ее политическую «двусмысленность». По свидетельству Арбузова, Д. И. Завалишин говорил ему, что выражение «законная власть» двусмысленно, «ибо для правительства оно означает законную власть его, а под сею личиною настоящее значение сего слова есть восстановление прав сколь можно ближе к естественным и ограничение правителей»[44].

Это признание в высшей степени характерно: оно свидетельствует о стремлении декабристов прикрыть «крамольный» смысл слова внешнелегальной и хорошо маскирующей его «личиной». Используя к своей выгоде эту многозначность слова, В. Кюхельбекер указывал, что он не предполагал, «чтобы целию тайного, политического общества, в которое принимает меня Рылеев, к которому принадлежит Одоевский, была бы не *свобода,* а иное что. Но,— тут же лукаво добавлял Кюхельбекер, — могу ли сказать, что Рылеев и я разумели одно и то же под словом *свобода,* имеющим весьма обширное значение? Быть может, то, чем мои ограничивались желания, он назвал бы *рабством* или наоборот»[45]. Кюхельбекер, конечно, понимал слово «свобода» так же, как и Рылеев, и его оговорки имели лишь цель использовать в интересах маскировки политическое понятие, совершенно различно понимаемое правительством и передовой русской общественностью. Такой фразеологический прием был у декабристов обычным. Рылеев показывал, что Устав Ордена Восстановления написан был Д. И. Завалишиным «с большим искусством и знанием дела и имел двусмысленность... так что оный можно было толковать и в пользу свободы народов, и в пользу неограниченных властей»[46].

В январе 1825 г. Рылеев писал В. И. Туманскому: «Милый Туманский. Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья...»[47]. Последнее слово скрывает в себе второй, потаенный план. Из записки М. Ф. Орлова о Союзе Спасения мы узнаем, что это «общество состояло из трех степеней: друг, брат и муж. Другом почитался всякий человек, имеющий свободный образ мыслей (libéral), знающий или незнающий о существовании общества. Следовательно: другом и внесенным на их регистр мог быть всякий, кто бы он ни был и совершенно без ведома ни согласия. Братом назывался тот, кто дал клятвенную обязанность на свою верность, но коему тайна общества не была открыта. Мужем наречен был тот, кто знал тайну и дал клятву»[48].

Сохранился ли неизменным скрытый смысл этих понятий в годы, последовавшие за роспуском Союза Спасения? Повидимому, в основном сохранился. П. И. Пестель показывал на следствии: «Постановлениями общества после его возобновления определены были три степени: бояре, мужья и братья; а друзьями назывались члены приуготовляемые, но еще не принятые. Братьям объявляться долженствовало просто намерение ввести новый конституционный порядок без дальнейших объяс-

нений. Мужам открывалась цель республиканского правления»[49].

Как мы видим, содержание понятия «братья» было примерно тем же: им обозначалась вторая степень участия в тайном обществе. Друзьями были люди, близкие к обществу, но еще не посвященные в его цели. В свете этих различий по-новому воспринимаются слова Кюхельбекера о вечерних беседах у Ф. Н. Глинки, где «употреблялись выражения, понятные только в кругу нашем, в милом семействе друзей и братьев»[50].

Это словоупотребление укоренилось в революционной поэзии 20-х годов. Пушкин писал Кюхельбекеру: «...святому братству верен я!». В его знаменитом послании в Сибирь читаем:

...свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

В свете произведенных параллелей совершенно ясно, что «братья» в декабристском словоупотреблении имели явно иносказательный смысл, обозначая среднюю степень в кругу «наших», бóльшую, чем «друг», и меньшую, чем «муж»[51].

Для стиля декабристской литературы характерна «своеобразная поэтическая терминология и фразеология, т. е. определенный круг слов и выражений, повторяющийся, с теми или иными вариациями, в отдельных произведениях и у отдельных поэтов. Этот общий лексический и фразеологический фонд служит в поэзии декабристов выражению их общественных идеалов, эмоций, стремлений, что сообщает новый смысл словам и выражениям, которые были знакомы в той или иной мере и предшествующей поэзии, но имели там иное значение и не выступали в такой устойчивой системе. Знаментально сочетание в декабристской поэзии двух лексических „гнезд“: „родина“, „отечество“, „отчизна“, с одной стороны, и „свобода“, „вольность“, „воля“ — с другой. Понятия, обозначаемые этими словами, для декабристов неразрывны. Выразительно звучит конец стихотворения „К облаку“, написанного А. Бестужевым в ссылке:

И я погибну вдалеке
От родины и воли.

Задачи политической борьбы вызывают в поэзии декабристов круг слов, связанных с идеей общественного долга: „гражданин“, „герой“, „доблесть“, „достоинство“, „мужество“, „честь“, „подвиг“, „жертва“ и т. д. Эти поэтические термины наполняются в поэзии декабристов конкретным революционно-политическим содержанием. Так, например, „честь“ в поэзии

декабристов — это понятие не общественно-бытовое, а политическое, связанное с выполнением гражданского долга (ср. у Пушкина: „Пока сердца для чести живы“). Для стиля гражданского романтизма характерно не только наполнение подобных слов конкретным политическим содержанием, но и придание им яркой эмоциональной окраски, выражающей страстную жажду общественного блага» [52].

Эти и подобные им слова являлись «словами-сигналами», указывающими на подготовку к революционному действию. У Пушкина ими полно его послание «К Чаадаеву», в котором вся фразеология — «гнет власти роковой», и «нетерпеливая душа», и «призыванье отчизны»—полна скрытого для непосвященных смысла. Мы найдем эти «слова-сигналы» и у В. Ф. Раевского:

Под сень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг, добро святое...

Мы найдем эту фразеологию в лирике Ф. Глинки, в стихо творении Кюхельбекера «Пророчество»:

Народы! Близок, близок час...
Восходит солнце обновленья!

В. Г. Базанов привел в книге о Вольном обществе любителей российской словесности любопытнейший документ — «Таблицы для взаимного обучения чтению», содержащие слова, характерные для декабристов: «свобода, воля, раб, цепи, ярмо, гнев» и т. д. (перечислено более ста подобных слов). «В результате,— пишет В. Г. Базанов,— получался целый словарь, при помощи которого легко было составить пропись в вполне декабристском духе, все зависело от того, в какие руки попадут „Таблицы Вольного общества“» [53]. Таблицы эти были признаны вредными и запрещены.

Поэты-декабристы находились в более счастливом положении: они имели возможность проводить легальную пропаганду с помощью тех же «слов-сигналов». И шире всех этой возможностью воспользовался К. Ф. Рылеев.

В его словаре мы находим ряд слов, характеризующих и клеймящих самодержавно-крепостнический режим: «раб», «ярмо», «неволя», «жертва», «вероломство», «преступление», «деспот», «тиран», «теснитель», «праздность» и пр. Им противопоставлены слова, характеризующие и восхваляющие революционных борцов: «отчизна», «просвещение», «герой», «гражданин», «свобода», «вольность», «закон», «славянин».

«честь», «брат», «муж», «искупленье», «щит», «меч», и многие другие. Мы находим у Рылеева такие словосочетания, как «сын отечества»:

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

В этой строфе «думы» «Волынский» все слова полны политического содержания. Под «сынами отечества» подразумевались враги самовластия и тирании. Быть «врагом» — значило быть тираном; «мучеником» был Волынский, погибший безвинно, в героической борьбе; «святая ревность гражданина» означала готовность передовых русских людей к борьбе с самодержавием.

Целям политической агитации у Рылеева служили и имена политических деятелей прошлого. Когда передовые люди 20-х годов читали:

Тиран, вострепещи! родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!

они воспринимали эти собственные имена, названные в сатире «К временщику», как легальный перифраз тираноборства. Открыто призывать к низвержению диктатуры Аракчеева было, конечно, невозможно, но можно было замаскировать нападки на него обращением к античности, называть его «временщиком», апеллировать к «суду консулов», припомнить, в порядке контраста, образы Цицерона, Катона и других «сынов отечества», и в первую очередь — Брута, имя которого являлось легальным символом цареубийства. Римские имена призваны были маскировать борьбу за изменение условий современной русской действительности[54].

«Исходя из своего представления о существе поэзии и о ее задачах, поэты-декабристы стремились выработать свой поэтический стиль. Отличительными чертами этого стиля, преемственно связанного с художественными исканиями Радищева и некоторых поэтов, шедших по его пути, являются: высокое „витийство“, гражданская патетика, напряженные — торжественные или обличительные — интонации, смысловая сгущенность стихотворного языка. Поэты-декабристы хотели говорить языком ораторов-трибунов, языком прокламаций и проповедей, — поэтому в их творчестве получили широкое

распространение ораторские формы речи с обилием „ударных" слов и имен, имевших значение символов и лозунговых формул и вызывавших в сознании читателя или слушателя определенные идеологические и моральные ассоциации... либо имена исторических деятелей, олицетворявшие идеи человеческого благородства, доблести и героизма, неподкупности и чистоты убеждений...»[55].

Революционный романтик Рылеев не ставил перед собою задачи передать национальные особенности речи своих героев. Косоги у него говорят совершенно так же, как русский князь Мстислав Удалый, речь древлян в «думе» «Ольга при могиле Игоря» совершено лишена национального колорита. Не было у Рылеева намерений воссоздать и специфику языка изображаемой им эпохи; люди далекой старины говорили у него так же, как и его современники. Поэт стремился наделить своих героев «высоким» строем речи, присущим ему самому и соответствующим тем целям, которые поэтом преследовались.

Отсюда установка его стиля на ораторское убеждение. О том, как характерна она была для декабристского движения, верно и интересно рассказала М. В. Нечкина в книге «Грибоедов и декабристы». Вслед за нею той же проблемы применительно к Вольному обществу любителей российской словесности коснулся и В. Г. Базанов, указавший, что ораторство было в природе движения: «Гражданин в сознании декабристов — это прежде всего красноречивый оратор, публичный трибун, убедительно доказывающий прелесть свободы и нетерпимость рабства»[56]. Это качество заговорщика и агитатора декабрист Кожевников обнаружил, например, в Каховском, который, однажды «исполненный красноречия, убедительно доказывал, сколь велико благо народа вольного, сколь приятно быть виновником общего счастия и сколь унизительно не стремиться к пользе отечества...»[57]. Еще более красноречивым должен был быть революционный поэт: ему был в высокой мере присущ «витийства грозный дар» (выражение Пушкина в «Деревне»).

У Рылеева, поэта «огромного ораторского пафоса и мужественного красноречия»[58], все без исключения положительные герои произносят длинные монологи просветительского характера. Среди этих героев и героинь — Ольга, учащая Святослава, как мудро править государством, Рогнеда, рассказывающая сыну историю своей жизни, томящийся в темнице Хмельницкий, скорбящий о несправедливости царя Матвеев, негодующий Волынский. В «думе» «Волынский» ораторская установка особенно очевидна: шесть с половиною строф отведено речам героя, построенным по всем правилам риторики. Речи Волынского изобилуют уступительными и противитель-

ными конструкциями, в них много единоначатий, восклицаний. И красноречие «думы» ничуть не снижается, когда вместо речи навек умолкнувшего героя раздается голос самого Рылеева Речь поэта еще более взволнованна, еще более патетична.

А. Бестужев писал в своем первом критическом обозрении русской словесности, что «гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов, не был чужд и предкам нашим»[59]. Рылеев был, конечно, вполне согласен с таким утверждением своего друга.

Еще сильнее ораторское начало проступало в рылеевской лирике:

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О, доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес...

и т. д.

Эти стихи оды «Гражданское мужество» были выдержаны в витийственной манере. Единоначатия, риторические вопросы, патетические восклицания, инверсивные конструкции—все это было элементами декабристского красноречия, направленного на то, чтобы двигать «политические пружины государства сердцами слушателей и читателей»[60].

Ораторская манера декабристской поэзии действовала на чувства читателей. Декабрист Д. Арцыбашев в показаниях на следствии приписывал «заблуждение свое чтению либеральных книг и разговорам, воспламенившим мое воображение»[61]. Декабристы не раз говорили в показаниях о своем «воспаленном воображении»[62], о чтении стихов «с жаром и даже исступлением»[63]. Для них неприемлемы были пассивность, спокойствие и уравновешенность эмоций, характерные, например, для поэзии Жуковского. Революционным романтикам были присущи эмоции активного характера.

Рылеев рано отрешился от юмора во имя острой и неумолимой сатиры. Поэзия Рылеева полна бурными эмоциями — презрением, гневом и ненавистью и тем сарказмом, «бич» которого «так же сечет, как и топор палача»[64]:

С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!

(«Рогнеда»)

Молю: да ненависть заступит
Преступной страсти пламень злой...

(«Оставь меня...»)

«Рабам, искателям презренье!» — провозглашал молодой Раевский («Песнь воинов перед бурей»). «Мы презрим и негу, и роскошь, и лень», — восклицал Кюхельбекер («К Ахатесу»). Рылеев полон этих же открытых, резких и бурных эмоций. Греч, безо всяких оснований отказывавший его стихам в «поэтическом даровании», вынужден был признать, что «негладкие стихи» Рылеева замечательны «своей силою и дерзостью». Но то, что отталкивало от Рылеева врагов, привлекало к нему друзей. Н. Бестужев писал, что Рылеев «везде хорош, везде высок, где он говорит от чувства...»[65].

Языку Рылеева было глубоко чуждо объективистское бесстрастие. Это была речь борца. Каждое слово поэта или бичевало врага, или вдохновляло друзей, возбуждая в них «любовь к общественному благу», поднимая их на борьбу за «священные права людей».

Обстановка, создавшаяся в русской литературе 1820—1825 гг., отличалась чрезвычайной сложностью. Доживал свои дни классицизм, бурно развивался романтизм; наконец, именно в эти годы были созданы шедевры реалистической драматургии и эпоса — «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Борис Годунов».

Романтическое творчество Рылеева было связано как с уже отмиравшим классицизмом, так и с нарождавшимся реалистическим направлением. Его ранняя поэзия, примерно до середины 1823 г., питалась воздействиями, идущими со стороны русского классицизма обоих его вариантов: «легкого», эпикурейского, возглавлявшегося Батюшковым (ему Рылеев отдал дань в 1818—1820 гг.), и особенно «высокого», «гражданственного» классицизма Ломоносова, Державина, Гнедича. Связь декабристов с этим течением русской поэзии была вообще очень отчетливой — на витийственный, «высокий» классицизм опирались Глинка и Катенин, Раевский и Кюхельбекер. Не мог и не захотел обойти его и Рылеев.

Связи декабристских литераторов с классицизмом в высшей степени примечательны и оригинальны. Как мы знаем, романтики на Западе (например, во Франции) относились к классицизму резко недоброжелательно. Во многом так же оценивал классицизм и виднейший представитель русского консервативного романтизма Жуковский. Наоборот, декабристские литераторы высоко ценили гражданское начало эстетики и поэзии классицистов. Им не было нужды рвать с этим искусством высокой патетики и сатиры. В этом отношении декабристы

опять-таки следовали примеру своего прямого учителя, Радищева.

Воздействие «гражданского» классицизма на Рылеева проявилось в различных жанрах его творчества и прежде всего в его сатире «К временщику», а затем и в трех одах 1821—1823 гг., в которых прославлялись мудрые монархи и неподкупные вельможи («Александру I», «Видение», «Гражданское мужество»). Воздействие этой традиции давало себя знать и в оде «На смерть Бейрона». Наконец, воздействием классицистического направления в известной мере был отмечен и стиль ранних «дум» Рылеева, особенно таких, как «Курбский» и «Глинский».

В эту пору у Рылеева еще только зарождался интерес к фольклору, интерес, который пока что не привел его к каким-либо художественным достижениям. Указание поэта на связь жанра «дум» с украинским народным творчеством примечательно, однако в основном она сводилась к общим жанровым признакам исторического повествования о народном герое.

Примерно с лета 1823 г. в творческом развитии Рылеева наступил новый период: он пришел к романтизму. Причины этого перехода заключались, конечно, не в одних успехах нового литературного направления, но прежде всего в быстром идейном росте Рылеева. К этому времени он изжил иллюзии конституционалистского характера, еще владевшие им годом ранее. Утвердясь на позициях политического бунтарства, придя к убеждению, что революционное движение будет возглавляться передовой личностью, свободной от давления реакционной общественной среды, Рылеев, естественно, должен был обратиться к революционному романтизму, прославлявшему эту гордую и мятежную личность. В духе романтизма такого типа написаны «Рогнеда» и «Державин» и особенно «Войнаровский» и «Наливайко». Революционный романтизм явно доминировал в творчестве Рылеева 1823—1825 гг. Он проявлялся в дружеских посланиях (например, «Бестужеву»: «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...») и особенно в поэме, лирико-эпическом жанре, которому Рылеев сумел придать совершенно новые черты по сравнению не только с Жуковским, но и с Пушкиным.

На этом этапе творчества Рылеева в гораздо большей степени, чем раньше, начала интересовать тема национально-освободительной борьбы украинского народа. В связи с этим у поэта вырос и интерес к устному народному творчеству. Если раньше Рылеев лишь декларировал этот интерес, то теперь он начал переработку старинных украинских песен для «Войнаровского», «Наливайко» и поэмы о Палее. Однако в этих произведениях Рылеев-романтик не пошел дальше использования

материалов украинской песни из сборника Цертелева. Устное творчество народа интересовало автора «Наливайко» несколько внешним образом, как средство создания местного колорита. Рылеев еще не мог показать органическую связь этих песен с психологией украинского народа, хотя уже, конечно, сознавал наличие такой связи.

Придя к романтизму, Рылеев не остался в пределах этого литературного направления: мы находим у него несомненное стремление к реалистическому изображению действительности. Эти тенденции, как уже указывалось, имелись даже в цикле его «дум» (в первую очередь в «Иване Сусанине»); в 1824—1825 гг. они выявились отчетливее. В реалистическом духе были выдержаны все без исключения агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева и особенно «Ах, тошно мне и в родной стороне». Наконец, сильными тенденциями реалистического характера отмечен начатый Рылеевым пролог к исторической трагедии о Хмельницком.

В этих реалистических произведениях Рылеева уже нет романтической декларативности; они написаны неизмеримо менее приподнятым языком, в них введено большое количество народных слов и выражений. Для этих реалистических произведений характерна вполне органическая связь с устным творчеством русского народа, например с «подблюдными песнями».

Фольклор в реалистических произведениях Рылеева уже не только средство создания местного или исторического колорита. Поэту удалось в понятной и близкой народу художественной форме раскрыть некоторые стороны его идеологии и прежде всего народную ненависть к угнетателям.

Реалистические тенденции усиливались у Рылеева от года к году, и можно предполагать, что они очень скоро приобрели бы доминирующее значение в его эстетике и поэтическом стиле. Поражение декабризма резко оборвало этот естественный процесс развития поэта.

Однако преувеличивать значение реалистических тенденций в творчестве Рылеева не следует, поскольку они до самого конца не определили собою нового качества его поэзии, а остались эпизодическим, хотя и в высшей степени характерным явлением. Реализм — это не только литературное направление, но и определенная система взглядов на исторический процесс. В отличие от Грибоедова и Пушкина Рылееву недоставало понимания существенных закономерностей истории и в первую очередь — понимания решающей роли в ней широких масс трудового народа. Здесь Рылеев еще оставался во власти декабристских представлений о том, что революция может

быть осуществлена самоотверженной инициативой передовых «героев».

В целом стиль Рылеева — все же стиль революционного романтика. Этому стилю свойственна открытая тенденциозность. «Они, — писал о „Думах“ Рылеева Вяземский, — носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто *безличных* стихотворений наших. Что и в хороших стихах, когда нет в них особенного характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающие аккорды в поэзии нужны в ребячестве. В зрелости лет нужна цель, нужно намерение»[66]. Эти «цель и намерение» характеризовали не один только сборник «Дум», но всю поэзию Рылеева. Его стилю была чужда изнеженность поэзии «чистого искусства». В основе его творчества лежало понимание необходимости политической борьбы с самодержавно-крепостническим государством, интересам которой должны служить все виды искусства. Отсюда — постоянная «повелительность» этого стиля, его целеустремленность и монолитность, его неизменно сильная мускулатура.

«Протестуя против „изнеживания чувств“, декабристы отстаивали высокую героическую литературу, защищали такие поэтические жанры, как оду, сатиру, трагедию, которые более всего соответствовали этой пропагандистской и идейной роли поэзии... Борясь с „упоительной гармонией стиха“ Жуковского и Батюшкова и в особенности их эпигонов, создавших сглаженную поэзию „воспоминаний о протекшей юности“, мелких мыслей и чувств, декабристы обращались к „высоким“ и сатирическим жанрам, к эпосу, к народной поэзии. Карамзинской литературе, с ее жанрами элегии, послания, сказки, песни, мадригала и пр., декабристы противопоставили трагедию на общественные темы („Аргивяне“ Кюхельбекера), обличительную комедию „нравов“ („Горе от ума“ Грибоедова), агитационно-политическую оду, инвективу и медитацию (В. Раевский, Кюхельбекер, Рылеев), агитационную поэму, преимущественно на историческом материале (Рылеев) и пр.»[67]

Жанры Рылеева целиком отвечали этим общим тенденциям декабристской литературы. Характерно, что он ни разу не обратился к форме басни или притчи, предпочитая высказывать истину «во весь голос». Любимейшими формами его поэзии являлись сатира[68], ода, послание, гражданская элегия, «дума» и поэма. Каждая из этих форм быстро приобрела характерный рылеевский отпечаток. За исключением юношеского «Путешествия на Парнас» Рылеев никогда не писал литературных сатир, всегда избирая предметом последних политическую жизнь. Его сатиры на Аракчеева и убийц Чернова предельно заострены, полны гнева и ненависти, делающих их

нецензурными даже тогда, когда они печатались («К временщику»): это сатиры на российский деспотизм.

Наряду с сатирой, в лирике Рылеева большое место занимает ода. К «Видению», «Гражданскому мужеству» и оде на смерть Байрона вполне применима характеристика, данная этому жанру Кюхельбекером: «...вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мещет перуны в супостатов, блажит праведника, клянет изверга»[69]. В то время как в классицистической оде XVIII в. политическая тема еще не становилась переживанием «личности», ода Рылеева «стала лирикой личного чувства» [70].

Это яркое чувство поэта-гражданина окрасило и жанр его дружеского послания и жанр элегии. В то время как Жуковский и Батюшков говорили в своих элегиях о себе, о своих скорбях и наслаждениях, элегии Рылеева полны гражданского содержания. В них со всей силой звучит тема борьбы за народную свободу («Я ль буду в роковое время...»).

Свой путь эпического поэта Рылеев начал с жанра «дум», которые могут быть названы также историко-героическими балладами. Субъективные переживания героев, в отличие от баллад Жуковского, подчинены здесь гражданской тенденции самого Рылеева, его откровенной политической дидактике.

И, наконец, поэма, которой Рылеев отдал всего больше сил в 1823—1825 гг. В таких поэмах Рылеева, как «Войнаровский» и «Наливайко», «общественно-политические события становятся сюжетной основой произведения, а обстоятельства личной жизни героя и, в частности, его любовные отношения отодвигаются на роль эпизода или побочной сюжетной линии. Преобладание в поэме декабристов историко-героического начала придает ей в отличие от лирически окрашенных южных поэм Пушкина эпический характер. Декабристская поэма тяготела к тому, чтобы стать историко-героическим эпосом»[71].

Все жанры лирики и эпоса Рылеева проникнуты этим героическим содержанием. Всюду у него, как и у других декабристских поэтов, в основе сюжета лежит острый и драматический конфликт. Борьба между любовью и гражданским долгом героев, между корыстными, часто изменническими вожделениями и революционно-патриотическими чувствами придает действию рылеевских произведений черты внутренней напряженности.

V

Революционно-патриотические тенденции завоевали Рылееву виднейшее место среди русских поэтов пушкинской поры. Как справедливо указал Н. П. Огарев, «около Пушкина и Рылеева выросла и развилась целая дружина поэтов, более или

менее талантливых. Рылеев имел равносильное, если не большее, влияние на политическое движение современников...»[72].

Автор «Дум» и «Войнаровского», самоотверженно служивший интересам декабристского движения, не мог не оказать исключительно большого влияния на декабристов, формируя своим творчеством их революционное сознание. «Великий гражданин», как называл его А. В. Поджио[73], Рылеев был любимейшим поэтом декабристов. Уже первое значительное произведение Рылеева — сатира «К временщику», по свидетельству Н. Бестужева, учило передовых людей его времени «говорить истину... судить о действиях власти и вызывать сильных на суд народный»[74], т. е. революционизировало своих многочисленных читателей. Бестужев на следствии показал, что Рылеев «воспламенял всех своим поэтическим воображением»[75]. Такое признание делали и многие другие декабристы. Батеньков усматривал в «Волынском», «Наливайко» и других произведениях Рылеева «корень республиканских порывов» деятелей декабрьского восстания[76]. Розен восторгался поэзией Рылеева, дышащей «любовью к отечеству»[77]. Дивов показывал Следственному комитету, что творения Рылеева «были первою и главною причиной его преступного образа мыслей и желаний переворота»[78]. Не меньшее воздействие оказывал Рылеев-поэт на членов Южного тайного общества. Так, например, Лихарев «по случаю последней поэмы» Рылеева («Войнаровский») говорил Бошняку: «...люблю стихи его и в творце полагаю пламенное сердце»[79]. Братья Беляевы переписывали, хранили и сообщали другим вольнолюбивые стихотворения Рылеева так же, как и «южане» — Матвей Муравьев и Ивашев[80].

Все члены тайных обществ внимали голосу своего поэта. Любовь декабристов к поэзии Рылеева была так велика, что некоторые из них ставили его даже выше Пушкина «в силе чувствований, в жаре душевном» — ошибка бесспорная, но примечательная! И глубоко прав был Огарев, указывавший в предисловии к «Думам» Рылеева: «...те, которые помнят то время, конечно, скажут вместе с нами, что его влияние на тогдашнюю литературу было огромно. Юношество читало его нарасхват. Его стихи оно знало наизусть»[81].

Служившая революционным целям декабристского движения, формировавшая идеологию, вдохновлявшая и пробуждавшая действия первых русских революционеров, поэзия Рылеева воздействовала на широкие слои современных ей читателей. Они делали важные выводы из его, казалось бы, посвященных далекому прошлому сочинений. Творчество Рылеева заставляло их переживать чувство возмущения сегодняшним положением и приходить к выводу, что необходимо «покончить с этим правительством».

После 14 декабря имя Рылеева стало запрещенным, и правительство неукоснительно преследовало всех, кто хотя бы в частной беседе обнаруживал сочувствие к поэту-декабристу. Однако популярность Рылеева и это время не только не уменьшилась, но возросла: «Когда Рылеев был казнен, все творчество его приобрело особую значительность и осветилось заново. Поэтические произведения Рылеева приобрели смысл пророческого предвидения его собственной гибели и, таким образом, оказались неразлучными с его биографией»[82]. Лучшие люди молодого поколения, потрясенные кровавой расправой над декабристами, с особенной жадностью тянулись к их наследию.

Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась..
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

На передовую русскую молодежь 20—30-х годов с исключительной силой действовали произведения декабристских поэтов:

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам.
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих, свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

(«Н. Огарев, Памяти Рылеева»)

Среди произведений русской политической поэзии 20-х годов, ходивших в «списках по рукам», одно из самых почетных мест занимали, конечно, произведения Рылеева. Популярность их была громадной. По позднейшему свидетельству декабриста П. Беляева, поэмы Рылеева «Войнаровский» и «Наливайко» «были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всех дружеских и единомысленных кружках»[83]. Стихи Рылеева вырезали из старых альманахов и журналов, переписывали для себя и своих друзей. И в то время, когда в течение 30-летия «Россия не жила, но судорожно двигалась под барабанный бой» (Герцен), поэтические произведения казненного поэта продолжали воздействовать на умы молодого поколения. Вот что свидетельствовал, например, Ф. И. Буслаев, человек явно умеренных в политическом отношении воззрений: «В стенах самой гимназии мы читали „Войнаровского", „Думы" Рылеева и переписывали некоторые из них в тетрадки для своих рукописных собраний»[84]. То же самое отмечал

настроенный в умеренно-либеральном духе А. П. Милюков: «В то время, кроме Пушкина, у нас были особенно популярны Рылеев и Полежаев. У редкого гимназиста не водилось тетрадки с рукописными „Думами“ и мелкими стихами последнего поэта. Хотя сочинения эти, как и самые имена их авторов, были в то время запретными плодами, но мы нередко читали их в классах»[85]. В глухую последекабрьскую пору «Войнаровский», «Думы» и другие произведения Рылеева попрежнему «возбуждали дух гражданственности»[86].

Ближайший наследник декабристов, Герцен воспитался на поэтическом наследии Рылеева. Он был еще мальчиком, когда учитель словесности познакомил его с «мелко-переписанными и очень затертыми тетрадками стихов» Пушкина и Рылеева, которые Герцен «переписывал тайком»[87]. В дни своей юности он назвал Рылеева «великим поэтом» и «понимал» его «самоотверженную страдальческую душу»[88]. Много позднее, в 60-е годы, Герцен вспоминал о преддекабрьских годах, когда, «перерывая смех Грибоедова, ударял, словно колокол на первой неделе поста, серьезный стих Рылеева и звал на бой и гибель, как зовут на пир...»[89].

Замечательным свидетельством того, как личность и творчество Рылеева участвовали в формировании убеждений молодого поколения, может служить кружок братьев Критских[90].

В этом московском кружке 1826—1827 гг. имена декабристов были окружены величайшим ореолом. Члены кружка Критских заявляли, что «заговорщики 14 декабря» желали «блага России», и «жалели о них с участием». Василию Критскому принадлежат слова: «Велики были те люди, которые погибли за возмущение 14 декабря 1825 года. Они желали блага своему отечеству». Лушников называл Рылеева и других декабристов «людьми великими» и «безвинно погибшими». Участь декабристов родила в членах кружка Критских «мысль подражать им»[91].

Высоко чтя декабристов, члены кружка Критских вместе с тем высоко ценили и их поэтическую деятельность. Их любимым поэтом, вместе с Пушкиным, был Рылеев, о котором они отзывались восторженно и которого считали своим учителем. Петр Критский показывал, что «любовь к независимости и отвращение к монархическому правлению возбуждались в нем наиболее от чтения творений Пушкина и Рылеева»[92].

Рылеев был для этих юношей образцом революционера. «С той поры новое, неведомое дотоле чувство вспыхнуло в моей груди. Я завидовал смерти Рылеева, Бестужева (Рюмина.— *А. Ц.*) и прочих»,— говорил Лушников[93]. Московский книготорговец Кольчугин, в лавку которого Лушников пришел узнать о цене книги под названием «Думы» Рылеева, «между

прочим завел речь о Рылееве, выхваляя его гений и сожалея о его участи». Он сказал одному из своих друзей: «То, за что он погиб, увековечит его память» [94].

На громадное влияние «новых творений Пушкина и Рылеева» указывал и Петр Критский. По его показаниям, тенденциозно препарированным следователями III отделения, произведения эти «отравляли слабые наши умы и были виною всех после случившихся со мною зол и моих преступлений. Их вольные мысли родили во мне любовь к независимости и отвращение к монархическому правлению» [95].

Из произведений Рылеева (а в кружке Критских знали, надо полагать, все, что было напечатано поэтом) особой популярностью пользовалась поэма «Наливайко» и в ней знаменитая «Исповедь». Лушников показывал: «...убеждаемый от Критских ложными, питающими одно пылкое, беспокойное воображение доводами в рассуждении любви к отечеству, снова оставался тверд в прежних мыслях и повторял с восхищением, как сладкую песнь смерти, следующие стихи Рылеева: „Погибну я за край родной, я это чувствую, я знаю, и радостно, отец святой, свой жребий я благословляю" [96].

Так на фактическом и доселе еще не полностью опубликованном материале архивов политической полиции Николая I раскрывается благотворное воздействие, которое оказало творчество Рылеева на один из тайных кружков 20-х годов.

Поэтическое слово Рылеева находило себе в дальнейшем все новых и новых читателей и поклонников. Украинские демократы в 50-х годах читали произведения Рылеева с таким же жаром, как и творения родного им по языку поэта Шевченко. И. Н. Ульянов любил в своей семье петь «положенное на музыку студентами его времени, запрещенное стихотворение Рылеева „По чувствам братья мы с тобой..."». «Мы,—вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, — невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде „святая святых", и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему» [97].

Владимир Ильич Ленин был в числе тех, кто слушал тогда это пение, и, может быть, даже участвовал в нем. Говоря в 1902 г. о создании в России подлинно революционной рабочей партии и вспоминая период своей работы в кружке, Ленин перефразировал стихи рылеевского «Гражданина». В работе В. И. Ленина «Что делать?» мы читаем: «И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей про-

поведью „позорят революционера сан“»[98]. Перефразированный стих одного из программных произведений Рылеева послужил Ленину в политической борьбе большевистской партии.

VI

Характеризуя роль, которую Рылеев играл в русской поэзии 20-х годов, следует указать на его влияние на «около-декабристских» и декабристских поэтов и прозаиков. В орбиту этого влияния вошли такие поэты «декабристской периферии», как В. Григорьев, автор стихотворений «Чувства плененного певца» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, № 2, стр. 54—55) и «Жалобы израильтян» (там же, № 3, стр. 253). Этот поэт впитал характерные для декабристов мотивы тираноборчества, он охотно писал на исторические темы, пользуясь прошлым для пропаганды вольнолюбивых идей (см., например, «Нашествие Мамая», «Берега Волхова» и др.). С Рылеевым его сближала и апология греческого освободительного движения (стихотворение «Гречанка»). Под сильным воздействием Рылеева находился и малоизвестный поэт Загорский (см., например, его стихотворение «Калмар и Орля» в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1823, т. 23).

В числе близких к Рылееву поэтов должно быть упомянуто и имя А. А. Шишкова (племянника министра, адмирала Шишкова). Его стихотворение «К Метеллию» по праву входило в круг тех аллегорических изображений древнего Рима, в которых бичевалось русское самовластие («К Лицинию» Пушкина, «К временщику» Рылеева и др.). В течение всей жизни А. А. Шишков подвергался правительственным репрессиям, как человек с прочно установившейся репутацией политического вольнодумца. Он несколько раз был арестован, его держали под секретным политическим надзором. Из его стихотворений особенно примечательно послание «Ротчеву», в рылеевском духе утверждающее принципы гражданской поэзии:

Велико, друг, поэта назначенье,
Ему готов в бессмертии венец,
Когда живое вдохновенье
Отчизне посвятит певец,
Когда его златые струны
О славе предков говорят,
Когда от них сердца кипят,
И битвой дышит ратник юный,
И мать на бой благословляет чад.

Из поэтов декабристского движения в 1820—1825 гг. особенно близок к Рылееву Кюхельбекер. Как и Рылеев, он был приверженцем гражданской, тираноборческой поэзии. Кюхельбекер был близок Рылееву и симпатиями к греческому восстанию, и своими стихами на смерть Байрона, в которых он грозил Англии, не поддержавшей своего величайшего сына в борьбе за свободу, Англии, повсюду утверждавшей произвол и насилие:

Увы! Ударит час судьбы!
Веков потоком поглощенный
Исчезнет твой народ надменный,
Или пришельцевы стопы
Лобзать, окован рабством, будет;
Но Байрона не позабудет...

В имеющем программный характер стихотворении «Участь русских поэтов» Кюхельбекер с глубоким волнением говорил о трагической гибели Рылеева:

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

С наибольшей силой образ погибшего поэта-декабриста был раскрыт Кюхельбекером в траурном стихотворении «Тень Рылеева», написанном им в Шлиссельбургской крепости. Произведение это близко к жанру рылеевских «дум» («Глинский», «Богдан Хмельницкий»). Повествование начинается с описания темницы, где лежал «во тьме, на узничном одре» Кюхельбекер. К нему «небесное видение сошло».

«Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов,
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью...
И ты, я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.

Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье —
Поверь, не жертвовал ты снам:
Надеждам будет исполненье!..»

«Товарищ», воспевший свободу и умерший за нее,— это, конечно, Рылеев. Предсказанье небес исполнилось:

Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы —
Воздвиг певец восторженные взоры —
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой.

Поэтические традиции Рылеева развил в последекабрьские годы А. И. Одоевский — припомним его апофеоз поэта-борца («Сон поэта», 1826), его цикл стихотворений о гибели древнерусской вольности («Зосима», «Неведомая странница» и др.). О глубокой любви Одоевского к Рылееву свидетельствует его «Колыбельная песня», где с волнением очерчен образ погибшего поэта:

Сей сын земли был вечный небожитель:
Он сводит небо в чудных снах!
С любовью на тебя свой ясный взор он склонит,
И на тебя дохнет, и в душу огнь заронит!

Сказанное о близости мотивов творчества Кюхельбекера к творчеству Рылеева можно было бы повторить и в отношении Александра Бестужева, столь органически спаянного с Рылеевым всей своей литературной работой 1822—1825 гг. (совместное сочинение агитационно-сатирических песен, редактирование «Полярной звезды» и проч.).

Влияние Рылеева вышло за пределы чисто декабристской литературы и сказалось на произведениях поэтов, сочувствовавших декабристскому движению. Незначительный по размерам своего дарования поэт Розальон-Сошальский, подобно многим другим, «восчувствовал высокую красоту намерений Рылеева и в сердце его... отдался тот же сладкий глас, который и Рылеева вызывал на страшное и гибельное поприще для ратования за права человека». В 1825 г. под влиянием произведений Рылеева и, в частности, его думы «Димитрий Донской» Розальон-Сошальский написал стихотворение «Баян на Куликовом поле», темой которого являлось восстание против поработителей:

Когда в руках Донского засветил
Меч мщения, свободы страж священной,—
И гром татар умолк и стихнул звук оков!
Воскресли мы!..

Розальон-Сошальский являлся также автором произведения «Рылеев в темнице», в котором он вложил в уста поэта-декабриста обличение нового самодержца. М. А. Цявловский, исследовавший судебное дело этого эпигона декабристов, указал, что на допросе Розальон-Сошальский признался, что «это произведение написано им вскоре после печального происшествия 14 декабря 1825 года и без всякого постороннего содействия» [99]. Однако тема и ее разработка, несомненно, говорят о воздействии Рылеева. Рассказ ведется от лица Рылеева, находившегося в темнице и ждавшего казни: «Скоро загремит железо заклепов, и каменносердный тюремщик изведет меня, дабы предать вооруженной толпе рабов. Предстану пред врага общественного блага, но правого силою». Осужденный декабрист готовился раскрыть «самовластителю» России «страшные картины деспотизма». Сочинение Розальон-Сошальского содержит множество цитат из «думы» Рылеева «Волынский» [100].

К Рылееву были близки и некоторые другие поэты 20-х годов. Среди них мы встретим таких несходных между собой поэтов, как В. И. Туманский, автор послания к Цертелеву (1823), в рылеевском духе трактовавшего тему гражданского призвания поэта, и Д. В. Веневитинов, автор «Песни грека» и «Новгорода».

Особенно сильно воздействие Рылеева на раннее творчество Н. М. Языкова. В юношеские годы он принимал участие в «Вольном обществе любителей российской словесности». Симпатия к личности Рылеева и сочувственное отношение к его политической и литературной деятельности не подлежит сомнению. Языков в 1825 г. обращался с просьбой к брату, «чтоб он поблагодарил от меня Рылеева за „Думы“ и „Войнаровского“: последний точно стоит благодарности, есть места восхитительные» [101].

Узнав, что казнь Рылеева свершилась, Языков с возмущением писал: «...Пора увериться всякому, что дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит, что ему надобно». 7 августа 1826 г. Языков написал стихотворение, посвященное памяти повешенного поэта-декабриста, выдержанное в «высоком» стиле политического послания, с торжественно приподнятой лексикой, с ораторским синтаксисом:

Не вы ль убранство наших дней, —
Свободы искры огневыя,
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовыя
На самовластие царей!

Под воздействием «Дум» сформировалась историко-патриотическая тема юного Языкова, которая прозвучала в его произведениях 1822—1823 гг. В послании к брату Языков обещал, «беседуя мечтой с протекшими веками», рассказать о далеком прошлом славян, о «гении русской старины». В «Песне Баяна» (1823) Языков изображал певца, которого зовут в «страну далекую»:

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

Созвучие этих мотивов мотивам рылеевских «дум» вроде «Олега Вещего», «Святослава», «Бояна» или «Рогнеды» несомненно. Творчество молодого Языкова было обращено в прошлое, в русскую историю, представлявшуюся ему эпохой «вольности и славы и победы» («Песнь барда во время владычества татар в России», 1823). И не случайно совпадение у Рылеева и Языкова ряда исторических образов — Святослава («Услад»), византийского царя Цимиския (там же), Дмитрия Донского («Баян к русскому воину»), отважного Олега и многих других. Батально-гражданская патетика автора «Дум» явственно звучала и в ранних произведениях Языкова, который позднее изменил ей в угоду националистическим тенденциям славянофильства.

От Рылеева идет прямая дорога к таким поэтам 30—70-х годов, как А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов. В стихотворениях Полежаева, написанных на древнеримские темы («Видение Брута» и «Кориолан»), отчетливо слышны отголоски декабристской гражданственности.

Особенно близок Полежаев к рылеевской традиции в жанре сатирической песни — «Ах, ахти, ох, ура!». В песне «Ах, тошно мне...» слово принадлежало крепостному крестьянину; в песне Полежаева оно передано представителю не менее угнетенного слоя. Повествование в ней ведется от лица солдата николаевской армии, одного из тех, кто остался 14 декабря верен новому царю и теперь остро переживал эту свою ошибку.

Вольнолюбивые мотивы Рылеева нашли продолжение и у молодого Лермонтова — в стихотворениях «Олег», «Новгород»

(в последнем содержались намеки на аракчеевские военные поселения). Как и Рылеев, юный Лермонтов полон гордости героическим прошлым русского народа, подобно ему, он любуется доблестью древних славян. Поэт обращается к эпохе вольного Новгорода. Его привлекает бунтарский образ Вадима, погибшего в неравной борьбе с Рюриком за «свободу, мщенье и любовь». В поэме «Последний сын вольности», написанной Лермонтовым через несколько лет после разгрома декабристского движения, еще раз раскрылась концепция рылеевского «Вадима». Подобно Рылееву, молодой Лермонтов возлагал свои надежды не на народную массу, изображенную покорно склонившейся перед тиранией Рюрика, а на группу героических борцов во главе с Вадимом, защищавших вольность своего народа.

Между Рылеевым и молодым Лермонтовым лежал рубеж громадного исторического значения. Если Рылеев творил в годы подъема декабристского движения, то молодой Лермонтов воспитывался в годы разгрома этого движения и злейшей политической реакции. То одиночество авангарда русского общества, о котором говорил в отдельных своих произведениях Рылеев, достигло в пору, когда творил Лермонтов, предела. Поэтому у Рылеева в его «думе» упор был сделан на протесте Вадима, у Лермонтова — на его обреченности и трагической гибели:

Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал,—
Он пал в крови, и пал один —
Последний вольный славянин!

При всех этих исторических различиях несомненно, что Лермонтов развивал достижения Рылеева как одного из своих предшественников в революционной русской поэзии. Как и Рылеев, Лермонтов ненавидел аристократию, «жадною толпой стоящую у трона». В этом плане особенно любопытно сравнить рылеевское стихотворение «На смерть К. П. Чернова» с лермонтовским «Смерть поэта». Это произведения одного и того же жанра — жанра политического памфлета.

От Лермонтова естественен переход к Огареву. «Придет время,— писал Огарев в „Полярной звезде на 1861 год“ о декабристах,— история скажет, насколько эти люди составляли родоначальный исток широкого развития нашей будущности». В юношеских произведениях Огарева есть явные следы рылеевского влияния [102]. Огарев, по его собственным признаниям, воспитывался на вольнолюбии декабристов, действовавших в то время,

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным...

(«Свобода»).

Он на всю жизнь сохранил глубочайшее уважение перед памятью

Изгнанников иных, тех первенцов свободы,
Создавших нашу мысль в младенческие годы.

(«И если б мне пришлось прожить еще года...»).

— перед памятью Рылеева, о котором он так много писал, раскрывая русским читателям идейно-художественные тенденции его творчества. Подобно Герцену, Огарев горячо любил стихи Рылеева и высоко ценил его поэтическое наследие. В стихотворении «Памяти Рылеева» Огарев вспоминал об авторе «Войнаровского» и «Наливайко» с восторгом, как о своем идейном и литературном учителе:

Рылеев мне был первым светом...
Отец, по духу мне родной! —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Величайший русский революционно-демократический поэт Некрасов связан был идейно-художественной преемственностью с поэтами-декабристами и особенно с Рылеевым. В поэме «Несчастные» Некрасов на новом этапе развития русского революционного движения развивал мотивы, звучавшие и в «Войнаровском» (например, изображение политического преступника, томящегося в сибирской ссылке). Еще шире эта тема развернута в поэме «Русские женщины». Романтизированный образ жены Войнаровского сменился у Некрасова реалистическими образами женщин из светского общества, разорвавших с ним все связи. Обе поэмы объединены апофеозом передовой по своим убеждениям женщины.

Характерно, что близость «Русских женщин» к «Войнаровскому» отметила враждебная Некрасову консервативно-дворянская критика. Рецензент «Русского вестника» Авсеенко видел в описании поездки княгини Трубецкой подражание Рылееву. «Смеем уверить г. Некрасова,— иронически замечал он,— что

подобные подражания поэтам 20-х годов ничего не прибавят к его литературной репутации»[103]. В действительности здесь было, конечно, не подражание Рылееву, а развитие революционных мотивов его поэзии в новых исторических условиях.

В главе об агитационно-сатирических песнях Рылеева уже была отмечена внутренняя преемственность между рылеевской песней «Ах, тошно мне и в родной стороне...» и «Размышлениями у парадного подъезда» Некрасова. Но, может быть, всего характернее близость эстетических воззрений Некрасова и Рылеева. Если декабристский поэт заявлял: «Я не Поэт, а Гражданин», то Некрасов через тридцать лет довел эту формулу до ее крайнего, характерного для революционно-демократической эстетики, выражения:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Некрасов со всей решительностью поддержал мысль Рылеева о приоритете в поэзии общественно-политического содержания.

От Рылеева через Полежаева, молодого Лермонтова и Огарева к Некрасову шла одна из важных дорог русской политической поэзии первой половины XIX в. Несмотря на свои внутренние различия и на несходство исторических условий, в которых этим поэтам пришлось действовать, все они были объединены в борьбе против одного противника — самодержавно-крепостнического режима.

VII

В статье «Памяти Герцена» Ленин сочувственно приводил характеристику, которую дал декабристам непосредственный продолжатель их дела, Герцен: «...люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»[104]. Понятно, как благотворно должны были действовать эти люди на ряд поколений русского общества, еще продолжавших в XIX в. жить в гнетущей атмосфере «палачества и раболепия», и как велико, в частности, было воздействие их революционной поэзии.

Рылеев — один из вождей декабристского движения и его наиболее популярный после Пушкина певец. Он действовал на своих читателей прежде всего тем, что все его творчество без остатка посвящено горячо любимой родине. В

поэтическом наследии Рылеева нет ничего условно-литературного, оно является неотъемлемой частью его жизненного дела.

Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил,
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Эти стихи «думы» «Державин» прекрасно характеризуют поэзию Рылеева. Его патриотизм всегда был революционным: поэт горячо желал своему отечеству освобождения от ярма самодержавно-крепостнического строя и со всей страстью боролся за это освобождение. Считаясь с возможностью неудач в освободительной борьбе, Рылеев в то же время был убежден, что они не пройдут бесследно для следующих поколений русских революционеров.

Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Посвятив свое творчество родине, народу, революции, Рылеев тем самым придал ему исключительную нравственную силу. «Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию» [105].

Эти неотъемлемые черты творчества Рылеева волновали русских читателей прошлого. Они волнуют нас и сегодня. Советские люди помнят об исторических заслугах тех, кто боролся с самодержавием на заре русского революционного движения. Они вместе с тем знают, что борьба за свободу продолжается и что в этой борьбе поэзия Рылеева оказывает свою вдохновляющую помощь. Могли ли не волновать украинцев, еще так недавно боровшихся против фашистских захватчиков, слова Наливайко:

Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..

Могли ли русские патриоты, героически сражавшиеся с фашистами вместе со всеми народами Советского Союза, не повторять гордые слова Ивана Сусанина:

Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь...

Народам Советской страны, в смертельных схватках с врагом отстоявшим свою священную Родину, дорог этот поэт, чье творчество горит светлым пламенем революционного патриотизма. Нам дороги и близки герои Рылеева, жертвующие собой во имя отчизны, люди, в душах которых «кипит святая ревность гражданина», ненависть к «тиранам», презрение к «покорным рабам», всепобеждающая любовь к своему народу. Рылеев пронес этот идеал через все творчество, тем самым подняв его на исключительную морально-политическую высоту. Вдохновенное, полное революционного огня творчество Рылеева воспитывало и продолжает воспитывать в читателях лучшие, благороднейшие чувства требовательности к себе, непримиримости ко всем видам неправды. Это дает Рылееву-поэту право на любовь народов нашей великой страны, на уважение со стороны всего передового человечества.

Творчество Рылеева дорого советской писательской молодежи. Оно учит ее искусству мужественной и целеустремленной агитации за передовые идеалы эпохи. Рылеев учит ее уменью идти в поэзии своим путем, не подчиняясь влиянию даже своих гениальных современников, сохранять свой голос, свой поэтический «почерк». Это еще и еще раз свидетельствует о громадных творческих возможностях революционной поэзии, об ее роли в деле политического и нравственного воспитания. Во всех этих разнообразных планах Рылеев остается и сегодня нашим современником.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

(стр. 3—18)

1 Говоря о политических организациях декабристов, я, естественно, не имею в виду А. С. Пушкина, который организованно не был связан ни с одним из тайных обществ.

2 См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

3 Там же, т. 23, стр. 234.

4 См. там же, т. 20, стр. 223; т. 18, стр. 9, 14.

5 Там же, т. 11, стр. 133.

6 Там же, т. 18, стр. 14.

7 Там же, т. 19, стр. 294.

8 Там же, т. 21, стр. 85.

9 И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 110.

10 Газета «Кавказский рабочий листок» цит. здесь по кн.: К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 7.

11 Цит. по кн.: «Декабристы. Отрывки из источников». Составил Ю. Г. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 441.

12 Цит. по кн.: «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». Подготовка текста к печати и примечания С. Я. Штрайха, т. III. М., 1951, стр. 315.

13 См. статью Д. Кропотова Несколько сведений о Рылееве. — «Русский вестник», 1869, № 3.

14 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 273.

15 Н. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908, стр. 3, 5, 142, 44, 122, 78.

16 А. Н. Пыпин. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, стр. 471, 473.

17 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 316.

18 См. статью В. А. Гофмана «Рылеев-поэт».— Сб. статей «Русская поэзия XIX века». Л., 1929.

19 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М., 1934, стр. 483.

20 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., в 10-ти томах, т. X. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 78, 131 (в дальнейшем все цитаты из сочинений и писем Пушкина приводятся по этому изданию).

21 Там же, стр. 124.

22 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 488.

23 См. об этой трагедии в пятой главе настоящей монографии.

24 В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 126.

25 Н. Бестужев. Воспоминание о Рылееве.— «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 25.

26 В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. Л., 1950, стр. 20.

27 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 348 (в дальнейшем все цитаты из сочинений и писем Герцена приводятся по этому изданию).

28 Там же, т. IX, стр. 144.

29 Там же, т. XXI, стр. 58.

30 Там же, т. XII, стр. 57.

31 Там же, т. VI, стр. 350.

32 В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 103.

Глава первая

ЮНОСТЬ. ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ

(стр. 19—37)

1 Сб. «Памяти декабристов», вып. 1, Л., 1926, стр. 48. Об имении Рылеевой Батово см. статью В. Н. Нечаева в сб. «Звенья». М., 1951, № 9.

2 См. Письмо М. Ф. Донауровой к жене поэта в кн.: В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. Приложения, стр. 110.

3 А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 12, 13.

4 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М., 1934, стр. 18, 19.

5 «Рылеев на следствии». Из письма А. М. Булатова к Николаю I.— «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 213.

6 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 428, 429.

Я имею здесь в виду новонайденное стихотворение «Вотще в различные рядим его одежды» (около 1821 г.), в котором Рылеев полемизировал с афоризмом Карамзина о том, что «просвещенный ум есть царь земли». В этом стихотворении Рылеев поставил важную проблему общественной психологии— о людях сухого и расчетливого ума, свойственного многим представителям дворянского общества той поры, в котором, по острому словцу Грибоедова, «как платье, волосы, так и умы коротки». Критикуя этот тип людей, Рылеев иронически писал:

Я уважаю ум, но истиной пленен,
Скажу: блаженней всех, кто мене всех умен.

(См. подробнее «Литературное наследство», т. 59, стр. 131—132).

7 А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». СПб., 1906, стр. 35.

8 В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 89.

9 «Записки М. И. Пущина».— «Русский архив», 1908, № 11, стр. 412.

[10] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 319.

[11] Эта недавно опубликованная ода Рылеева цит. по «Запискам отделения рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 3. М., 1939, стр. 5 и 6.

[12] «Восстание декабристов. Материалы», т. I. М.—Л., 1925, стр. 150, 151.

[13] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 374. Ср. с этим отрывком «Письма из Парижа», датированного 18 сентября 1815 г., письмо Рылеева к матери, написанное им в том же году, при переходе русских войск через Рейн. Раздумья его на тему о превратностях истории завершились словами: «Но куда завлекли меня мрачные размышления? Как могу я определять случаи будущности? Время, время! лети скорее, удвой полет свой — любопытство знать будущее снедает меня» (там же, стр. 437).

[14] «Общественные движения в первую половину XIX века». Т. I, СПб., 1905, стр. 183.

[15] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 237.

[16] «Восстание декабристов», т. I, стр. 156.

[17] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 382, 377.

[18] Там же, стр. 438.

[19] См., например, К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 435. Ср. письмо И. С. Зубковского к Рылееву от 3 сентября 1816 г. Сочинения Рылеева под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1874, стр. 303—305.

[20] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 447.

[21] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов, стр. 19.

[22] Цит. по кн.: П. Е. Щеголев. Декабристы. Л., 1926, стр. 13.

[23] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 446. Несколько ранее он писал матери: «...кажется довольно для государя пяти лет: пора подумать и о своих!» (там же, стр. 444). Позднее он скажет несравненно решительнее: «Я служил отечеству, пока оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать ее, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластного деспота; я желал лучше служить человечеству...» («Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 10).

[24] «Воспоминания А. И. Косовского».— «Литературное наследство», т. 59, стр. 240.

[25] Там же, стр. 249.

[26] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III. М., 1951, стр. 99.

[27] См. об этом в кн.: А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки и дневник, т. I. СПб., 1905, стр. 66, 67.

[28] Это «всеподданнейшее письмо» цит. по копии из архива Н. Ф. Дубровина, хранящегося в Архиве Академии Наук СССР, ф. 100. Архив Государственного Совета. Дела Комитета, д. 140.

[29] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 451.

[30] Там же, стр. 455. Это письмо Рылеева к жене от 25 ноября 1820 г. попало в перлюстрацию московского почт-директора Рушковского. См. заметку «Черты к характеристике русского общества 1820—1826 годов».— «Русская старина», 1882, № 2, стр. 471—472.

[31] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 459.

[32] См. письмо Рылеева к матери от 18 июня 1818 г., Полн. собр. соч., стр. 447. Небезинтересны сведения о материальном достатке Тевяшовых, сообщенные воронежским генерал-губернатором Балашовым уже

после восстания 14 декабря: «Мать жены, вдова, прапорщица Тевяшова, имеет еще дочь, вдову, Настасью, губернскую секретаршу Кореневу и 3 сыновей. Хозяйство 190 душ и 1970 десятин земли с лесом» («Красный архив», т. XV, 1926, стр. 192). О роде Тевяшовых см. кн.: А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. СПб., 1895, стр. 291.

33 «Литературное наследство», т. 59, стр. 240, 242, 244.

34 К. Рылеев. Полн. сбор. стихотворений под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1934, стр. 321.

35 Из комментария Ю. Г. Оксмана. Там же, стр. 523—525.

36 «Воспоминания А. И. Косовского».— «Литературное наследство», т. 59, стр. 247, 248.

Глава вторая

САТИРА И ЛИРИКА 1820—1823 гг.

(стр. 38—68)

1 В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 61.

2 См. статью: Н. О. Лернер. У возможных истоков «Евгения Онегина».— Сб. «Рассказы о Пушкине». М., 1929.

3 Из воспоминаний П. А. Вяземского.— Сб. «Старина и новизна», кн. VIII, 1904, стр. 42.

4 И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 75.

5 Там же, стр. 67.

6 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., М., 1934, стр. 455.

7 В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.

8 «Аракчеевщина; рассказы, стихи и песни его времени».— «Русская старина», 1872, т. VI, стр. 594—595.

9 Цит. по публикации П. С. Бейсова «Новое о Раевском». Пушкинский сборник. Ульяновск, 1949, стр. 265.

10 См. «Поэзия декабристов» под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 616—618.

11 «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. XVII. СПб., 1822, стр. 43.

12 Из показания Г. С. Батенькова от 22 марта 1826; Цит. по копии из Архива Академии наук, ф. 100 (Н. Ф. Дубровина), оп. 1, ед. 332.

13 «Декабристы. Отрывки из источников». Л., 1926, стр. 159.

14 «Восстание декабристов», т. II, М.—Л., 1926, стр. 73.

15 М. В. Нечкина. Декабристы. М., 1949, стр. 12.

16 См. письмо Рылеева к М. Г. Бедраге от 23 ноября 1820 г. Полн. собр. соч., стр. 454.

17 См. кн.: С. Штрайх. Брожение в армии при Александре I. Пг., 1922, стр. 20.

18 Текст прокламаций цит. по сб. «Декабристы. Отрывки из источников». Л., 1926, стр. 37—40.

19 Очерк опубликован в «Русской старине» (1871, октябрь, стр. 533—548) А. Н. Афанасьевым. Рукопись его хранится в Государственном Центральном историческом архиве в Москве (ЦГИА, ф. 279, оп. I, ед. 266). При сличении рукописи с печатным текстом «Русской старины» устанавливается ряд любопытных цензурных купюр. Воспроизвожу

их здесь в квадратных скобках: а) Великий князь [обрадованный случаем, где мог он показать всю свою власть] едет сам в полк с Шварцем. Собирает роту и начинает ее бранить, называет бунтовщиками, достойными презрения и жесточайшего наказания. [Пламенные взоры и горделивая осанка солдат ясно доказывали причину их молчанья, означающую презрение к глупости одного и безрассудству другого]. Великий князь [взбешенный неуспехом мнимой решительности своей] поспешил к Васильчикову и [со всею злостию оскорбленного самолюбия пожаловался на роту...]. b): Великий князь был, кажется, совсем забыт [об нем говорили как о ребенке, достойном сожаления]. с): Васильчиков, распорядившись с Семеновским полком, как выше сказано, читал указ во всех прочих гвардейских полках. Некоторые слушали оный с негодованием, другие [Конногвардейский и Павловский] к стыду своему кричали: Ура! [как будто радуясь погибели товарищей, и заранее оправдывали все жестокости, которые и с ними могут быть произведены]. d): после слов «людьми и деньгами»: [Войско подчинено запрещать, а владеющий дисциплиною избавлен труда рассуждать]. е): Последняя фраза очерка: [«Что касается до духа гвардии, кажется, успели в ней погасить последнюю искру рассуждения»].

К какому бы из великих князей — Николаю или Михаилу (второе вернее) — ни относились полные сарказма слова мемуариста, они в высокой мере характерны для писателя-декабриста. Следует обратить внимание также на фразы, устраненные цензурой из последней страницы («что касается до духа» и т. д.): они важны для понимания песни Рылеева и Бестужева «Вдоль Фонтанки-реки собирались полки...» (см. выше, стр. 290—291).

20 «Рылеев на следствии». «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 214.

21 ЦГИА, ф. 48, оп. I, ед. 82, л. 50.

22 Цит. по кн.: С. Гессен. Солдатские волнения в начале 19 века, Л., 1929, стр. 83.

23 «Записки В. И. Штейнгеля»; цит. по сб.: «Общественные движения в России в первую половину XIX века». СПб., 1905, стр. 410.

24 См. статью Б. С. Мейлаха «О декабристских литературных организациях». «История русской литературы», т. VI. М., 1953, стр. 39. Б. С. Мейлах считает, что преследование «Невского зрителя» в значительной мере объяснялось напечатанием в этом журнале сатиры «К временщику».

25 Воспоминания о Рылееве И. Н. Лобойко. Цит. по сб.: «Декабристы и их время». Л., 1951, стр. 26. В отрывке из биографической записки неизвестного лица сообщается: «Ал. Ник. Голицын был его защитником, когда Кондратий Федорович написал „Временщика"... хотели его посадить в крепость, но князь Голицын защитил» (ЦГЛА, ф. 423, ед. 43, л. 1, об.).

26 «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 12.

27 «Записки Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 73.

28 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 58.

29 «Воспоминания Бестужевых», стр. 12.

30 Отметим среди них список Центрального государственного литературного архива (ЦГЛА), ф. 423, ед. 101, не совсем точный («Народ тиранством ужасно разъяренный») и относящийся уже к последекабрьской поре.

31 М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М., 1907, стр. 112.

32 Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 57. Ср. также главу «Ложа избранного Михаила» в кн.: В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск 1949. стр. 87.

33 Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 57.

34 Как основательно указала И. Н. Медведева (в статье «Н. И. Гнедич и декабристы» в сб. «Декабристы и их время». М.—Л., 1951), «в свете декабристской пропаганды воспринимались обращенными к русской действительности слова Аржира:

Вожди и рыцари, Сицилии сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарелые мои почтивши лета,
Собрались у меня для важного совета,
Как нам несущих брань тиранов отразить.
И славу и покой отчизне возвратить

Рылеев не только хорошо знал, но и высоко ценил этот перевод Гнедича. См. об этом подробнее в статье И. Н. Розанова «Книга с пометками К. Ф. Рылеева».— Сб. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 247—249.

35 «Декабристы», под ред. В. Н. Орлова. Л., 1951, стр. 539.

36 Цит. по кн.: К. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 71.

37 «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, т. XV, стр. 140.

38 «Русская старина», 1871, т. III, стр. 245.

39 «Законоположение Союза Благоденствия», кн. III, гл. V, § 52. Цит. по кн.: А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908, стр. 562.

40 В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 247.

41 Там же, стр. 235, 259, 260, 291, 294, 295.

42 «Восстание декабристов», т. I, 1925, стр. 433.

43 Диплом, удостоверяющий избрание Рылеева членом этого общества, опубликован В. И. Масловым в его книге: «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев, 1912. Приложения, стр. 104.

44 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 456.

45 Цит. по сб.: «Декабристы. Отрывки из источников». М.—Л., 1926, стр. 86, 99.

46 «Восстание декабристов», том II, стр. 66.

47 «Записки декабриста Д. И. Завалишина». Изд. 2-е, стр. 162.

48 «Восстание декабристов», т. I, стр. 444.

49 Цит. по кн.: «Поэзия декабристов», под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 702.

50 «Восстание декабристов», т. I, стр. 444.

51 «Воспоминания Бестужевых», стр. 13—14.

52 Цит. по рукописи неизвестного автора под заглавием «Изложение дела о крестьянах гр. Разумовского и мнение К. Ф. Рылеева».—ИРЛИ, ф. 269, оп. I, ед. 59. См. также ст. И. И. Игнатович. Рылеев в «деле» о волнении крепостных крестьян графа Разумовского. «Литературное наследство», т. 59, стр. 289—299.

[53] Как сообщал затем неизвестный автор этой рукописи, «вследствие оного мнения собирались в палате голоса, но прочие члены остались при прежде данной резолюции и потому в палате было постановлено: при представлении определения на согласие к военному генерал-губернатору приложить и мнение г. Рылеева. Граф Милорадович вносил приговор палаты в комитет гг. министров, который полагал приговор привесть в исполнение. Положение это высочайше утверждено 6 июня. За тем повеленное наказание плетьми было произведено на месте». (ИРЛИ, ф. 269, оп. 1, ед. 59, лл. 30, 30 об., 31).

[54] «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 13.

[55] Из показаний И. И. Пущина.— «Восстание декабристов», т. II, стр. 210

[56] «Воспоминания Бестужевых», стр. 12.

[57] «Восстание декабристов», т. IV, стр. 105.

[58] «Записки А. В. Поджио».— Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I. М., 1931, стр. 75—76.

[59] А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». СПб., 1906, стр. 15.

[60] «Общественные движения в первую половину XIX века». СПб., 1905, стр. 172.

[61] Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 164.

[62] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, стр. 386.

[63] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов, стр. 80.

[64] К. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 78.

[65] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 350.

Глава третья

«ДУМЫ»

(стр. 69—104)

[1] А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». М., 1935, стр. 100—102.

[2] Цит. по антологии: «Декабристы». Л., 1951, стр. 318.

[3] Там же, стр. 563.

[4] «Сын отечества», 1818, ч. 43, стр. 266—267.

[5] Цит. по статье И. Н. Медведевой «Н. И. Гнедич и декабристы».— Сб. «Декабристы и их время». М.—Л., 1951, стр. 119.

[6] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, стр. 356.

[7] «Полярная звезда на 1823 год», стр. 6.

[8] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М., 1934, стр. 458.

[9] А. И. Косовский в своих воспоминаниях утверждает: «Почти в это же время он успел сделать некоторые очерки для „Дум“ своих, которые впоследствии были изданы в свет. „Димитрий Донской“, „Богдан Хмельницкий“, „Курбский“, „Наталья Долгорукова“ нам были уже несколько знакомы в 1818 году, равно и поэма „Войнаровский“, коими мы также любовались. Но все это впоследствии много исправлено и дополнено им. Похвальное слово Мордвинову (бывшему министру) также начато при нас, которого ум и правду Рылеев ценил высоко!» («Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 244). Изменила ли Косовскому память, или он хотел отнести к острогожскому периоду возможно больше замыслов Рылеева — мы не знаем. Конечно, нельзя верить сообщениям Косовского в отношении «Войнаровского» и «Похвального слова Мордвинову» (т. е. оды «Гражданское мужество»).

Никак не соответствуют они истине и в отношении «Наталии Долгоруковой», самой поздней из всех напечатанных Рылеевым «дум». Надо полагать, что несколько «дум» Косовский и его товарищи действительно слышали — вернее всего «Курбского», «Святополка» и «Димитрия Донского», опубликованных в 1821—1822 гг. в «Сыне отечества», куда поэт их, повидимому, и предназначал. Только было это отнюдь не в 1817—1818 гг., а летом 1821 г., когда Рылеев жил в Подгорном и бывал в Острогожске.

[10] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 468. В воспоминаниях И. Н. Лобойко подчеркивался интерес Рылеева к польскому поэту. «Жизнь Немцевича во всех ее обстоятельствах: его пребывание в Англии в 1787 году, его участие в Польской революции с 1791—93 ⟨годов⟩, его двухлетнее заключение в Шлиссельбургскую крепость, освобождение его оттуда в 1796 году государем императором Павлом I и переселение его в Америку, равно как и сочинения Немцевича, — издаваемые вполне в Варшаве с 1805 ⟨года⟩,— были Рылееву известны. Он напитан был их республиканским духом и чувствованиями; это было нам понятно только впоследствии» (Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, стр. 25). Следует указать, однако, что, говоря о «республиканском духе», Лобойко слишком форсирует развитие Рылеева: во время работы над «Думами» Рылеев еще оставался конституционалистом.

[11] «Остафьевский архив», т. II. Спб., 1899, стр. 7.

[12] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. Спб., 1906, стр. 67.

[13] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, № 2, стр. 310.

[14] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 458.

[15] «История государства Российского», т. II, стр. 25—26.

[16] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 416.

[17] «История государства Российского», т. IX, стр. 58, 68.

[18] В. Г. Вазанов. Поэты-декабристы. Л., 1950, стр. 56.

[19] «Полярная звезда на 1823 год», стр. 3.

[20] «История государства Российского», т. I, стр. IX.

[21] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 175.

[22] Там же, стр. 413.

[23] В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 240—241. «Библиографические листы», 1825, № 13, стр. 185—186.

[24] «Декабристы», Л., 1951, стр. 535.

[25] Там же, стр. 537, 556.

[26] В. Г. Базанов. Поэты-декабристы, стр. 54.

[27] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 44.

[28] Там же, стр. 52.

[29] Там же, стр. 143—144.

[30] Там же, стр. 143.

[31] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 489.

[32] А С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 141.

[33] Об этих трафаретах напомнил К. Пигарев («Жизнь Рылеева». М., 1947, стр. 63, след.).

[34] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III. М., 1951, стр. 315.

[35] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 143.

[36] «История государства Российского», т. IX, стр. 407.

[37] «Русский инвалид», 1822, № 14, стр. 55.

[38] «Русская старина», 1871, № 1, стр. 73.

[39] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. 1951, стр. 339, 368; «Восстание декабристов», т. I, стр. 322

[40] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 479.

[41] «Литературное наследство», т. 59, стр. 206.

[42] Там же, стр. 23.

[43] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 442.

[44] Там же.

[45] «Литературное наследство», т. 59, стр. 15—16.

[46] «Русская старина», 1888, кн. 11, стр. 312.

[47] «Русский инвалид», 1823, № 4.

[48] «Сын отечества», 1823, ч. 83, стр. 183.

[49] «Русский инвалид», 1823, № 4.

[50] «Северные цветы на 1825 год», стр. 55—56.

[51] «Полярная звезда на 1825 год», стр. 29.

[52] И. С. Тургенев. Собр. соч., т. XI. 1949, стр. 155.

[53] ЦГИА, ф. 48, ед. 159, л. 30 об.

[54] «Записки А. И. Кошелева». Берлин, 1884.

[55] «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 11.

[56] Из предисловия Н. П. Огарева к отдельному изданию «дум» и стихотворений Рылеева. Н. Огарев. Стихотворения и поэмы. Т. I. Л., 1937, стр. 352.

[57] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 115.

Глава четвертая

«ВОЙНАРОВСКИЙ»

(стр. 105—135)

[1] Письмо Пушкина Рылееву от 25 января 1825 г. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 118.

[2] «Остафьевский архив», т. II. Спб., 1899, стр. 170—171.

[3] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М., 1934, стр. 495.

[4] «Декабристы». Л., 1951, стр. 332.

[5] Из комментария Ю. Г. Оксмана. См. К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 454—455.

Еще до того, как возник замысел «Войнаровского», Рылеев взялся за поэму из скандинавского быта о витязе Ольбровне и красавице Русле. Отрывок этой поэмы, объемом в 94 стиха, сохранился в архиве Якушкиных (ЦГИА) и был недавно опубликован и прокомментирован Ю. Г. Оксманом (см. его статью «Новые тексты поэмы „Войнаровский“.— „Литературное наследство“», т. 59. М., 1954, стр. 31—36). Временем написания этого отрывка вернее всего является начало 1822 г. По основательному заключению Ю. Г. Оксмана, «поэма из скандинавского быта была оставлена Рылеевым в самом начале, как слишком абстрактная по своей псевдоисторической тематике... и как явная имитация характерных деталей стиха и композиции поэмы Пушкина „Руслан и Людмила“» (там же, стр. 34). Скандинавская тема была традиционной, но интересовала она Рылеева, конечно, гораздо меньше

украинской, к которой он и обратился. Ряд стихов поэмы об Ольбровие и Русле был им затем использован в «Войнаровском» (см. там же, стр. 36 и след.).

6 «Старина и новизна», т. VIII. М., 1904, стр. 31.

7 «Северный архив», 1823, № 11.

8 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., М., 1934, стр. 473.

9 «Языковский архив», вып. 1, Спб., 1913, стр. 136.

10 См. «Записки В. И. Штейнгеля» в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905, стр. 410.

11 Там же, стр. 109. Резко отрицательную в отношении Петра I позицию занимал член Южного общества А. В. Поджио (см. сб. «Воспоминания и записки о членах тайных обществ», т. I, стр. 35). Точку зрения Поджио на Петра нельзя назвать типичной для большинства декабристов.

12 Заметки о Мазепе цит. по Полн. собр. соч. К. Ф. Рылеева, стр. 416.

13 Вступительные заметки к «Войнаровскому» цит. по кн.: К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений.

14 «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 50.

15 Письмо П. А. Катенина к Н. И. Бахтину.— «Русская старина», 1911, № 6. стр. 594.

16 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 505.

17 Там же, т. VII, стр. 193.

18 Там же, стр. 191.

19 См. приведенные мною параллели текста «Войнаровского» и «Кавказского пленника» в Полн. собр. соч. К. Ф. Рылеева, стр. 618—619 и в моей статье «Творческий путь Рылеева», в сб. «Бунт декабристов». Л., 1925.

20 Сб. «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». М., 1937, стр. 173.

21 «Записки Н. В. Басаргина». М., 1917, стр. 34, 35. Ср. в воспоминаниях декабриста Розена: «В описании страданий моих товарищей и тюремной жизни старался я отбросить все краски мрачные, чтобы не подвергнуться упреку в преувеличивании перенесенного горя или заподозрению в возбуждении сострадания. К чему это? Рылеев сказал: „Кто брошен в дальние снега за дело чести и отчизны, тому сноснее укоризны, чем сожаление врага“» (А. Е. Розен. Записки декабриста. стр. 177).

22 «Переписка Пушкина», т. 1, стр. 212,— «Русская старина», 1911, кн. 6, стр. 594.

23 «Старина и новизна», кн. VIII. М., 1904, стр. 34.

24 «Северная пчела», 1825, № 32.

25 «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 26.

26 А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. Спб., 1905, стр. 126.

27 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 118.

28 Там же, стр. 81.

29 Там же, стр. 78, 79.

30 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 495. В этом признании, между прочим, любопытен полный уважения отзыв Рылеева о Петре I. Что касается образа Миллера, то и в поэме, и в примечаниях к ней он получил явно идеализированную интерпретацию.

31 И. А. Гончаров. Собр. соч., т. VII. М., 1951, стр. 349.

32 Следует отметить, что примечания к «Войнаровскому» отличаются географической точностью и разработанностью этнографических деталей: указывается широта и долгота озера Байкал и пр. Вот одно из при-

мечаний: «*Толокно* — мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в *чумакованьи*, то есть поездках за рыбою и солью, малороссияне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они *кулиш*. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь и всем *кошем*, то есть артелью, садятся за кашицу, которую варит для них так называемый *кашевар*. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих, как звездочки в разных расстояниях на гладкой, необозримой равнине».

В этом этнографически точном описании романтично только одно место — о «простодушных сынах природы»; все остальное может служить примечанием к реалистической поэме о «чумаках».

33 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 149.

34 «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 26.

35 «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 368.

36 «Литературное наследство», т. 59, стр. 46.

37 Там же, стр. 219.

38 «Соревнователь просвещения и благотворения», 1825, № 4, стр. 109.

39 «Северный архив», 1823, № 11.

40 «Воспоминания Бестужевых», стр. 25.

41 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, М. 1951, стр. 316.

42 Н. И. Мордовченко. А. А. Бестужев-Марлинский. Вступительная статья к Собр. стихотворений А. А. Бестужева-Марлинского. Л., 1928, стр. XXIV—XXV.

43 Цит. по сб.: «Поэты-декабристы», под ред. Ю. Н. Верховского. М., 1919, стр. 201.

44 «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 480.

45 Ю. Г. Оксман. Новые тексты поэмы «Войнаровский».— «Литературное наследство», т. 59, стр. 42.

46 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. I, стр. 112.

47 Там же, стр. 103, 102.

48 Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1938, стр. 317.

Глава пятая

ПОЭМЫ О НАЛИВАЙКО И ПАЛЕЕ. ТРАГЕДИЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМ

(стр. 136—170)

1 ЦГИА, ф. 48, д. 371, л. 1.

2 «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 13.

3 «Девятнадцатый век». Книга первая. М., 1872, стр. 361.

4 К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 222.

5 В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 103.

6 К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 222

7 «Восстание декабристов», т. I. 1925, стр. 372.

8 См. документальные материалы, объединенные в кн.: К. Аксенов Северное общество декабристов, стр. 175—191.

9 «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 217.

10 Там же, стр. 226.

11 ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 55.

12 Там же, д. 397, л. 112 об.

13 «Воспоминания Бестужевых», стр. 27.

14 К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, стр. 490.

15 Там же, стр. 540.

16 «История Малой России», Д. Н. Бантыш-Каменского, часть третья. М., 1822, стр. 197.

17 К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 240.

18 В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 269—282.

19 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 124.

20 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 483.

21 Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1938, стр. 352.

22 «Московский телеграф», 1825, № 8, стр. 328.

23 Д. Р. К. Четвертое письмо на Кавказ.— «Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198.

24 К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 467—468.

25 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М., 1934, стр. 494.

26 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 144.

27 «Русская старина», 1888, № 12, стр. 599.

28 «Восстание декабристов», т. III, стр. 246.

29 «Воспоминания Бестужевых», стр. 7. Аналогичное мнение об «Исповеди Наливайко» высказал М. А. Фонвизин, указавший, что «поэтическая душа Рылеева имела предчувствие того, что его ожидало». («Общественные движения в России в первую половину XIX века». Спб., 1905, стр. 192).

30 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXII, стр. 103.

31 К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 469.

32 «Воспоминания Бестужевых», стр. 57.

33 «Декабристы», Л., 1951, стр. 333, 334.

34 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 483. Пушкин отвечал на это А. А. Бестужеву: «Кланяюсь планщику Рылееву... но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 192).

35 «Русская старина», 1888, № 12, стр. 599.

36 «Литературное наследство», т. 59, стр. 153, 154.

37 Письмо А. С. Бригена к Рылееву хранится в архиве ИРЛИ; оно не совсем исправно напечатано в кн.: В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Приложения, стр. 97—98.

38 «Литературное наследство», т. 59, стр. 26—27.

39 Там же, стр. 28.

40 «Киевские университетские известия», 1916, № 2, стр. 53.

41 «Литературное наследство», т. 59, стр. 234.

42 Об этом писал уже Ф. Н. Глинка: «Гонение коснулось храмов наших и сокрушило алтари» и т. д. См. «Декабристы». Л., 1951, стр. 331.

[43] См. ЦГИА, ф. 279, оп. 1, ед. 279, л. 1—4.
[44] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 656, 675.
[45] «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Изд. 4-е, Спб., 1903, стр. 99—100.
[46] Там же, стр. 116.
[47] С. Машинский. Историческая повесть Гоголя. М., 1940, стр. 83.
[48] «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского, изд. 4-е, Спб., 1903, стр. 103.
[49] Там же, стр. 117.
[50] Там же, стр. 103, 125.
[51] «Воспоминания Бестужевых», стр. 27.

Глава шестая

АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

(стр. 171—207)

[1] Цит. по кн.: «Декабристы. Отрывки из источников». М.—Л., 1926, стр. 442, 447.
[2] Н. И. Тургенев. Россия и русские, ч. I. Спб., 1907, стр. 50.
[3] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 116.
[4] «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». Редакция и комментарии С. Я. Штрайха. М., 1951, стр. 177.
[5] Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М., 1892, стр. 16. Эта песня Катенина распевалась декабристами и на каторге (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 151—152).
[6] Н. Котляревский. Рылеев. Спб., 1908, стр. 78.
[7] «Восстание декабристов», т. IX. М.—Л., 1941, стр. 18. См. также сообщение А. А. Осокина. Об авторе нелегальной песни «Подгуляла я...» см. «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 268—272.
[8] В. А. Гофман. Литературное дело Рылеева. Вступит. статья к Полн. собр. стихотворений, 1934, стр. 62.
[9] Цит. по кн.: «Декабристы. Отрывки из источников», стр. 111.
[10] «Записки декабриста Д. И. Завалишина», изд. 2-е, стр. 50.
[11] «Восстание декабристов», т. I. М.—Л., 1925, стр. 176.
[12] «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 226.
[13] «Восстание декабристов», т. 1, стр. 267.
[14] Там же, стр. 457.
[15] Там же, т. IV, стр. 289.
[16] Там же, т. III, стр. 207.
[17] «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, 1935, стр. 818.
[18] Припомним, что молодой Пушкин демонстративно противополагал «кривлянью придворной мистики» «святую библию Харит» — «кощунственную» «Орлеанскую девственницу» Вольтера (Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 153). В той же функции противопоставления религиозному мракобесию «Орлеанская девственница» фигурирует и в песне «Ах, где те острова...».
[19] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 80.
[20] «Восстание декабристов», т. I, стр. 458.

[21] Там же, стр. 267.

[22] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л.. 1934, стр. 512.

[23] «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Спб., 1905, стр. 190.

[24] «Литературное наследство», т. 59, стр. 74.

[25] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. Спб., 1906, стр. 14. См. об этом также в воспоминаниях М. А. Фонвизина («Общественные движения в первую половину XIX века». Спб., 1905, стр. 183), в письме Каховского к Левашову (А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов, стр. 21), в показаниях на следствии И. Д. Якушкина («Восстание декабристов», т. III, стр. 49), Борисова 2-го (там же, т. V, стр. 31), Андреевича (там же, т. V, стр. 294) и др.

[26] А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов», стр. 29.

[27] Там же, стр. 31.

[28] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., 1934, стр. 454.

[29] «Социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 100.

[30] М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 88.

[31] «Восстание декабристов», т. I, стр. 176.

[32] М. А. Брискман. Агитационные песни декабристов.—Сб. «Декабристы и их время». Л., 1951, стр. 9, 17.

[33] «Восстание декабристов», т. IX, стр. 263.

[34] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 581—582.

[35] В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский. Л., 1949, стр. 97.

[36] «Восстание декабристов», т. II, стр. 226.

[37] «Литературное наследство», т. 59, стр. 108.

[38] Там же, стр. 118.

[39] Эти показания цит. по подлинному тексту дела Критских (Центральный Государственный военно-исторический музей в Ленинграде).

[40] В показаниях М. И. Муравьева-Апостола эта строфа была еще более резкой: «А третий нож, молитву сотворя, на вампира на царя». «Восстание декабристов», т. IX, стр. 62.

[41] См. Сказания русского народа, собранные П. Сахаровым, т. I, изд. 3-е. Спб., 1841, стр. 12.

[42] См. «Записки В. И. Штейнгеля».— Сб. «Общественные движения в первую половину XIX века». Спб., 1905, стр. 413.

[43] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 434.

[44] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 517.

[45] «Восстание декабристов», т. I, стр. 176.

[46] Там же, т. IV, стр. 289.

[47] А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. 1950, стр. 37.

[48] «О рабстве крестьян» В. Ф. Раевского. Цит. по кн.: В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский. Л., 1949, стр. 110.

[49] «Декабристы. Отрывки из источников». Л., 1926, стр. 39.

[50] В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский, стр. 110.

[51] ЦГИА, ф. 48, ед. 363, л. 1 об.

[52] «Восстание декабристов», т. II, стр. 166.

[53] Там же, т. V, стр. 22.

54 Цит. по служебной записке А. Х. Бенкендорфа.— «Красный архив», т. 37, стр. 160.

55 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 116.

56 П. Беляев. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном», Спб., 1882, стр 155.

57 «Восстание декабристов», т. II, стр. 166.

58 «Декабристы. Отрывки из источников», стр. 39.

59 Цит. по копии из Архива Академии наук СССР, ф. 100, оп. 1, д. 479, л. 101.

60 А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов, стр. 20.

61 Там же, стр. 40.

62 Там же, стр. 40, 9.

63 Там же, стр. 77.

64 «Общественные движения в первой половине XIX века», стр. 480.

65 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 119.

66 «Общественные движения в первой половине XIX века», стр. 199, 479.

67 А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов, стр. 9.

63 Там же, стр. 37.

69 «История СССР», изд. 2-е, М., 1949, т. II, стр. 119.

70 «История СССР», т. II. М., 1940, стр. 113.

71 Из письма его к Николаю I. Цит. по кн.: А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов», стр. 37.

72 Из хранящихся в ИРЛИ воспоминаний Потапа Агапова. См. «Литературное наследство», т. 59, стр. 254.

73 Сб. «Революционные мотивы русской поэзии». М., 1926, стр. 13.

74 «Восстание декабристов», т. I, стр. 458.

75 «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 27.

76 Цит. по рукописи докторской диссертации А. М. Новиковой (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

77 Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 517.

78 Свидетельство рассыльного «Полярной звезды» Потапа Агапова.— «Литературное наследство», т. 59, стр. 255.

79 А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина, стр. 160.

80 «Общественные движения в первой половине XIX века», стр. 236.

81 «Воспоминания Бестужевых», стр. 54.

82 Л. А. Мандрыкина. После 14 декабря 1825 г.— Сб. «Декабристы и их время». Л., 1951, стр. 231.

83 Список, хранящийся в архиве Е. П. Растопчиной в ЦГЛА. См. о нем: К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 510.

84 ЦГЛА, ф. 195, ед. 5569.

85 М. А. Брискман. Агитационные песни декабристов, сб. «Декабристы и их время», Л. 1951, стр. 14.

86 Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. 1938, стр. 257.

87 См. сб. стихотворений, составленный Н. Л. Бродским и В. Л. Львовым-Рогачевским. Революционные мотивы русской поэзии. М., 1928, стр. 215.

Глава седьмая

ЛИРИКА И САТИРА 1824—1826 гг.

(стр. 208—232)

[1] «Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198.

[2] «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 123—124.

[3] См. «Остафьевский архив», т. II. Спб., 1899, стр. 170.

[4] Там же, т. III, стр. 48.

[5] Из письма от 17 июня 1824 г. Печатается в «Литературном наследстве», т. 60.

[6] «Литературное наследство», т. 59, стр. 211.

[7] Слова Н. И. Стороженко; цит. по кн.: Н. Котляревский. Рылеев. Спб., 1908, стр. 67.

[8] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. Спб., 1906, стр. 39, 40.

[9] A. Mickievicz. Les slaves., т. III, P., 1849, стр. 289.

[10] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, стр. 393.

[11] «Литературное наследство», т. 59, стр. 234.

[12] По свидетельству Д. И. Завалишина на следствии, умерший был членом тайного общества: «Когда Чернов умер, Рылеев сказал мне, что он был членом и что он его принял...» («Восстание декабристов», т. III, стр. 373).

[13] Сочинения и переписка К. Рылеева. Спб., 1872, стр. 348. Автограф стихотворения «На смерть К. П. Чернова» в настоящее время хранится в архиве ИРЛИ, ф. 269, оп. 1, ед. 26.

[14] «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 813.

[15] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 394.

[16] Этот рассказ Д. И. Завалишина напечатан в его статье «Поправки и заметки».— Сб. «Древняя и новая Россия», год 4, № 1, Спб., 1878, стр. 364—365.

[17] К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 394. См. также М. К. Константинов. Литературная деятельность Кюхельбекера накануне 14 декабря.— «Литературное наследство», т. 59, стр. 535—536.

[18] «Декабристы». Л., 1951, стр. 622.

[19] «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 319.

[20] «Общественные движения в первую половину XIX века». Спб., 1905, стр. 294.

[21] «Девятнадцатый век», кн. I, стр. 319.

[22] Там же, стр. 334, 319.

[23] По поводу воспоминаний о К. Ф. Рылееве, «Девятнадцатый век», кн. I, стр. 354.

[24] «Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 28.

[25] «Литературное наследство», т. 59, стр. 224. «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 94.

[26] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 382, лл. 15 и 9.

[27] «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 195.

[28] Там же, стр. 77.

[29] Там же, стр. 186.

[30] Там же, стр. 23.

[31] Из показания В. И. Штейнгеля от 9 февраля 1826 г. «Литературное наследство», т. 59, стр. 234.

[32] М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 238.

[33] Там же, стр. 242.

[34] Беляев показывал: «Кто сочинил стихи, верно сказать не могу, но кажется Рылеев. Получил я их от Бестужева 4-го... стихи „Я ль буду в роковое время" ...Я знаю наизусть и напишу в конце» (ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 363, л. 37 об.). Вслед за этим Беляев набросал 4 строфы этого стихотворения, затем зачеркнутые в Следственной комиссии.

[35] «Литературное наследство», т. 59, стр. 216.

[36] «Восстание декабристов», т. I, стр. 444.

[37] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 53, л. 7.

[38] См. «Восстание декабристов», т. III, стр. 243, 318.

[39] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 360, л. 13.

[40] «Восстание декабристов», т. I, стр. 372.

[41] Цит. по Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XVI, стр. 77.

[42] Из показаний В. И. Штейнгеля от 9 февраля 1826 г. ЦГИА, ф. 48, оп.1, ед. 360, л. 15 об.

[43] «Воспоминания Бестужевых», стр. 32.

[44] «Восстание декабристов», т. I, стр. 488.

[45] «Восстание декабристов», т. III, стр. 405.

[46] Эти намерения Рылеева были раскрыты в мае 1826 г., на очных ставках его с членами Северного общества.

[47] К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 310.

[48] «Литературное наследство», т. 59, стр. 224.

[49] Сб. «Междуцарствие 1825 г.», М., 1925, стр. 145.

[50] Снимавший допрос генерал Толь принялся увещевать Рылеева такими доводами: «Не вздор ли затевает молодость?» и т. д.— На что он (Рылеев.— *А. Ц.*) весьма холодно отвечал: «Не взирая на то, что вам всех виновных выдал, я вам скажу, что я для счастия России полагаю конституционное правление самым выгоднейшим и остаюсь при сем мнении» («Восстание декабристов», т. I, стр. 153).

[51] Записка Николая I к коменданту Петропавловской крепости цит. по автографу. ЦГЛА, ф. 423, ед. 331.

[52] См. К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. Л., 1934, стр. 497—500.

[53] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 53, л. 7 об.

[54] 28 апреля 1826 г. Николай I сообщал матери: «Рылеев открыл вчера весь свой план относительно 14-го и сознался, что он действительно намеревался всех нас убить и отдать город во власть народа и войска». («Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов». М.—Л., 1926, стр. 201). Мария Федоровна писала, что «если Рылеев действительно имел такие намерения, то он изверг...» (Там же, стр. 224). Ср. также отрывок из дневника Марии Федоровны, там же, стр. 101.

[55] ИРЛИ, ф. 269, оп. 2, ед. 12.

[56] Из комментариев Ю. Г. Оксмана. См. К. Рылеев. Полн. собр. стихотворений, стр. 549.

Глава восьмая

РЫЛЕЕВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(стр. 233—282)

1 Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1951, стр. 16—17.

2 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. Л., 1934, стр. 412.

3 См., например, сб. «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906, стр. 10; «Восстание декабристов», т. III, стр. 16; А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб., 1907, стр. 5 и др.

4 «Декабристы. Отрывки из источников». Л., 1926, стр. 237.

5 В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 110.

6 «Из писем и показаний декабристов», стр. 14.

7 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 417.

8 И. Я. Щипанов считает — и, конечно, неосновательно — это юношеское произведение Рылеева декабристским. См. его статью «Воззрения декабристов».— «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, 1951, стр. 72. Еще дальше пошел Г. Габов, бездоказательно утверждавший, что «критикуя католическую церковь, Рылеев имел в виду, конечно, и русскую православную церковь, представлявшую собой опору самодержавия. Но, стремясь обойти цензуру, он вынужден был писать о католической церкви, в то же время хорошо понимая реакционную роль всякой религии» (Г. Габов. «Общественно-политические и философские взгляды декабристов», М., 1954, стр. 238). В то время, когда Рылеев писал этот отрывок, ему было не больше 19 лет и он отнюдь не был еще убежденным врагом православной церкви. Кроме того, у него никогда не было намерения публиковать этот юношеский набросок в печати. Поэтому указания на необходимость «обойти цензуру» в данном случае совершенно беспредметны.

9 «Декабристы». Л., 1951, стр. 543.

10 Там же, стр. 98.

11 «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 457.

12 «Мнемозина», 1824, ч. I, стр. 65.

13 Там же, ч. II, стр. 30.

14 Н. Л. Степанов. Критика и журналистика декабристского движения. В кн.: «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. I. Л., 1950, стр. 228.

15 «Декабристы», Л., 1951, стр. 551—552.

16 Там же, стр. 539.

17 К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 483.

18 Выражение О. Сомова в его статье «О романтической поэзии».— «Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, ч. 24, стр. 146.

19 В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 281.

20 В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 40.

21 В. Г. Базанов. Поэтическое наследие Федора Глинки. Послесловие к сб. стихотворений «Федор Глинка». Петрозаводск, 1949, стр. 396.

22 К. Ф. Рылеев. Полн собр. соч., стр. 477, 479.

[23] Там же, стр. 483.
[24] Там же, стр. 489.
[25] Там же, стр. 490.
[26] А. А. Бестужев-Марлинский. Стихотворения. 1940, стр. XXII.
[27] Там же, стр. 177.
[28] Там же, стр. 553.
[29] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, ч. 24.
[30] «Декабристы». Л., 1951, стр. XI.
[31] Это помимо В. И. Маслова (см. гл. VII его монографии) сделано Н. Л. Степановым. См. его статью «Критика и журналистика декабристского движения».— «Очерки по истории русской журналистики и критики». Л., 1950, стр. 219—223.
[32] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». Спб., 1866, стр. 411.
[33] «Воспоминания Бестужевых», М., 1951, стр. 25.
[34] Там же, стр. 27.
[35] «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906, стр. 48.
[36] Этот контраст раскрывался уже в портретах рылеевских героев, краски в изображении которых отличались определенностью и резкостью. Рылеев не прибегал здесь к нюансам и оттенкам, ему было важно подчеркнуть основные черты романтического образа. «Чьи так дико блещут очи? Дыбом черный волос встал?». Так рисует Рылеев «злого преступника» Димитрия Самозванца. Портрету этого типа людей противопоставлено изображение положительных героев: «Страсти пылкие рисуются На челе его младом; Перси юные волнуются И глаза блестят огнем» («Вадим»). Это резко контрастная романтическая манера портретирования характерна для всего творчества Рылеева.
[37] «Отрывки из „Фарсалии“». См. Федор Глинка. Избранное. Петрозаводск, 1949, стр. 52.
[38] «Декабристы». Л., 1951, стр. 537.
[39] «Сын отечества», 1882, ч. 77, № 20, стр. 263.
[40] «Русский вестник», 1811, № 7, стр. 72.
[41] «Сын отечества», 1822, № 13, стр. 251—252.
[42] «История русской литературы», т. VI. М., 1953. Изд-во АН СССР, стр. 25; ср. там же, стр. 126.
[43] «Декабристы», Л., 1926, стр. 111.
[44] «Восстание декабристов», т. III, стр. 319.
[45] Там же, т. II, стр. 163.
[46] Там же, т. III, стр. 259.
[47] К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 477.
[48] Цит. по кн.: М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 4.
[49] «Восстание декабристов», т. IV, стр. 177.
[50] «Мнемозина», 1824, ч. III, стр. 37.
[51] Об употреблении этого слова Рылеевым см. в показаниях М. И. Пущина: «В субботу 12-го декабря пошел я к Рылееву, с которым давно знаком, но которого давно не видал. Он меня встретил тем, что если хочешь быть нашим, я скажу тебе наше намерение» («Литературное наследство», т. 59, стр. 254).
[52] А. Н. Соколов. Поэты-декабристы. Сб.— «История русской литературы XIX века», кн. I. М., 1951, стр. 80. См. об этом также в недавно

вышедшей работе Н. С. Авиловой. К изучению языка поэтов-декабристов.— «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 111. М., 1953. См. также две диссертации на эту тему: Н. В. Ермолаева. Общественно-политическая лексика стихотворных произведений К. Ф. Рылеева. М., 1953; Л. И. Шоцкая. Общественно-политическая лексика гражданской поэзии декабристов 20—30-х г. XIX в. Л., 1953.

[53] В. Г. Базанов. «Вольное общество любителей российской словесности», стр. 72—73.

[54] «В это время, — вспоминал И. Д. Якушкин, — мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие — были у каждого из нас почти настольными книгами». (И. Д. Якушкин. Воспоминания. 1951, стр. 20). Справедливость этого признания нетрудно подтвердить на примере Плутарха. Ф. Н. Глинка называл его «меж мудрыми избранным» («Письма русского офицера». М., 1815, стр. 1). «Сравнительные жизнеописания» Плутарха были «любимейшим занятием» декабриста Горбачевского («Восстание декабристов», т. V, стр. 190), их высоко ценил Корнилович, ими пользовался в пропагандистской работе среди солдат Владимир Раевский (см. «Пушкинский сборник». Ульяновск, 1949, стр. 235, 322). Ср. также признания П. И. Борисова: «Чтение греческой и римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнеля Непота поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию» («Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 89).

[55] Вл. Орлов. Предисловие к сб. «Декабристы». Л., 1951, стр. XIV.

[56] В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 318.

[57] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 53, л. 6.

[58] В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 320.

[59] «Декабристы». Л., 1951, стр. 534.

[60] Слова А. А. Бестужева о Феофане Прокоповиче, вполне применимые, конечно, и к декабристскому красноречию («Декабристы», Л., 1951. стр. 535).

[61] ЦГИА, ф. 48, оп. 1, ед. 50, л. 4.

[62] «Восстание декабристов», т. V, стр. 97.

[63] Там же, т. III, стр. 379.

[64] Из записной книжки М. С. Лунина. Цит. по кн.: «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 185.

[65] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 442; «Воспоминания Бестужевых», 1951, стр. 25.

[66] «Русская старина», 1888, № 11, стр. 312.

[67] «Очерки по истории русской журналистики и критики». Л., 1951, стр. 197.

[68] В. А. Гофман безосновательно утверждал, будто сатира не могла удовлетворить Рылеева и он сразу же оставил ее (см. К. Рылеев. Полн. собр стихотворений, стр. VIII).

[69] «Декабристы», Л., 1951, стр. 551.

[70] А. Н. Соколов. Поэты-декабристы. «История русской литературы XIX века», кн. I, стр. 68.

[71] «История русской литературы XIX века», кн. 1, стр. 73.

[72] Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 319.

[73] А. В. Поджио. Записки декабриста. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ», т. I, М., 1931, стр. 25.

[74] «Воспоминания Бестужевых», стр. 12.

[75] «Восстание декабристов», т. I, стр. 444.

[76] Цит. по кн.: К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951. стр. 201.

[77] А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб., 1907, стр. 102.

[78] К. Аксенов. Северное общество декабристов, стр. 201.

[79] «Литературное наследство», т. 59, стр. 219.

[80] К. Аксенов. Северное общество декабристов, стр. 202.

[81] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 315.

[82] Н. И. Мордовченко, А. А. Бестужев-Марлинский. Вступительная статья к Полн. собр. стихотворений Бестужева-Марлинского, стр. XXIV.

[83] П. Беляев. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном». Спб., 1882, стр. 155.

[84] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, стр. 78.

[85] А. Милюков. Доброе старое время. Спб., 1872, стр. 207.

[86] Т. Пассек. Из дальних лет, т. I. Спб., 1878, стр. 220.

[87] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XII, стр. 57.

[88] Там же, т. I, стр. 112.

[89] Там же, т. XVII, стр. 97.

[90] Я знакомился с обществом Критских по делу III отделения «о злоумышленниках в Москве, в трех частях 1829 года». ЛОЦИА. Военно-исторический архив, ф. 9, св. 17, д. 4.

[91] Там же, лл. 17, 28, 58.

[92] «Былое», 1906, № 6, стр. 47.

[93] ЛОЦИА. Военно-исторический архив, ф. 9, св. 17, д. 4, л. 18.

[94] Там же, лл. 40 и 64.

[95] Там же, л. 27 об.

[96] Там же, л. 22.

[97] Сб. «А. И. Ульянов и дело 1-го марта 1887 г.». 1927, стр. 54. Как в настоящее время установлено, это стихотворение написано в 40-х годах А. Н. Плещеевым. См. «Литературное наследство», т. 59, стр. 285.

[98] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 435.

[99] М. А. Цявловский. Эпигоны декабристов.— «Голос минувшего», 1917, № 7—8.

[100] «Декабристы», Л., 1951, стр. 566

[101] Письма Н. М. Языкова к родным... Спб., 1913, стр. 163.

[102] На них указал В. А. Бочкарев в статье «Н. П. Огарев и его предшественники».— «Ученые записки Куйбышевского государственного пед. института им. Куйбышева», вып. 6, 1942, стр. 28—42.

[103] «Русский вестник», 1872, № 12.

[104] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9.

[105] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 315.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати Институтом мировой литературы им. А. М. Горького

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц.* Технический редактор *Т. А. Землякова.*
Корректор *А. К. Бессмертная.*

РИСО АН СССР № 4–58В. Т-01503. Издат. № 356. Тип. заказ № 992. Подп. к печ. 5/I 1955 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 9,5. Печ. л. 19 Уч.-издат. 19,5. Тираж 20.000.
Цена 8 руб. 80 коп.

Набрано в 3-й тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Савельевский пер., д. 13.
Отпечатано во 2-й тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
15	16 св.	вольнопоселенцев	военнопоселенцев
18	12 св.	проведены	приведены
206	4 св.	бота	бога
211	6 сн.	у убеждал	и убеждал
302	22 св.	Корнеля Непота	Корнелия Непода

А. Г. Цейтлин. Творчество Рылеева.